

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Бабоша Иван Александрович
Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской
заграничной агентуры

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Борисенко Юрий Аркадьевич

Москва – 2025

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Польские земли и становление системы заграничного агентурного надзора за политическими эмигрантами и революционерами в конце 1820–1830-х гг.	92
1. Органы заграничного сыска польских земель накануне восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском	92
2. Эволюция органов заграничного сыска польских земель после подавления восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском	99
3. Попытки создания системы транснационального агентурного наблюдения за польской эмиграцией в 1830-х годах. Международная деятельность Секретного комитета высшего политического надзора 1837–1839 годов	104
Глава 2. Польская эмиграция в контексте системы агентурного надзора 1831–1855 гг.....	114
1. Специфика агентурной работы на польском направлении в 1831–1855 гг.	114
2. Подрывная деятельность польских революционеров и их союзников в агентурных отчетах 1830-х гг.....	121
3. Стабилизация системы агентурного надзора за польской эмиграцией в 1840-х гг.....	145
4. Польская эмиграция накануне и во время Крымской войны в донесениях Я.Н. Толстого.....	161
Глава 3. Польская эмиграция в контексте системы агентурного надзора после Крымской войны и до второй половины 1870-х гг.	174
1. Новые веяния в работе заграничной агентуры в среде польской эмиграции после Крымской войны. Идентичность и национальное самосознание тайных агентов польского происхождения (на примере Ю. Балашевича-Потоцкого)	174
2. Польская эмиграция и ее противостояние с тайной полицией накануне и во время восстания 1863–1864 гг. в польских землях	205

3. Новая волна польской эмиграции и деятельность заграничной агентуры в ее среде во второй половине 1860-х гг.	239
4. Закат польской политической эмиграции. Переориентация агентурного надзора на международное и российское революционное движение в 1870-х гг.	269
Заключение	289
Список литературы и источников	296

Введение

Актуальность темы исследования

Польская политическая эмиграция 1830–1870-х гг. образовалась в результате поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском против Российской империи. Неудачные повстанческие выступления польского национального движения в 1846 и 1848–1849 гг. в Австрии и Пруссии, с одной стороны, и, с другой стороны, поражение еще одного крупного Январского восстания 1863–1864 гг. на землях бывшей Речи Посполитой в составе России породили очередные волны эмиграции. В польской исторической традиции этот исход части повстанцев и сочувствующих им лиц за рубеж получил именование «Великой эмиграции»¹ – не столько из-за ее численности (за весь период 1830–1870-х гг. число эмигрантов колебалось в районе 10 тыс. человек)², сколько по причине ее качественного состава. Эмигрантами были крупный политический деятель князь Адам Чарторыйский, выдающийся историк и революционер Иоахим Лелевель, великий поэт Адам Мицкевич и известный на весь мир композитор Фредерик Шопен. В господствующем в Польше и по сей день историческом нарративе «Великая эмиграция» воспринимается в качестве представительницы польских интересов за рубежом и своеобразной формы сохранения польской нации

¹ К эре классической «Великой эмиграции» в литературе зачастую относят только период до 1862 г. – то есть кануна Январского восстания 1863–1864 гг. Новую же эмиграционную волну после подавления этого восстания традиционно называют «малой» или «постъянварской», поскольку в этот период она постепенно стала приходить в упадок, а новых ярких личностей, сравнимых по масштабам с к тому моменту умершими А. Чарторыйским или И. Лелевелем – представителями «Великой эмиграции» – там так и не появилось.

² Подчеркнем, что в работе речь идет только о политических эмигрантах – деятелях, как его обычно называют, «национально-освободительного движения», боровшегося против России, Австрии и Пруссии. Возникшая во второй половине XIX в. куда более многочисленная экономическая эмиграция с польских земель политических задач перед собой не ставила и в рамках данного диссертационного исследования рассматриваться не будет.

в условиях отсутствия государственности.

В лице «Великой эмиграции» как составной части польского национального движения второй–третьей четверти XIX в. Российская империя впервые столкнулась с противником такого рода. Предыдущие примеры эмиграционных исходов с территории России – в частности, старообрядцев или казаков-некрасовцев после Булавинского восстания – не принимали форм политически организованного движения, пользующегося покровительством западных правительств и международных революционных организаций. Вплоть до наступления так называемого «разночинского» этапа «освободительного движения» в 1860–1870-х гг. у польской эмиграции среди врагов самодержавия не было достойных конкурентов по степени организованности.

Укрывавшиеся на территории различных европейских государств деятели польского национального движения отправляли эмиссаров на земли бывшей Речи Посполитой с целью организации новых повстанческих выступлений, возбуждали антироссийские информационные кампании в западной прессе и поддерживали тесные контакты с деятелями международного и российского революционного движения. В связи с этим польская эмиграция вынудила руководство III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – III отделения, СЕИВК), тайной полиции Царства Польского и Министерства иностранных дел Российской империи заняться учреждением специального надзора за ней со стороны российской заграничной агентуры.

С похожим вызовом сталкивалась не только монархия Романовых. XIX век в известном смысле представляет собой период противостояния, с одной стороны, империй, с другой – национальных и революционных движений. При этом такие движения зачастую действовали, во-первых, за границами того или иного государства, и, во-вторых, использовали средства конспирации. Очевидно, что политических эмигрантов невозможно нейтрализовать только военно-дипломатическим путем или средствами обычных органов правопорядка. Чтобы выяснить планы действующих в подполье радикалов, нужна внедренная агентура – особый слой людей, который в силу специфики профессии часто рекрутировался

из среды самих же революционеров и эмигрантов. И первую заграничную агентурную сеть, согласно устоявшемуся в историографии мнению, российское III отделение вынуждено было организовать именно для контроля за польской эмиграцией.

В историографии, в том числе в российской и польской, отсутствуют исследования, в которых бы комплексно изучалось влияние польской эмиграции 1830–1870-х гг. на эволюцию системы заграничного надзора Российской империи. Кроме того, в исторической науке специально не изучались и крайне важные факторы идентичности и служебной мотивации заграничных агентов польского происхождения – то есть тех людей, от которых во многом зависела успешность нейтрализации национально-революционных движений³, надежность и эффективность их работы. Вне поля зрения исследователей остается также вопрос о том, как деятельность польской эмиграции подталкивала различные государственные органы к кооперированию их усилий по заграничному надзору на польском направлении и какие из них играли в этом ведущую роль. Его рассмотрение может в перспективе пролить свет на глобальную проблему, выходящую за рамки нашего диссертационного исследования – как угрозы националистического и революционного характера, среди которых весьма заметное место занимала деятельность польского национального движения и политической эмиграции, воздействовали на совершенствование форм и методов противодействия им со стороны государственного аппарата европейских великих держав XIX–начала XX вв.

Таким образом, **актуальность** темы нашей диссертации обусловлена тем, что в научной литературе история польской политической эмиграции еще ни разу

³ В подавляющем большинстве работ агенты тайной полиции по умолчанию воспринимались либо как «национальные предатели» (если они были польского происхождения), либо как обыкновенные авантюристы. Безусловно, что подобные оценки в отдельных случаях вполне соответствовали реальности. Но, в то же время, нельзя отрицать, что мотивации конкретных людей могли быть намного более сложными.

комплексно не изучалась с позиций ее врагов, а именно: российского самодержавия и заграничной агентуры на его службе. Смысл существования польской эмиграции во многом заключался в борьбе против царского правительства, именно поэтому полноценное раскрытие данной темы невозможно без учета точки зрения российской стороны. Изучение проблематики данного исследования также представляет ценность для развития целого ряда направлений исторической науки – прежде всего, истории политических эмиграций и революционных движений, истории спецслужб, национальной и внешней политики, а также международных отношений, поскольку активность польской эмиграции затрагивала интересы разных европейских держав. Кроме того, изучение заграничного сыска на польском направлении выходит также на проблематику микроистории и повседневной жизни. Какой выбор должен был сделать «маленький человек», представитель того или иного национального меньшинства и одновременно подданный империи: влиться в ряды родного национального движения или же сохранить лояльность «большой» родине (возможно, поступив на службу в тайную полицию с риском прослыть «предателем» своего народа)?

Терминология исследования

В российских полицейских материалах 1830–1870-х гг. отсутствует четкая система терминов для обозначения реалий заграничного сыска на польском направлении. Все неофициальные сотрудники сыскных органов – от случайных информаторов до проверенных ветеранов – независимо от своего положения назывались словом «агент» и, таким образом, не имели формального иерархического статуса. Чтобы ясно очертить полномочия и степень влияния того или иного агента, некоторые исследователи используют понятийный аппарат спецслужб XX–XXI вв. Например, выдающегося агента Я.Н. Толстого известный историк-франковед П.П. Черкасов называет «резидентом III отделения в Париже» – Толстой был не просто платным осведомителем, а организатором агентурной

сети, который, в отличие от большинства агентов, вошел в официальную бюрократическую иерархию Российской империи и дослужился до чина тайного советника. В таких случаях использование осовремененных терминов для обозначения реалий XIX в. представляется вполне оправданным.

Похожая неопределенность наблюдается и в случае именовании органов, ведущих заграничный сыск на польском направлении. В источниках обычно говорится о «высшей полиции», «высшем политическом надзоре» (чаще – просто «полиции» или «надзоре» без каких-либо эпитетов). В терминологии XIX в. под словом «высшая полиция» подразумевалось не конкретное ведомство, а деятельность властей по борьбе с преступлениями против государства⁴. В историографии такого рода активность принято называть «политическим сыском» («политическим розыском», «политической полицией», «тайной полицией» и т.п.). Заграничную деятельность сыскных органов П.П. Черкасов и современный историк-германист О.В. Заиченко иногда характеризуют как «внешнюю разведку» (см. раздел «степень изученности проблемы»). Такое словоупотребление безусловно верно в тех случаях, когда агентура занималась сбором сведений о политике иностранных держав. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в источниках рассматриваемого периода не проводилось четкой границы между собственно разведывательными и полицейскими (сыскными) акциями российского правительства. Если Толстой во многих отношениях выполнял функции «разведчика» (см. подробнее п. 1 гл. 2 диссертации), то другие агенты специализировались исключительно на политическом сыске. Поскольку в нашей диссертации рассматривается, прежде всего, агентурный надзор за польскими политическими эмигрантами – государственными преступниками (с точки зрения законодательства Российской империи) мы будем говорить в основном о заграничном сыске, а не о внешней разведке. В то же время, в ситуациях, когда речь идет о взаимоотношениях эмигрантов с теми или иными иностранными

⁴ *Севастьянов Ф.А.* Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016. С. 25–40.

правительствами, вполне допустимо рассуждать и о внешней разведке.

Особенно следует рассмотреть правомерность употребления термина «политическая провокация» для описания инструментария агентурной работы заграничного сыска 1830–1870-х гг. на польском направлении. В историографии политического сыска, отталкивающейся во многом от реалий революционного движения начала XX в., под «провокаторами» часто подразумеваются агенты правительства, внедренные в революционную организацию и провоцирующие революционеров на совершение преступлений с целью их последующего ареста властями.

Исторически сложилось, что большинство исследователей данной проблематики симпатизировали деятелям польского национального движения и революционерам (как польским, так и российским) и презирали правительственных агентов, считая их «предателями». Поэтому наименования «провокация» и «провокатор» приобрели в польской и российской исторической традиции сугубо негативный окрас.

В полицейских материалах рассматриваемого периода есть примеры внедренных агентов, которые активно манипулировали политическими эмигрантами и революционерами. Однако в источниках мы не нашли свидетельств о том, что они напрямую поощряли подготовку преступлений (например, покушение на монархов или чиновников). Кроме того, ни руководство полиции, ни сами агенты не квалифицировали такие действия как «провокацию».

Вместе с тем, на наш взгляд, «провокацию» не следует полностью удалять из понятийного аппарата историографии политического сыска XIX в., как это предлагают некоторые исследователи⁵. Современный историк О.Ю. Абакумов подобрал весьма удачную дефиницию этого термина, подчеркнув, что провокационные методы основаны «не на пассивном сборе информации, а на активном вмешательстве, подталкивании поднадзорных к действиям в выгодном

⁵ О некорректности использования термина «провокация» применительно к истории политического розыска писал, в частности, Ф.С. Севастьянов: *Севастьянов Ф.С. Указ. соч. С. 47–49.*

для власти направления»⁶. В этой трактовке слово «провокация» весьма емко и точно отражает суть работы некоторых тайных агентов – они стремились, прежде всего, скорректировать поведение своих поднадзорных, обезвредить и нейтрализовать их, а не обязательно подтолкнуть к совершению преступлений. Провоцирование преступной деятельности, конечно, нельзя исключать из этого определения, но оно далеко не исчерпывает содержание термина «политическая провокация» в широком смысле, под которым можно понимать совокупность методов агентурной работы, основанных на активном (зачастую личном) взаимодействии агента с объектом наблюдения.

Буквальное следование принципу историзма оставляет исследователю заграничного сыска 1830–1870-х гг. крайне скудный набор терминов («агент», «высшая полиция», «надзор»), опираясь на который затруднительно точно передать особенности рассматриваемой эпохи. В этой связи в рамках данной работы мы будем прибегать к понятиям вроде «политического сыска», «резидентуры», «провокации» и др., принимая во внимание тот факт, что применительно к XIX в. их конкретно-историческое содержание могло отличаться от реалий деятельности спецслужб XX – начала XXI в.

Описание реалий польской политической эмиграции XIX в. также требует некоторых терминологических пояснений. В полицейских источниках в качестве частого синонима слова «эмигрант» употреблялся калькированный с польского термин «выходец» (польск. *wychodźca*). Поэтому вслед за источниками под словосочетанием «польские выходцы» мы будем подразумевать именно политических эмигрантов, а не уроженцев Польши или представителей определенной сословной группы (как это может подразумевать значение слова «выходец» в русском языке).

Следует подчеркнуть, что наименование «революционеры» или «радикалы» допустимо только в отношении «демократических» группировок польской

⁶ *Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 135.*

эмиграции, выступавших за радикальное преобразование польского общества, но не применительно к консервативному лагерю во главе с князьями Чарторыйскими. Деятели польской эмиграции, направлявшиеся в ту или иную область для выполнения специальных поручений от имени той или иной группировки, в диссертации обозначаются понятием «эмиссары», который активно использовался в полицейских документах.

Наряду с термином «польская эмиграция» в работе фигурирует понятие «польское национальное движение», поскольку, во-первых, сами эмигранты являлись его неотъемлемой частью, выступая за национальную независимость Польши, во-вторых, на территориях бывшей Речи Посполитой действовали конспиративные организации, поддерживавшие тесные связи с «польскими выходцами», но не принадлежавшие к самой эмиграции. Подчеркнем, что для характеристики этого движения мы использовали не закрепившееся в советской и российской исторической полонистике понятие «национально-освободительное движение», а более нейтральный с научной точки зрения термин «национальное движение», поскольку не все подданные Российской империи польского происхождения признавали его «освободительный» характер (как, например, агент-провокатор Ю. Балашевич-Потоцкий).

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является деятельность польского национального движения в 1830–1870-х гг., **а предметом** – деятельность польской эмиграции на территориях бывшей Речи Посполитой и приютивших ее европейских государств в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора в этот же период. Под «агентурным надзором» мы подразумеваем деятельность государственного аппарата по контролю и противодействию активности польской эмиграции при помощи агентуры. Соответственно, «система агентурного надзора» представляет собой единую совокупность связанных между собой различных ведомств Российской империи и

подчиненных им агентурных сетей, направленную на борьбу с польской эмиграцией.

Особое внимание в работе сконцентрировано на деятельности двух наиболее выдающихся заграничных сотрудников рассматриваемой эпохи – русского аристократа-литератора Якова Николаевича Толстого (1791–1867, работал с 1837 г. до своей отставки в 1866 г.) и мелкого польского шляхтича Юлиана Александра Балашевича (1831 – после 1877, занимался подрывной деятельностью под личиной «графа Потоцкого»⁷ в стане эмиграции с мая 1861 г. вплоть до своего разоблачения в 1875 г.). Большая часть деятельности первого из вышеупомянутых работников прошла во времена правления Николая I – соответственно, его стиль работы сформировался под влиянием установок III отделения тогдашней эпохи, возглавляемого в 1826–1844 гг. А.Х. Бенкендорфом и в 1844–1856 гг. А.Ф. Орловым. Профессиональное становление второго агента, Балашевича-Потоцкого, пришлось уже целиком на период правления Александра II, когда тайную полицию возглавляли В.А. Долгоруков (1856–1866) и П.А. Шувалов (1866–1874). Выбор именно этих двух сотрудников позволяет наглядно проследить своеобразную эволюцию агентуры III отделения и методов ее работы: Я.Н. Толстой, таким образом, являлся условным представителем «николаевского», «старшего» поколения сотрудников, а Балашевич – «младшего», «александровского».

В исследовании также рассматривается деятельность других агентов – Антония Вернера-Куберского и Франтишека Наполеона Шостаковского, служивших в варшавской тайной полиции под началом И.Ф. Паскевича (в николаевскую эпоху), а также Адольфа Стемковского, цюрихского корреспондента Николая Ивановича Павлицева, главного редактора «Варшавского дневника» (официальной газеты Царства Польского) в 1866–1871 гг.

⁷ Этот псевдоним фактически превратился в его агентурное имя. Для удобства в литературе его называют «Балашевичем-Потоцким». Здесь и далее при наименовании этого агента мы будем использовать эту сдвоенную «фамилию», просто «Балашевича» (без кавычек), а также «Потоцкого» (в кавычках), либо же любые иные ситуативные синонимы вроде «самозваного графа».

Рапорты этих агентов, вербовавшихся из среды польской эмиграции, позволяют дополнить и более рельефно показать картину разведанных из донесений Толстого и Балашевича, изначально поступивших на службу в III отделение в качестве «верноподданных».

Хронологические рамки исследования

Хронологические рамки исследования охватывают период от осени 1831 г. до 1870-х гг. Нижняя граница очевидна: осень 1831 г. – время зарождения польской эмиграции и заграничной агентуры III отделения после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском. В качестве верхней границы, на первый взгляд, логично было бы взять Январское восстание 1863–1864 гг. – последнее крупное повстанческое выступление польского национального движения в XIX в., активно поддерживаемое эмиграцией из-за рубежа. Однако российские агентурные донесения второй половины 1860-х гг. демонстрируют (см. п. 3 гл. 3 диссертации), что царский политический сыск не рассматривал Январское восстание как особую хронологическую цезуру. В ближайшие годы после поражения восстания заграничные операции против эмигрантов продолжились в прежних масштабах. Снижение интереса тайной полиции к «польским выходцам» стало наблюдаться только в 1870-х гг. и не имело четкой привязки к какому-либо конкретному событию. В данный период сразу несколько обстоятельств говорят о том, что зародившееся в 1830-е гг. противостояние между российской заграничной агентурой и польской эмиграцией начало постепенно сходить на нет.

Во-первых, в ходе франко-германской войны 1870–1871 гг. Франция – главная защитница польской эмиграции на международной арене – потерпела сокрушительное поражение. Образовавшаяся в результате этой войны Германская империя затмевала Францию по своему могуществу и при этом являлась

безусловной противницей польской независимости⁸. Во-вторых, события Парижской коммуны 1871 г., в которой участвовали многие поляки, навлекли со стороны французских властей репрессии против «польских выходцев» и порицание со стороны французского общества (более расположенного теперь в сторону союза с Россией для сдерживания объединенной Германии), что также ослабило имидж и влияние эмиграции (см. п. 4 гл. 3 диссертации). В-третьих, русско-турецкая война 1877–1878 гг. – вплоть до Первой мировой войны последний в Европе крупный конфликт между великими державами – не принесла каких-либо подвижек в польском вопросе. Не случайно, что именно в 1878 г. большинство эмигрантских организаций прекратили свое существование (см. п. 3 гл. 3 диссертации).

Новая международная конъюнктура не предвещала скорого восстановления польской государственности. Кроме того, с конца 1870-х гг. сама организационная структура российского заграничного сыска претерпела кардинальную трансформацию – в 1880 г. III отделение было расформировано с передачей дел в Департамент государственной полиции, образованный при Министерстве внутренних дел. К тому же времени российские революционные эмигранты потеснили «польских выходцев» в качестве главных противников зарубежной агентуры. Если с 1830-х и вплоть до 1870-х гг. российская система заграничного сыска была заточена, главным образом, на поляков – представителей одной из национальных окраин – то с 1870-х гг. она лишилась узконациональной направленности. Наконец, в январе 1876 г. подошла к концу деятельность Ю. Балашевича-Потоцкого – крупнейшего из известных на данный момент агентов III отделения на польском направлении. Отсутствие у Балашевича-Потоцкого достойного «преемника» может косвенно свидетельствовать о том, что борьба с польской эмиграцией потеряла былую актуальность. Таким образом, период 1830–

⁸ Часть польских историков определяла 1870 г. в качестве верхнего хронологического рубежа существования эмиграции, основываясь именно на факторе франко-прусской войны. См. более подробно аргументы в пользу этой точки зрения: *Kalembka S. Spojrzenie na polskie drogi do wolności w epoce rozbiorów (1794–1870) // “O naszą i waszą wolność”: Studia z dziejów polskiej myśli politycznej doby romantyzmu. Olsztyn, 1997. S. 36–37.*

1870-х гг. составляет особую эпоху, с одной стороны – заграничного сыска, с другой стороны – истории польской эмиграции и революционного движения.

Цели и задачи диссертации

Цель диссертационного исследования – проследить эволюцию деятельности польской эмиграции 1830–1870-х гг. в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора. Для выполнения данной цели были выделены следующие задачи:

1) Установить основные направления деятельности польской эмиграции на территории европейских стран и бывших земель Речи Посполитой с точки зрения донесений заграничной агентуры;

2) Проследить развитие контактов польской эмиграции с правительствами и общественно-революционными движениями стран Европы по данным агентурных отчетов;

3) Оценить характер и точность сведений о потенциале подрывной активности демократического и консервативного лагерей польской эмиграции в материалах зарубежных агентов;

4) Определить роль фактора польского национального движения в развитии институциональной основы российской политической полиции, установив, какие ведомства Российской империи были наиболее активно вовлечены в организацию агентурного надзора за польской эмиграцией и каким образом они взаимодействовали между собой в этой сфере;

5) Изучить развитие стратегии агентурного надзора за польской эмиграцией. Иными словами – как изменялся общий план действий, цели и задачи руководства политического сыска на польском направлении;

6) Выяснить, как эволюционировали конкретные методы агентурных операций против польской эмиграции (то есть тактика или подходы непосредственно самой агентуры – например, наружное наблюдение, политическая

провокация и т.п.);

7) Выделить типы действовавших на польском направлении агентов с точки зрения их целей и методов.

8) Выявить, какова могла быть служебная мотивация агентов польского происхождения и какой идентичности они могли придерживаться (кем они себя ощущали по национальному признаку – поляками или же российскими подданными польского происхождения, как воспринимали свое социальное положение и т.п.).

Положения, выносимые на защиту

1) На протяжении всего периода 1830–1870-х гг. в качестве постоянных угроз со стороны польской эмиграции политический сыск выделял планы царубийства в среде наиболее радикальных группировок революционеров и отправку эмиссаров в пределы бывшей Речи Посполитой с целью агитации местного польского населения, транспортировки оружия и организации подполья, а также пропагандистские кампании в западной прессе. Ко второй половине 1860-х гг. к этому списку добавилось соучастие некоторых эмиграционных организаций в международном криминальном бизнесе по подделке российских банкнот.

2) Польская эмиграция, согласно донесениям заграничной агентуры, иногда пользовалась покровительством ряда правительств и общественно-политических движений европейских стран, но не могла полностью контролироваться ни одной из великих держав рассматриваемой эпохи. Активность польских эмигрантов имела транснациональные масштабы и время от времени представляла опасность не только для России, Австрии и Пруссии, но и для Франции, пользовавшейся репутацией главной защитницы эмиграции. В связи с этим французское правительство иногда сотрудничало с самодержавием с целью нейтрализации наиболее опасных радикалов. В свою очередь, монархии Гогенцоллернов и Габсбургов, участвовавшие вместе с Россией в разделах Речи

Посполитой, временами могли попустительствовать антироссийской активности польской эмиграции.

3) Европейские революционные организации иногда вовлекали часть радикально-демократических группировок польской эмиграции в свою деятельность в качестве «младших партнеров», но, как и правительства великих держав, не руководили ими напрямую. Революционно-демократический лагерь польской эмиграции видел во французских и итальянских революционерах своих союзников и временами оказывал им поддержку, однако основной фокус его усилий был направлен на подрывную деятельность против Российской империи, в меньшей степени – против Австрии и Пруссии.

4) В оптике агентурных отчетов консервативный лагерь польской эмиграции представлял меньшую угрозу, чем революционно-демократические группировки, поскольку не ставил своей задачей немедленную организацию вооруженного восстания в польских землях и опирался, главным образом, на дипломатическую поддержку западных правительств и пропольскую агитацию в западном общественном мнении. Вместе с тем заграничная агентура подчеркивала большую организованность «Отеля Лямбер» по сравнению с другими эмигрантскими группировками, а также обратила особое внимание на планы князя А. Чарторыйского настроить против России зарождающиеся национальные движения народов Османской империи в 1840-х гг.

5) Точность донесений политического сыска о польских эмигрантах и вообще эффективность его деятельности на польском направлении не поддаются однозначной оценке. Заграничная агентура была неплохо проинформирована о различиях между революционно-демократическим и консервативным лагерями польской эмиграции, а также успевала оперативно отслеживать информацию об отправке тех или иных эмиссаров польского национального движения на территории бывшей Речи Посполитой. Довольно точные и нюансированные сведения о взаимоотношениях западных правительств и польской эмиграции поступали по дипломатическим каналам, что особенно демонстрируют донесения Я.Н. Толстого периода Крымской войны. Но в отдельных случаях угроза со

стороны эмиграции недооценивалось (как показал период накануне Январского восстания 1863–1864 гг.), неоднократно делались ложные оптимистические прогнозы о скором и неминуемом распаде эмиграции.

6) Вопреки устоявшейся в историографии точке зрения, после подавления польского восстания 1830–1831 г. в с целью контроля за польской эмиграцией на базе III отделения была создана не централизованная служба внешней разведки, сосредоточившая все руководство заграничной агентурой в своих руках, а скорее межведомственная и межгосударственная система обмена агентурными данными. Эта система представляла собой децентрализованную совокупность различных ведомств, главными из которых являлись: III отделение СЕИВК, тайная полиция Царства Польского под руководством И.Ф. Паскевича и министерство иностранных дел. В 1837–1839 гг. возросшая активность польской эмиграции повлекла за собой создание центра координации усилий этих государственных органов – «Секретного комитета высшего политического надзора», в работе которого участвовали сановники из перечисленных выше ведомств.

7) В николаевскую эпоху (до 1855 г.), когда в центре внимания польской эмиграции оказались консолидация собственных сил и пропаганда идей «национально-освободительной» борьбы на территориях польских земель, стратегия агентурного надзора за польской эмиграцией носила преимущественно оборонительный характер. Главной целью заграничной агентуры было предупреждать руководство об отправке польских эмиссаров в пределы бывшей Речи Посполитой с тем, чтобы местные власти могли предпринять меры к их поимке. Задачи информационного фронта ограничивались аккуратным опровержением наиболее одиозных пропагандистских атак со стороны польской эмиграции в западной прессе.

8) В царствование Александра II, в связи с убеждением лидеров эмиграции в ослаблении России после Крымской войны, в их среде усиливается убеждение в возможности обретения независимости с помощью нового восстания. Как результат, меняется стратегия агентурного надзора за польским национальным движением, она становится более наступательной. Впервые зашла речь о том, что

польскую эмиграцию необходимо нейтрализовать при помощи операций заграничной агентуры. Остается неизвестным, в какой степени переход к активной борьбе против польской эмиграции был санкционирован высшим руководством политического сыска. Внедрение новых подходов происходило в результате инициативы «снизу» – местными полицейскими сановниками (пример Ф.Ф. Трепова) либо отдельными агентами польского происхождения (пример Ю. Балашевича-Потоцкого). Профессиональная подготовка кадров для заграничной агентуры на польском направлении так и не стала стратегической задачей политического сыска, а низовые агенты так и не получили возможности продвигаться по служебной лестнице.

Методологическая основа исследования

В данной диссертации использованы как традиционные методы исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный)⁹, так и междисциплинарные подходы в духе «новой имперской истории», политической антропологии и «новой социальной истории».

А) Традиционные методы исторического исследования

Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию деятельности польской эмиграции в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора от зарождения эмиграции в 1830-х гг. до ее угасания в 1870-х гг. Это подразумевает, во-первых, выделение внутренних этапов этого процесса, во-вторых, рассмотрение генезиса польского направления российской заграничной агентуры, и, наконец, анализ развития методов агентурной

⁹ В литературе кроме этих терминов также могут фигурировать такие именованья как «исторический» метод, «принцип историзма» и т.п. В нашей диссертации мы ориентировались на номенклатуру терминов, представленную в классическом труде советского историка И.Д. Ковальченко. См. подробнее: *Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 169–183.* Подчеркнем, что речь здесь идет только о конкретной терминологии, а не об автоматическом принятии на вооружение всего методологического аппарата этого исследователя.

работы в среде польской эмиграции.

Историко-сравнительный метод используется для сопоставления данных агентурных донесений о различных группировках польской эмиграции, «поколений» заграничной агентуры на польском направлении, методов агентурной работы, а также представлений самих руководителей политического сыска и правящих монархов о том, как должна быть организована агентурная деятельность в среде польской эмиграции. Это позволяет, с одной стороны, установить преемственность и сходство между агентурными практиками правлений Николая I и Александра II, с другой стороны, выявить их уникальные черты.

Историко-типологический метод дает возможность упорядочить и конкретизировать данные из материалов политического сыска путем вычленения направлений подрывной деятельности польской эмиграции, категорий заграничной агентуры и методов сыскной деятельности на польском направлении.

Историко-системный метод применяется для локализации агентурных мероприятий российского политического сыска в среде польской эмиграции в контексте польской и вообще национальной политики российских властей, социально-политической обстановки внутри Российской империи, а также системы международных отношений той эпохи.

Б) Междисциплинарные подходы

«Новая имперская история» как течение мировой историографии оформилось в конце XX в. У него нет конкретных основателей. На Западе «имперской» проблематикой активно занимаются, например, А. Капелер, А. Рибер, Д. Ливен и др. В России главным флагманом «новой имперской истории» стал международный журнал «Ab Imperio». Среди крупнейших отечественных представителей этого направления можно выделить А.И. Миллера. «Новая имперская история» отказывается от двух крайностей традиционной позитивистской историографии. С одной стороны, от рассмотрения истории империй без учета региональной специфики. С другой стороны, от сведения всего многообразия имперского опыта к освободительной борьбе национальных окраин против «гнета» центральных властей. Вместо этих двух крайностей в рамках

«новой имперской истории» предлагается реконструировать многогранную палитру взаимодействия имперских властей и местных сообществ. Это значит, что задача исследователя состоит в том, чтобы выявить логику поведения каждой стороны (актора) этого взаимодействия, а не встраивать историю того или иного региона в искусственные рамки национальных мифологий¹⁰.

Такая исследовательская оптика позволяет рассматривать политическую историю империй с точки зрения междисциплинарных подходов в духе исторической антропологии, социальной психологии, культурологии и проч. дисциплин. В связи с этим в центре внимания «новой имперской истории» оказались проблемы идентичности, взаимоотношения различных этноконфессиональных групп, национальной политики местных и центральных властей и т.п. Кроме того, этот подход позволяет преодолеть барьер между внутривполитической и внешнеполитической проблематикой. Те или иные этноконфессиональные группы зачастую проживали на территориях, входящих в состав сразу нескольких империй. Так, например, поляки в XIX–начале XX вв. могли быть подданными России, Австрии и Пруссии (с 1871 г. – Германской империи), а также эмигрировать за пределы польских земель. Следовательно, ни одна из великих держав того времени не могла претендовать на монопольное урегулирование польского вопроса в рамках своей внутренней политики.

Изучение нашей проблематики невозможно представить без учета наработок «новой имперской истории», поскольку среди акторов, вовлеченных в организацию российской заграничной агентуры были как центральные, так и местные органы власти. Широко известное III отделение СЕИВК не контролировало политический сыск в Царстве Польском, в котором местная тайная полиция почти всецело подчинялась наместнику. Кроме того, важно учитывать, что польская эмиграция высылала эмиссаров в целях подрывной активности как в Царство Польское, так и в западные губернии Российской империи, воспринимая

¹⁰ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 7–8, С. 29.

эти территории как единое пространство бывшей Речи Посполитой. Первый случай входил в зону ответственности наместника, второй – III отделения. Следует еще принимать во внимание тот факт, что эмигранты также действовали на польских территориях под властью Пруссии и Австрии. Наконец, не стоит забывать и о том, что аристократический лагерь польской эмиграции во главе с А. Чарторыйским налаживал контакты с правящими кругами западных держав и Османской империи, а различные демократические группировки польских эмигрантов активно сотрудничали с европейскими революционерами (например, с Дж. Мадзини).

Исследование заграничной агентуры также непременно включает в себя и антропологическое измерение. Многие российские деятели политического сыска происходили из польской шляхты. Чтобы понять мотивацию их вступления на российскую службу, недостаточно характерных для узконациональных подходов ссылок на «национальное предательство» или материальную заинтересованность. Для этого надо изучать их самосознание, мировоззрение, социальные связи в контексте гетерогенного и полиэтнического пространства Российской империй, где были возможны самые разные варианты сочетания идентичностей и лояльностей.

Таким образом, все вышеизложенные аспекты свидетельствуют о том, что польский вопрос в 1830–1870-гг. имел транснациональное измерение в полном смысле этого слова. Изучение заграничной агентуры, действующей в рядах польской эмиграции, невозможно свести к только истории польского «национально-освободительного движения», к истории международных отношений или к истории российских органов госбезопасности в лице III отделения. Рассмотрение данной проблематики требует учета позиций как центральной бюрократии в Петербурге (III отделение), так и особых институтов власти в национальных окраинах (наместничество в Царстве Польского), как внутрироссийских, так и внешних факторов, микроисторического анализа идентичностей агентов и конкретных агентурных операций.

Под «*историко-политической антропологией*» известный представитель французской школы «Анналов» Ж. Ле Гофф обозначил новое направление политической истории, вобравшее в себя методологические наработки

антропологии и социальных наук. Если старая политическая историография оперировала категориями государства и нации, то историко-политическая антропология стала исследовать «политическое» вообще, то есть сам феномен власти во всех ее проявлениях. Этот феномен, в отличие от государства, характерен для любых человеческих обществ¹¹. Одним из направлений историко-политической антропологии является изучение повседневности и рутины управления, патроната и клиентелы, неформальных отношений во власти, существующих параллельно официальным структурам¹². Данная проблематика особенно релевантна и в исследованиях о деятельности российского политического сыска в среде польской эмиграции середины XIX в. Заграничная агентура на польском направлении в подчинении III отделения, наместника Царства Польского и МИДа была слабо институализирована. Не существовало нормативно-правовой базы, которая бы регулировала ее деятельность. Агентура не была вписана в какую-либо формальную служебную иерархию. Если во времена «Охранки» (после 1880 г.) появится термин «секретный сотрудник» (сокр. «сексот»), то в документах эпохи III отделения фигурирует только крайне неопределенное и широкое понятие «агент», за которым могли скрываться лица совершенно разного социального статуса. Важную роль могли сыграть личные связи и покровительство (об этом свидетельствует, например история взаимоотношений Ю. Балашевича-Потоцкого с Я.Н. Толстым и вел. кн. Константином Николаевичем, см. п. 1 гл. 3 диссертации).

С проблемой патрон-клиентских отношений непосредственно связаны вопросы рекрутирования агентов и механизмы ведения агентурной работы. К этим же сферам примыкает проблематика политической культуры организаторов заграничного сыска: их представления о роли агентурного аппарата в системе государственной власти, о методах агентурного надзора и допустимых границах их применения. Очевидно, что «успешность» того или иного агента зависела не только

¹¹ Кром М.М. Историческая антропология. Учебное пособие. СПб., 2010. С. 126–127; Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // THESIS. М., 1994. Вып. 4. С. 181–182.

¹² Кром М.М. Указ. соч. С. 127.

от конкретных профессиональных качеств, но и от умения завоевывать доверие начальства и «подстраиваться» под него, ориентироваться в мире политических интриг.

«Новая социальная история», разработанная Э. Томпсоном, Э. Хобсбаумом и другими историками британской социально-антропологической школы в 1960–1970-х гг. сместила акцент с изучения строго заданных классов на изучение социальных групп (в особенности маргинализированных слоев), их социальных траекторий, множественных идентичностей, культурной специфики¹³. Деятельность как политических эмигрантов, «профессиональных революционеров» и заграничных агентов польского происхождения вполне можно анализировать и в классовых категориях (в марксистском понимании) – в конце концов, они могли различаться по своему отношению к средствам производства и общественному статусу. Однако их социальная сущность не ограничивалась только классовыми характеристиками. Очевидно, что это люди с особым складом ума, идентичностью и образом жизни – все это несомненно позволяет отнести их к специфической социальной группе. При этом советская и польская историография четко различала, с одной стороны, деятелей революционного и «национально-освободительного» движения, с другой – шпионов царской полиции. Первые выступали в качестве благородных героев, в вторые – в качестве своекорыстных злодеев и предателей. С высоты современного уровня развития исторической науки было бы трюизмом утверждать, что подобные морализаторские установки слишком упрощают действительность и что мотивации царских агентов могли иметь намного более неоднозначный характер (подробнее см. п. 1 гл. 3 диссертации). Любопытно отметить, что в эпоху господства марксизма-ленинизма ни разу не предпринималась попытка проанализировать работу агентуры именно с классовых позиций. Все указанные выше моменты говорят о том, что изучение деятельности полицейских агентов и их мировоззрения следовало бы выделить в

¹³ Савельева И.М. Новая «социальность» социальной истории // Высшая школа экономики. Серия WP6 "Гуманитарные исследования". М., 2015. № 3. С. 12.

качестве отдельного направления исторической антропологии.

Степень изученности проблемы

В существующей на данный момент литературе можно условно выделить две большие группы работ, в рамках которых исследовалась – прямым или косвенным образом – рассматриваемая в диссертации проблематика. В первую группу мы включили историографию российской политической полиции и российской политики на территории Царства Польского и Западного края Российской империи, труды о внешней политике России и ее отношениях с западными странами. Ко второй группе относится историография собственно польской эмиграции, польского национального и российского революционного движений, а также российско-польских революционных связей XIX в. Определяющим критерием разделения этих двух групп исторической литературы служит тип их объектов исследования. В работах первой категории изучалась, прежде всего, деятельность акторов государственного или межгосударственного характера – политика органов власти в отношении общества, прессы, или национальных окраин, структура и кадровый состав различных ведомств, дипломатические отношения между странами и т.п. В рамках этого подхода польская эмиграция выступала в качестве одного из множества факторов международной политики или в качестве объекта надзора со стороны политического сыска и других ведомств, но далеко не главным предметом изучения. В фокусе работ второй выделенной нами группы находились, наоборот, негосударственные акторы: деятельность общественных движений и революционных группировок, биографии отдельных радикалов и политических эмигрантов. Историки этого направления рассматривали донесения полицейских агентов, прежде всего, как дополнительные источники по истории польской и российской эмиграции, а не как самостоятельный объект изучения. В свою очередь, те из исследователей политического сыска Российской империи, кто анализировал непосредственно заграничную агентуру, обычно не углублялись

подробно в польские аспекты ее деятельности. В связи с этими обстоятельствами эволюцию каждого из выделенных нами групп следует рассмотреть по отдельности.

В историографии российского полицейского сыска второй и третьей четверти XIX в. основное внимание традиционно уделялось внутривластным аспектам – в частности, цензурным и репрессивным функциям III отделения СЕИВК, а также тесно связанной с ним жандармерии. Первые крупные труды в этой области появились еще в дореволюционную эпоху, например, хорошо известная работа М.К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1825–1855 гг. По подлинным делам III отделения Собственной Е.И. Величества канцелярии» (1909 г.)¹⁴.

Полноценное изучение заграничной агентуры тайной полиции началось уже после Февральской революции, когда новые власти приступили к рассекречиванию полицейских архивов царской России и знакомству их с общественностью. В 1917 г. посмертно вышла статья «Третье отделение о себе самом» известного историка революционного движения В.Я. Богучарского (1860–1915)¹⁵. В статье был опубликован «Обзор деятельности III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии за 50 лет. 1826–1876 гг.» – секретная историческая справка, преподнесенная Александру II по случаю 50-летия ведомства. В данном обзоре создание заграничной агентуры III отделения связывалось с необходимостью организации слежки за образовавшейся в начале

¹⁴ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1825–1855 гг. По подлинным делам III отделения Собственной Е.И. Величества канцелярии. СПб., 1909. Подробную и наиболее актуальную на сегодняшний момент библиографию о внутривластной деятельности III отделения см.: Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М., 2023. С. 5–17; Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019. С. 6–9.

¹⁵ Богучарский В. Я. Третье отделение о самом себе // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 85–126. Годы жизни автора: 1860–1915 гг.

1830-х гг. польской эмиграцией¹⁶. Автор не комментировал конкретно этого фрагмента. Тем не менее, представители последующей историографии, затрагивая так или иначе вопрос об образовании российской зарубежной агентуры, ссылались – напрямую или через посредство других трудов – именно на вышеприведенный тезис из данной публикации.

Курс на публикацию ранее секретных документов царских архивов продолжился и в первые годы существования СССР. В 1926 г. впервые были изданы агентурные донесения литератора, резидента III отделения и друга А.С. Пушкина Якова Николаевича Толстого за 1848 г., посвященные революционным событиям во Франции во время «Весны народов»¹⁷.

Первую попытку обобщения проблематики заграничной разведки Российской империи на широком круге источников предпринял польский историк Ян Кухажевский в третьем томе монументального 7-томного труда по российской истории «От белого до красного царизма», вышедшего в 1928 г. (в русском переводе Ю.А. Борисёнка – в 2018 г.)¹⁸. Во второй части III тома данной монографии автор рассматривал историю российских спецслужб XIX в., преимущественно концентрируя внимание на правлении Александра II, но также периодически обращаясь к эпохе Николая I. Общая суть концепции Я. Кухажевского в данном вопросе напрямую перекликается с названием всего многотомника, указывавшим на преемственность между царским и советским режимом, а следовательно, и между царскими и советскими спецслужбами,

¹⁶ Там же. С. 92–93.

¹⁷ Революция 1848 г. во Франции. Донесения Я. Толстого. / Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. Л., 1926. Упомянутый выше М.К. Лемке и ряд других дореволюционных историков знали, что Я.Н. Толстой являлся агентом III отделения, однако им были доступны только его литературно-публицистические труды, свидетельства современников и прочие открытые источники. Первым исследователям личности Толстого он был интересен, прежде всего, как один из друзей А.С. Пушкина из околосаблинских кругов, а не разведчик и резидент тайной полиции.

¹⁸ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018.

которые он назвал «неразлучным спутником российского государственного корабля» от Преображенского приказа до ГПУ¹⁹. Необходимо отметить, что Кухажевский активно использовал в своей работе польские и западные архивные материалы, однако не имел доступа к архивам СССР. Он опирался на ограниченное число советских трудов того времени (в частности, на упомянутые публикацию 1926 г. донесений Толстого за 1848 г., на статью советского историка Р.М. Кантора 1922 г. о польском агенте III отделения Ю. Балашевиче-Потоцком и русском революционере П.Л. Лаврове²⁰ и т.п.). В связи с этой источниковой лакуной выводы польского историка зачастую оказывались неточными (см, например, его описание отношений между упомянутым выше Я.Н. Толстым и Ю. Балашевичем-Потоцким, п. 1 гл. 3. нашей работы).

Кухажевский считал, что ключевую роль в становлении заграничной агентуры российской полиции сыграл французский политический сыск времен Июльской монархии и Второй империи. Франция, гораздо раньше России столкнувшаяся с сильным оппозиционным общественным движением, была вынуждена изобрести более изощренные, чем прямые репрессии, шпионско-провокационные методы подавления противников режима. В России 1830–1860-х гг., по мнению исследователя, эти новаторские методы пока могли найти только ограниченное применение, но, в случае польской эмиграции, которую невозможно было «сокрушить дубиной безотлагательных репрессий», они представляли собой своего рода обучающий «семинар» для заграничного сыска²¹. Следует подчеркнуть, что концепция Кухажевского о французских «корнях» российского заграничного сыска так и не получила осмысления в последующей историографии.

В 1930 г. советский историк И.М. Троцкий в работе «III отделение при Николае I» составил первый в историографии обобщающий очерк деятельности данного ведомства в николаевский период. Автор отметил, что появление польской

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ О статье Р.М. Кантора см. далее во второй части нашего историографического обзора.

²¹ Там же. С. 127.

эмиграции после подавления восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском стало непосредственным толчком к объединению функций дипломатического шпионажа в руках III отделения. И.М. Троицкий подчеркнул, что царские агенты, следя за «польскими выходцами», вместе с тем получали «точные сведения о внутреннем политическом положении европейских государств»²².

В статье 1937 г. «Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение» за авторством известного русского и советского историка-франковеда академика Е.В. Тарле была продолжена начатая в упомянутой выше публикации 1926 г. линия на издание отчетов одноименного агента. Автор обнародовал и прокомментировал обширные выдержки из донесений конца 1830-х до первой половины 1850-х гг.²³. Е.В. Тарле не рассматривал специально польских аспектов работы агента, сосредоточившись на освещении деятельности Толстого по защите российских интересов во французской прессе и добыче им сведений о внутривосточной жизни Франции. Тем не менее, в опубликованных фрагментах содержались указания о важной роли польского вопроса в антирусской пропаганде западных газет²⁴.

В западной русистике после фундаментального труда Кухажевского проблематика III отделения 1830–1870-х гг. и в особенности заграничное измерение его деятельности (не говоря уже о польских сюжетах) изучалось лишь эпизодически. Хорошо известны монографии американских исследователей 1960-х гг. С. Монаса²⁵ и П. Сквайра²⁶, однако, как и Кухажевский, они не имели доступа к советским архивам и вынуждены были опираться на уже опубликованные источники. В фокусе их внимания находились традиционные для российской

²² Троицкий И.М. III отделение при Николае I. М., 1930. С. 59.

²³ Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Литературное наследство. Т. 31/32. М., 1937. С. 563–662.

²⁴ Там же. С. 568.

²⁵ Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961.

²⁶ Squire P.S. The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968.

историографии проблемы цензурных функций III отделения, взаимоотношения тайной полиции с обществом и т.п. Вместе с тем следует отметить, что П. Сквайр работал с хранящейся в венских архивах перепиской А.Х. Бенкендорфа с австрийским канцлером К. Меттернихом за 1835–1842 гг. В 1967 г. на основе данного материала историк выпустил статью, в которой рассматривалась корреспонденция этих двух сановников о европейском революционном движении, прессе и общественном мнении. Среди прочего в работе приводились примеры обмена агентурными сведениями между Бенкендорфом и Меттернихом об активности эмигрантов польской эмиграции²⁷. В то же время, американский исследователь не обращался к весьма обширной историографии польской эмиграции и национального движения и не посвящал этой проблематике специальных трудов.

Среди западных исследований 1960-х гг. особо можно выделить крупную монографию французского историка Мишеля Кадо «Россия во французской интеллектуальной жизни (1839–1856)», в которой упомянутому выше Я.Н. Толстому посвящен отдельный параграф²⁸. Исследователь изучал, главным образом, его отношения с русскими политическими эмигрантами в контексте русско-французских культурных связей, а не агентурную деятельность как таковую. Вместе с тем историк уделял большое внимание фактору пропольской и антироссийской пропаганды во французской общественно-политической жизни. В качестве верхней хронологической границы М. Кадо выбрал 1839 г. отчасти из-за того, что в этом году была ликвидирована уния в Западном крае Российской империи. Репрессии (реальные и мнимые) против униатского духовенства пропольские и католические публицисты использовали как повод для информационных атак против российских властей во французской прессе²⁹.

²⁷ *Squire P. S. The Metternich-Benckendorff Letters, 1835-1842 // The Slavonic and East European Review. London, 1967. Vol. 45, No. 105. P. 368–390.*

²⁸ *Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). Paris, 1967. P. 64–67.*

²⁹ *Ibid. P. 10.*

Значительное место автор посвятил, среди прочего, лекциям великого польского поэта А. Мицкевича на кафедре славянской литературы в Коллеж де Франс в начале 1840-х гг.³⁰

После очерка И.М. Троцкого первым всесторонним исследованием деятельности III отделения николаевских времен в СССР стала в 1973 г. диссертация Т.Г. Деревниной «III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России в 1825–1855 гг.», в которой автор охарактеризовала историю данного учреждения как «прежде всего борьбы официальной николаевской России против революционного и общественно-политического движения в стране, история полицейского террора и насилия во всех его проявлениях»³¹. По ее мнению, «искусственное выделение» «высшей» полиции из функций министерства внутренних дел и передача ее в ведение личного органа власти императора являлось следствием «обострения кризиса самодержавно-крепостнического строя» во второй четверти XIX в. – периода, когда «возникла необходимость в укреплении всего государственного механизма, в приспособлении его к изменениям, имевшим место в экономическом строе. Но, как отметила автор, III отделение с его комплексом охранительных мероприятий «лишь временно укрепило позиции государства», поскольку 50-е гг. XIX в. «наглядно обнаружили политический кризис государственности в России после Крымской войны, являвшейся частью общего кризиса феодально-крепостнического строя»³². Диссертация Т.Г. Деревниной, содержа в себе комплекс подобных оценок, типичных для историографии той эпохи, в то же время подробно освещала такие вопросы, как эволюция численности сотрудников III отделения, расходы государственной казны на содержание этого учреждения и иные проблемы, связанные с внутренней организацией этого органа. Примечательно, что проблема

³⁰ Ibid. P. 275–282.

³¹ Деревнина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 14.

³² Там же. С. 23.

заграничной агентуры III отделения и польского фактора в диссертации специально не рассматривалась.

За год до диссертации Т.Г. Деревниной в журнале «Вопросы истории» вышел небольшой очерк И.В. Оржеховского, в котором охватывалась вся история III отделения с особым акцентом на периоде 1866–1876 гг., когда данным ведомством управлял П.А. Шувалов. Как и Т.Г. Деревнина, И.В. Оржеховский сосредоточился на изучении внутрисоссийских аспектов деятельности III отделения. Центральный орган политического сыска Российской империи автор охарактеризовал как «синоним произвола и беззакония»³³, А.Х. Бенкендорфа — как «невежественного», «жестокоего» и «бездарного», а Л.В. Дубельта – как «злобного и сухого», «умевшего прикрываться маской приветливости»³⁴.

В 1982 г. И.В. Оржеховский выпустил уже фундаментальную монографию по теме III отделения – «Самодержавие против революционной России». В этом труде автор также сконцентрировался на описании внутривнутриполитической активности полицейского ведомства, но в ряде фрагментов курсивно обрисовал историю становления его заграничной агентуры. Историк охарактеризовал ее численность, финансирование, а также карьерные траектории наиболее выдающихся сотрудников³⁵. Вслед за И.М. Троцким он подчеркнул, что после подавления восстания 1830–1831 гг. и образования польской эмиграции III отделение «сосредоточило в своих руках все руководство заграничной агентурной сетью»³⁶. Тем не менее, автор лишь констатировал важность польского фактора в деятельности ряда агентов данного ведомства (в частности, Ю. Балашевича-Потоцкого)³⁷. Исследователя интересовали, прежде всего, их контакты с представителями российского революционного движения. И.В. Оржеховский заключил, что вплоть до начала 1880-х гг. (т.е. когда III Отделение было

³³ Оржеховский И.В. III отделение // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 111.

³⁴ Там же. С. 110.

³⁵ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 67–72, С. 112–118.

³⁶ Там же. С. 69.

³⁷ Там же. С. 116.

расформировано с передачей дел в департамент полиции при МВД) русская политическая полиция «не располагала профессионально организованной сетью заграничной агентуры и деятельность большинства агентов была, как правило, дилетантской и малоэффективной»³⁸.

На излете советской эпохи и в постсоветский период стали появляться более сбалансированные и нейтральные оценки деятельности III отделения. Одним из важнейших событий в историографии данного направления являлась научная публикация в 2006 г. ежегодных отчетов III отделения Е.И. Щербаковой и М.В. Сидоровой, показавшая, что III отделение было не только (и не столько) «символом произвола и беззакония», но и, например, органом надзора за государственным аппаратом и общественным мнением³⁹. Взвешенный взгляд на роль III отделения в политическом курсе самодержавия представлен, в частности, в фундаментальной монографии 1990 г. известного специалиста по социально-политической истории России XIX в., члена-корреспондента РАН С.В. Мироненко. Историк отметил, что благодаря отчетам А.Х. Бенкендорфа конца 1820-х – 1830-х гг. Николай I был хорошо осведомлен о том, что крепостные крестьяне активно стремились к освобождению от власти помещиков. Сведения о свободолюбивых настроениях среди крестьян отчасти сформировали у императора и высшей бюрократии представление о неизбежности освобождения крестьянства (и, соответственно, необходимости реформ в этой сфере)⁴⁰. Таким образом, в отечественной

³⁸ Там же. С. 112.

³⁹ См. также другие работы Е.И. Щербаковой и М.В. Сидоровой, написанные с точки зрения данного подхода: *Сидорова М.В.* Штаты III отделения с.е.и.в. канцелярии // Из глубины веков. Вып. 4. СПб., 1995. С. 3–11; *Щербакова Е.И.* Управа высшего благочиния [электронный ресурс]. URL: <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2018/07/14.pdf> (дата обращения: 29.09.2024); *Щербакова Е.И.* «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе [электронный ресурс]. URL: <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2018/07/14.pdf> (дата обращения: 29.09.2024); *Щербакова Е.И.* Неблагонадежные иностранцы, «польские выходцы» и другие... [электронный ресурс]. URL: <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2018/07/14.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

⁴⁰ *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 112–115.

историографии деятельность III отделения стала рассматриваться в том числе и в качестве канала информирования верховной власти о положении в обществе и на местах.

Новый импульс получили и изыскания в сфере заграничного сыска, однако все они за редкими исключениями свелись к ряду отдельных очерков, статей или обобщающих работ о российской политической полиции в целом, в которых зарубежному направлению деятельности III отделения 1830–1870-х гг. отводилось небольшое место.

В статье 1994 г. «Тютчев и заграничная служба III Отделения» специалист по русской литературе XVIII–XIX вв. А.Л. Осповат подробно изучил перипетии дипломатической карьеры русского поэта и государственного деятеля Ф.И. Тютчева, его взаимоотношения с А.Х. Бенкендорфом и Амалией Крюденер в конце 1830–начале 1840-х гг., а также его безуспешную попытку завербовать на российскую службу немецкого историка и публициста Якоба Филиппа Фальмерайра (1790–1861)⁴¹. Автор, фокусируясь на обстоятельствах биографии Тютчева, специально не рассматривал организацию заграничного политического сыска и тему польской эмиграции. В центре его внимания находились попытки III отделения оказывать влияние на общественное мнение европейских стран посредством вербовки различных литераторов и других творческих деятелей.

В похожем ключе написана и работа 1997 г. известного российского филолога-франковеда В.А. Мильчиной о французском журналисте Шарле Дюране, издававшем в 1833–1840 гг. на деньги русского, прусского и австрийского правительств издание «Journal de Francfort». Сотрудничество III отделения с Дюраном было прекращено в 1840 г. в связи с неблагонадежностью последнего. Журналист был замешан в контактах со сторонниками Луи Наполеона Бонапарта (будущего Наполеона III), что очевидным образом компрометировало руководство

⁴¹ *Осповат А.Л.* Тютчев и заграничная служба III отделения // Тыняновский сборник: Пятые тыняновские чтения / отв. ред. М.О. Чудакова. Рига; Москва, 1994. С. 110–138.

Российской империи, выступавшего за принцип династического легитимизма во внешней политике⁴².

В 2001 г. вышла научно-популярная работа журналиста А.С. Борисова «Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб». Примечательно, что в данной книге периоду 1830–1870-х гг. (время существования III отделения) посвящен только небольшой 72-страничный обзор (С. 38–110), по большей части опирающийся на положения из вышеупомянутой монографии И.В. Оржеховского, но без использования марксистской терминологии. При этом описание эпохи охранных отделений («Охранки») 1880 – начала 1900-х гг. занимает основную часть монографии (с. 111–414). Содержание работы явно демонстрирует, что в современной историографии проблематика зарубежного сыска полицейских органов Российской империи разработана в основном на примере более поздней «Охранки», а не интересующего нас III отделения⁴³. В то же время, автор повторил давний тезис о том, что III отделение уделяло большее внимание борьбе с польской эмиграцией⁴⁴.

В 2002 г. в статье «У истоков заграничной политической провокации» историк из Саратова О.Ю. Абакумов подробно описал начальный этап карьеры (1861–1863 гг.) выдающегося агента III отделения Ю. Балашевича⁴⁵. Автор не рассматривал собственно польских аспектов работы агента. Его интересовало, прежде всего, значение Балашевича как реформатора в сфере полицейского сыска. Историк отметил, что новаторские приемы деятельности Балашевича, основанные на методе политической провокации, вызвали полярные оценки в среде чиновников

⁴² Мильчина В.А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России // Лотмановский сборник. М., 1997. № 2. С. 303–327; Эта же статья была переиздана без значительных изменений в сборнике трудов автора 2004 г.: Она же. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004. С. 182–218.

⁴³ Борисов А.Н. Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. СПб.; М., 2001.

⁴⁴ Там же. С. 59.

⁴⁵ Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 127–138.

III отделения. Споры между сотрудниками тайной полиции по поводу уместности подобных подходов автор охарактеризовал как «конфликт "новаторов" и "консерваторов", кризис роста, сопровождавший процесс становления профессиональной заграничной шпионской службы, основанной не на пассивном сборе информации, а на активном вмешательстве, подталкивании поднадзорных к действиям в выгодном для власти направлении»⁴⁶.

В 2005 г. вышла монография «Тайная полиция России: 1825—1855 гг.» А.Г. Чукарева, в которой автор обратил особое внимание на то, что борьба с революционным движением была важной, но далеко не единственной задачей III Отделения и корпуса жандармов⁴⁷. Историк подчеркнул, что создание централизованной тайной полиции было общим процессом для всех тогдашних европейских стран (а не только Российской империи), вставших либо встающих на путь буржуазного развития. Особенностью России, по мнению исследователя, было то, что III отделение выполняло функции обратной связи между властью и обществом в условиях отсутствия институтов парламента и свободной прессы, характерных для передовых буржуазных обществ⁴⁸. В области истории заграничной агентуры данного ведомства и роли польского фактора в ее становлении автор фактически обобщил наработки своих предшественников, отметив, что «деятельность польской революционной эмиграции потребовала распространения жандармского наблюдения далеко за пределы России»⁴⁹.

В 2007 г. вышла статья известного историка-франковеда, члена-корреспондента РАН П.П. Черкасова «Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки», посвященная А.А. Сагтынскому, чиновнику по особым поручениям III Отделения, одному из ключевых организаторов российской заграничной агентурной сети в 1830–начале

⁴⁶ Там же. С. 135.

⁴⁷ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825—1855 гг. М; Жуковский, 2005. С. 579–580.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 272.

1850-х гг.⁵⁰. Автор проследил основные этапы карьеры этого деятеля польского происхождения, но не рассматривал его непосредственной агентурной работы. Исследователь отметил, что зарождение польской эмиграции в начале 1830-х гг. «стало толчком к созданию российской внешней разведки как организованной государственной службы»⁵¹. В связи с этим он подчеркнул неслучайность того факта, что первыми руководителями зарубежных отделений российской тайной полиции стали «выходцы из Польши, навсегда связавшие свою судьбу со службой Российской империи» – А.А. Сагтынский происходил как раз из польской шляхты и хорошо разбирался в польском вопросе⁵².

Перу П.П. Черкасова также принадлежит монография 2008 г. «Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791-1867 гг.)» – первая полноценная биография упомянутого выше литератора и парижского резидента III отделения Я.Н. Толстого⁵³. Автор, не соглашаясь с негативными эпитетами, которыми наделялся этот агент в советской историографии («охранник-провокатор», «соглядатай III Отделения») представил своего героя в качестве благородного русского патриота-разведчика⁵⁴. Историк сконцентрировался на описании его агентурной работы во французских политических кругах и деятельности по отстаиванию российских интересов в западной прессе. В то же время, П.П. Черкасов отметил важность польского фактора в заграничной активности III отделения и самого Я.Н. Толстого⁵⁵. В сокращенном виде этот же материал о Я.Н. Толстом вошел в недавно вышедший сборник работ автора⁵⁶.

⁵⁰ Черкасов П.П. Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 55–62.

⁵¹ Там же. С. 55.

⁵² Там же. С. 56.

⁵³ Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.

⁵⁴ Там же. С. 7–10.

⁵⁵ Там же. С. 174–179.

⁵⁶ Черкасов П.П. Резидент III отделения в Париже Яков Николаевич Толстой (По материалам российских и французских архивов) // Черкасов П.П. Persona non grata. Архивы раскрывают свои тайны. М., 2024. С. 52–79.

В 2008 г. вышла монография О.Ю. Абакумова «“...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы”». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.)» – единственный на данный момент обобщающий научный труд по истории российской заграничной агентуры в период 1830–1860-х гг. Работа представляет собой сборник очерков как о зарубежной деятельности тайной полиции в целом, так и об отдельных агентах (Я.Н. Толстом, Г.Г. Перетце, В. Штибере, Л. Шнейдере, Ю. Балашевиче)⁵⁷. Красной нитью через всю книгу проходит мысль о том, что III отделение эволюционировало от использования только методов наружного наблюдения в николаевскую эпоху в сторону применения методов политической провокации в правление Александра II⁵⁸. В то же время, вопросы заграничной агентуры интересовали автора, прежде всего, с точки зрения борьбы с западными влияниями в российском обществе и каналами их распространения – магистральной темы монографии, поэтому проблематика наблюдения за польской эмиграцией не получала там специального освещения.

Г.Н. Бибиков в монографии 2009 г. «Бенкендорф и политика императора Николая I» исследовал место А.Х. Бенкендорфа в политической конфигурации власти, созданной Николаем I⁵⁹. В работе также рассматривается проблема становления заграничной агентуры III отделения, которую историк, как и многие его предшественники, связывает с польской эмиграцией. Г.Н. Бибиков подчеркивает новаторскую политику А.Х. Бенкендорфа и в этом направлении, считая, что именно шеф жандармов первым из российского политического руководства обратил внимание на необходимость влияния на западноевропейскую прессу, которая использовала в том числе польский вопрос для создания негативного образа России в глазах западного общественного мнения. Кроме того,

⁵⁷ Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. Очерк о Балашевиче в этой монографии полностью основан на материале упомянутой выше статьи О.Ю. Абакумова 2002 г.

⁵⁸ Там же. С. 5, С. 32, С. 76, С. 130, С. 142.

⁵⁹ Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 22.

Г.Н. Бибиков первым в отечественной историографии обратил внимание на проблему межведомственного сотрудничества и соперничества между III отделением и полицейскими органами Царства Польского во главе с его наместником И.Ф. Паскевичем, в том числе и по вопросу подчиненности тайной агентуры⁶⁰.

Тем не менее, затронутые О.Ю. Абакумовым, П.П. Черкасовым и Г.Н. Бибиковым проблемы заграничной агентуры и польской специфики ее деятельности не стали «каноническими» сюжетами в историографии политического сыска. Например, в монографии 2007 г. «Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития» ульяновского историка В.В. Романова главный упор делается на анализе местных органов политического сыска на примере жандармерии поволжских губерний⁶¹. Пример этой и множества других работ показывает, что у большинства исследователей термин «политическая полиция» применительно к эпохам Николая I и Александра II ассоциировалась и продолжает ассоциироваться, прежде всего, с сугубо внутрироссийской проблематикой.

В статье 2010 г. Н.В. Макаровой «Архивные дела III Отделения о полицейском надзоре при Николае I» весьма удачно представлено современное научное понимание истории тайной полиции николаевской эпохи. Автор отметила, во-первых, что практика полицейского надзора появилась еще при Александре I (поэтому термин «полицейское государство» не следует связывать исключительно с правлением Николая I). Во-вторых, что под надзор в основном попадали за правонарушения бытового характера, а не политического (пьянство, дебоширство и т. д.). В-третьих, что полицейский надзор, обычно определявшийся «по высочайшему повелению», рассматривался как дисциплинарная, мягкая мера, альтернатива уголовному наказанию. В-четвертых, что надзор в основном

⁶⁰ Там же. С. 205.

⁶¹ Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826-1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007.

применяли в отношении чиновничества и дворянства, а не податных сословий⁶² – то есть небольшой в процентном отношении части населения страны. Вместе с тем эта же статья в очередной раз демонстрирует, что современная историография, как и старая, довольно редко включает в понятие «полицейский надзор» деятельность заграничной агентуры и проблематику национальных окраин (в том числе и польского национального движения и эмиграции).

Фокус на внутривластных сюжетах характерен и для крупной монографии 2010 г. «III отделение при Николае I» за авторством саратовского историка В.И. Пороха и астраханской исследовательницы О.Б. Росляковой. Как и во многих других современных ей работах, в книге были скорректированы и смягчены оценки марксистской историографии. Николаевская модель самодержавия, с точки зрения исследователей, «в некоторых своих проявлениях отвечала задачам того времени»⁶³. Начальники III отделения перестали быть только безликими «царскими сатрапами»⁶⁴. А.Х. Бенкендорф был признан добросовестным, не лишенным способностей и даже в чем-то передовым государственным деятелем, стремящимся наладить контакт с обществом. Вместе с тем оценки В.И. Пороха и О.Б. Росляковой весьма далеки от безудержной идеализации системы политического сыска всего николаевского царствования. Преемник Бенкендорфа, А.Ф. Орлов, в этой работе охарактеризован уже «как механический исполнитель монаршей воли» и «типичный чиновник уходящего николаевского времени». Именно его нежелание «что-либо изменять», по мнению В.И. Пороха и О.Б. Росляковой, «вело к постепенному краху выстроенной Николаем I и А.Х. Бенкендорфом полицейской системы»⁶⁵. Заграничное измерение работы III отделения в монографии рассмотрено только в обзорном ключе. Авторы согласились с уже неоднократно выдвигавшимся в предыдущей литературе тезисом

⁶² Макарова Н.В. Архивные дела III Отделения о полицейском надзоре при Николае I // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 156.

⁶³ Порох В.И., Рослякова О.Б. III отделение при Николае I. Саратов, 2010. С. 235.

⁶⁴ Там же. С. 237.

⁶⁵ Там же. С. 237–238.

о влиянии польского восстания 1830–1831 гг. на создание заграничной агентуры⁶⁶. Кроме того, с опорой на существующую историографию они вкратце охарактеризовали деятельность Я.Н. Толстого, вербовку иностранных журналистов и др. известные сюжеты⁶⁷.

Для современной историографии характерны биографические труды о деятелях политического сыска Российской империи – сигнал того, что в обществе и исторической науке появился запрос на своеобразную «реабилитацию» и более взвешенную оценку сановников эпохи «царизма». Ярким примером такой работы является жизнеописание А.Х. Бенкендорфа за авторством Д.И. Олейникова в серии «ЖЗЛ», в котором автор выступил против черно-белой мифологизации деятельности шефа жандармов и главного начальника III отделения⁶⁸.

В 2014 г. в рамках первой части шеститомного труда о об истории российской внешней разведки под ред. Е.М. Примакова вышел очерк О.К. Иванова о разведывательной деятельности А.И. Чернышева, военного министра Российской империи в 1827–1852 гг., который при посредничестве российских дипломатов и своих собственных агентов собирал данные о вооруженных силах и военных изобретениях западных стран⁶⁹. Автор очерка не отмечал, играл ли какую-либо роль в этой деятельности польский фактор. Подчеркнем, что активность польской эмиграции могла представлять большой интерес и для военной разведки под началом Чернышева, поскольку через эмигрантские каналы поступало оружие для повстанческого движения на территориях бывшей Речи Посполитой.

В 2015 г. была опубликована крупная обобщающая монография известного специалиста по истории России начала XX в. и истории спецслужб В.С. Измолика о перлюстрации дипломатической и частной переписки в России XVIII – начала XX

⁶⁶ Там же. С. 142.

⁶⁷ Там же. С. 183–188.

⁶⁸ Олейников Д.И. Бенкендорф. М., 2014. С. 365–366.

⁶⁹ Иванов О.К. «Корреспонденты» А.И. Чернышева // История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / под ред. Е.М. Примакова. М., 2014. С. 144–151.

вв.⁷⁰ Автор специально не обращался к вопросам польской эмиграции и становления российской заграничной агентуры, однако привел некоторые случаи перехвата и дешифровки российскими чиновниками писем, которые польские эмигранты из Парижа отправляли своим соотечественникам в Царством Польским и западных губерниях Российской империи. В части из этих писем содержались «мятежнические прокламации» к российскому народу с призывом поддержать борьбу за независимость Польши⁷¹.

В монографии 2017 г. упомянутой выше В.А. Мильчиной впервые в историографии была рассмотрена в рамках одного из очерков биография французского отставного учителя Александра Бакье, работавшего в качестве заграничного агента III Отделения с 1837 по 1840 г. под псевдонимом «Сен-Леже»⁷². Автор отметила, что руководство российской тайной полиции, в первую очередь, требовало от него добывать сведения о польской эмиграции (значительная часть его отчетов как раз посвящена этой проблематике)⁷³. В то же время, исследовательница сконцентрировалась на реконструкции карьерного пути агента и французском направлении его деятельности и специально не рассматривала его сыскных мероприятий в среде «польских выходцев». В.А. Мильчина охарактеризовала Бакье как «мастера блефа», который зачастую выдавал слухи из парижских газет за секретные данные⁷⁴.

Нельзя не упомянуть о том, что польская проблематика является неотъемлемым (хоть и не центральным) компонентом современных исследований по истории русско-французских отношений XIX в. Среди крупных работ следует выделить компаративистские монографии упомянутого выше П.П. Черкасова об

⁷⁰ *Измозик В.С.* "Черные кабинеты". История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015.

⁷¹ Там же. С. 90.

⁷² *Мильчина В.А.* «Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017. С. 369–404.

⁷³ Там же. С. 139–141.

⁷⁴ Там же. С. 143.

эпохе Наполеона III и Александра II (1856–1870)⁷⁵, а также видного историка-франковеда Н.П. Таньшиной о Луи Филиппе и Николае I (1830–1848)⁷⁶. В обеих работах подчеркивается влияние польских эмигрантов на распространение русофобских настроений во французском обществе⁷⁷. В своих последних статьях Н.П. Таньшина продолжила изучение проблематики восприятия России странах Западной Европы, а также роли польского вопроса в российско-западных отношениях⁷⁸. Особенно следует отметить ее монографию 2023 г. об истории русофобии, в которой среди прочего отмечены мистификация вокруг дела униатской «аббатисы» Макрены Мечиславской 1846 г., расистские концепции Франтишека Духиньского и другие известные попытки польской эмиграции разжигать антироссийские настроения в западных обществах⁷⁹.

⁷⁵ Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III: несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015.

⁷⁶ Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018. Среди других биографических трудов Н.П. Таньшиной можно отметить также монографии о министре иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде и о княгине Д.Х. Ливен (урожденной Бенкендорф), жене российского посла в Великобритании Х.А. Ливена, которая играла важную роль в дипломатических контактах между российским и западными правительствами: *Она же*. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб., 2021; *Она же*. Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб., 2021.

⁷⁷ Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм. С. 130–131; Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. С. 361–364.

⁷⁸ Таньшина Н. П. Славянофильство и парадоксы восприятия России на Западе // Наука. Общество. Оборона. 2024. № 1. С. 1–1; *Она же*. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 4. С. 25–25; *Она же*. На идеологическом фронте Крымской войны: образ России во французской литературе и публицистике. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 248–274; *Она же*. Образ России как следствие политической конъюнктуры, или метаморфозы аббата Прадта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 33–45; *Она же*. К.В. Нессельроде и Ш.А. Поццо ди Борго: дипломатический тандем // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 71–82; *Она же*. Польский вопрос по запискам императора Николая I и графа Ш.А. Поццо ди Борго // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 15–26.

⁷⁹ Таньшина Н. П. Русофобия: История изобретения страха. М.: 2023. С. 229–249, 379–383, 389–395. См. в п. 3 гл. 2 нашей диссертации разбор донесения Я.Н.

В новейшей историографии III отделения и жандармского надзора царствований Николая I и Александра II проблематика заграничного надзора так и не получила должного развития в рамках крупных монографических исследований. Одним из ведущих трендов современной исторической науки стало изучение политической полиции сквозь призму истории повседневности – популярного последние полвека направления мировой историографии. О.Ю. Абакумов в книге 2017 г. «III отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг.» не стал продолжать тему заграничной агентуры, рассмотренную в упомянутых выше работах 2002 г. и 2008 г. Вместо сыскной и репрессивной деятельности политической полиции автор рассмотрел ее «воспитательную» роль, участие в нравственном контроле частной и общественной жизни россиян, во внесудебном разрешении семейных и бытовых конфликтов, в формировании и сохранении норм общественной нравственности и порядка⁸⁰. Историк пришел к выводу, что данный проект надзорно-контролирующей структуры оказался неэффективным, «Отдельные примеры подвижничества, – как заключает историк, – лишь подтверждали системную ошибку охранителей, делавших ставку на субъективный, а не институциональный режим контроля»⁸¹.

В своей последней на текущий момент фундаментальной монографии 2019 г. «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866)» О.Ю. Абакумов также сфокусировался на внутрироссийских аспектах деятельности III отделения, поставив во главу угла проблему взаимоотношений власти и общества в 1826–1866 гг. В этой работе автор делает особый акцент на развенчании представлений о «всемогуществе» III отделения (легенды о «многотысячном бюджете», «огромном количестве агентов» и т.п.). Порожденный практически полным отсутствием официальной информации

Толстого, посвященного казусу Мечиславской и попыткам агента разоблачить эту мистификацию во французской прессе.

⁸⁰ Абакумов О.Ю. III отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826-1866 гг. М., 2017. С. 8.

⁸¹ Там же. С. 276.

о деятельности этого ведомства, этот миф способствовал созданию негативной репутации этого ведомства как «светской инквизиции» и «разбойничьего вертепа у Цепного моста», что, с точки зрения исследователя, наносило серьезный ущерб диалогу власти и общества⁸². В данном труде проблематика собственно заграничной агентуры и фактора польской эмиграции была затронута только косвенно. Так, О.Ю. Абакумов отметил, что руководство III отделения, став с 1860-х гг. внедрять агентов в революционные организации внутри России, ориентировалось на опыт заграничной агентурной деятельности Ю. Балашевича-Потоцкого в среде польской эмиграции⁸³.

Г.Н. Бибилов в своей недавней монографии 2023 г. подобно последним работам О.Ю. Абакумова также не стал развивать сюжеты о заграничной агентуре и польском вопросе⁸⁴. Автор сфокусировался на теме контроля III отделения и жандармерии за работой губернской администрации и чиновничества, а специфику жандармского надзора на национальных окраинах Российской империи рассмотрел на примере Кавказа в рамках специальной главы⁸⁵.

Следует отметить, что для современной историографии политической полиции Российской империи характерна внутренняя разобщенность. Показательна вышедшая в 2021 г. в журнале «Вопросы истории» историографическая статья Ю.В. Рыжовой, в которой подробно освещались работы по линии Министерства внутренних дел и «Охранки», но не было упомянуто ключевых публикаций О.Ю. Абакумова, П.П. Черкасова, М.В. Сидоровой, Е.И. Щербаковой, И.В. Оржеховского, Т.Г. Деревниной, Г.Н. Бибилова (при том, что отмечен очерк И.М. Троцкого 1930 г.) и мн. др.⁸⁶ Лакуны этой статьи наглядно

⁸² Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019. С. 491–492.

⁸³ Там же. С. 232.

⁸⁴ Бибилов Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М., 2023.

⁸⁵ Там же. С. 253–286.

⁸⁶ Рыжова Ю.В. Деятельность политической полиции Российской империи в отечественной историографии // Вопросы истории. 2021. № 10/1. С. 246–252.

демонстрируют, что историография политического сыска второй и третьей четверти XIX в. изучена хуже периода после 1880 г., слабо интегрирована в историю мировых и отечественных спецслужб и нуждается в серьезных обобщающих исследованиях, которые бы учитывали как уже неплохо разработанную внутривнутриполитическую проблематику, так и менее известные историкам полиции сюжеты национальной политики и заграничной агентуры.

В 2022 г. появилась уникальная для современной российской историографии работа, непосредственно посвященная проблеме противостояния III отделения и польского национального движения – статья «Европейские революции на пороге Российской империи: борьба III отделения против польской конспирации в 1830–1840-х гг.» за авторством известного специалиста по политике российских властей в губерниях Северо-Западного края в XIX в. А.А. Комзоловой⁸⁷. В работе исследуются отдельные примеры этой борьбы в зоне русско-прусского приграничья

⁸⁷ *Комзолова А.А.* Европейские революции на пороге Российской империи: борьба III отделения против польской конспирации в 1830–1840-х гг. // *Русский сборник*. Т. XXXII. М., 2022. С. 117–131. В 2005 г. вышла монография автора о правительственном курсе в Северо-Западном крае в царствование Александра II в контексте польского восстания 1863–1864 гг. См.: *Она же*. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. Данной проблематике и другим вопросам польско-российских отношений в XIX в. посвящен целый ряд недавних статей автора: *Комзолова А.А.* Власть, Православная церковь и реформы народной школы в Северо-Западном крае в 1860-х годах // *Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко*. СПб., 2022. С. 188–258; *Она же*. Граф Е.Ф. Канкрин и Николай I во время русско-польской войны 1830–1831 гг. // *Российская история*. 2024. № 2. С. 78–89; *Она же*. Особые полномочия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: кадровый аспект // *Тетради по консерватизму*. 2023. № 4. С. 44–52; *Она же*. Западный комитет и народная школа в Северо-Западном крае (1862–1864) // *Российская история*. 2021. № 6. С. 61–77; *Она же*. Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История*. 2023. № 1. С. 68–74; *Она же*. Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // *Российская история*. 2021. № 6. С. 127–137; *Она же*. Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // *Российская история*. 2020. № 2. С. 159–173.

и пример сообщения заграничной агентуры из Парижа. Вначале автор обрисовала общий контекст зарождения польской эмиграции после восстания 1830–1831 гг. на основе существующей русскоязычной и англоязычной литературы. Затем она проанализировала несколько эпизодов приграничного сотрудничества полицейских властей Восточной Пруссии и российских западных и прибалтийских губерний за 1831–1833 гг. с целью поимки эмигрантов польской эмиграции, а также привела свидетельство продолжения такого рода сотрудничества в 1839 г.⁸⁸ В финальной части статьи историк рассмотрела сентябрьское донесение 1849 г. российского посланника во Франции Н.Д. Киселева о попытках польских эмигрантов купить бумаги к тому моменту покойного французского журналиста Ш. Дюрана у его вдовы с целью компрометации русского правительства⁸⁹.

Неоспоримым достоинством труда А.А. Комзоловой является ввод в научный оборот неизвестных ранее материалов из фондов ГА РФ и РГИА. Большое теоретическое и методологическое значение имеют также некоторые замечания и выводы автора: «Польская эмиграция в глазах Николая I и других руководителей стран Священного союза представляла также общую — межгосударственную и трансграничную — опасность, направленную одновременно против трех держав⁹⁰ <...> Поскольку польская «угроза» рассматривалась российским правительством прежде всего как внешняя, для укрепления безопасности на западной границе были задействованы различные многоуровневые механизмы взаимодействия с союзниками и партнерами, от личных встреч монархов до кооперации местной полиции и работы тайных агентов»⁹¹. Всей предшествующей историографии политического сыска не хватало именно такой исследовательской оптики. В этой оптике история польской политической эмиграции второй и третьей четвертей XIX в. представляет собой явление транснационального масштаба, для изучения

⁸⁸ Там же. С. 123–129.

⁸⁹ Там же. С. 129.

⁹⁰ Там же. С. 122.

⁹¹ Там же. С. 130.

которого необходимо анализировать акторы как внутривнутриполитического, так и международного характера.

О важности транснационального подхода в изучении полицейской агентуры XIX в. говорится и в статье 2023 г. современного греческого исследователя австрийского и прусского политического сыска Христоса Алипрантиса. Историк сочетает этот подход с микроисторическим анализом биографий австрийских и прусских агентов, который, по мнению автора, существенно расширяет понимание особенностей полицейского надзора той эпохи. Х. Алипрантис подчеркивает, что реалии надзора за революционным движением или преступным миром невозможно рассматривать только с точки зрения деятельности официальных бюрократических институтов и дипломатических ведомств того или национального государства. Революционные движения и преступные группировки зачастую имели связи за пределами страны, поэтому ключевую роль в контроле за их активностью играли не чиновники и полицейские служащие, а низовые шпионы, не входившие в формальную иерархию и действовавшие вне рамок строго очерченных государственных границ. Таким образом, функционирование и развитие австрийского полицейского аппарата во многом обеспечивалась не только за счет жесткого бюрократического механизма, но и благодаря инициативе простых агентов. Именно поэтому микроисторические исследования их карьерных траекторий представляют значительную научную ценность⁹². В рамках нашей темы такой подход весьма приложим к изучению деятельности российского агента польского происхождения Ю. Балашевича-Потоцкого.

⁹² *Aliprantis C. The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach // Central Europe. London, 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 20–35.* В данной англоязычной статье автор использовал термин «transnational policing», что, наш взгляд, на русский язык можно было бы перевести как «транснациональный полицейский надзор». Это понятие следовало бы перенять и российской историографии политического сыска, поскольку оно очень точно отражает реалии российских заграничных операций на польском (и не только) направлении.

В том же 2023 г. вышла статья историка-германиста О.В. Заиченко – первая в историографии биографическая работа о малоизученном сотруднике российского политического сыска немецкого происхождения, бароне Карле Фердинандовиче фон Швейцере, руководившем резидентурой III отделения в германских государствах с 1833 по 1839 г. В работе освещается его карьера в период 1819–1831 гг., когда он служил в Высшей военно-секретной полиции в Варшаве под началом барона Петра Андреевича Засса (1781–1830), входившего в ближний круг вел. кн. Константина Павловича, главнокомандующего армией Царства Польского. Автор сконцентрировалась, главным образом, на немецких аспектах деятельности Швейцера, но также отметила роль его донесений начала 1820-х гг. в разгроме тайных обществ «филаретов» и «филоматов» польских студентов Виленского университета. О.В. Заиченко заключила, что благодаря богатому опыту работы в тайной полиции Царства Польского Швейцер и его коллеги были привлечены к созданию зарубежной резидентуры III отделения после подавления Ноябрьского восстания и образования польской эмиграции. Вслед за своими предшественниками историк считает, что организация заграничной службы III отделения послужила началом «формирования российской внешней разведки как единой государственной службы с разветвленной по всей Европе агентурной сетью»⁹³.

Факты длительной службы К.Ф. Швейцера, упомянутого выше А.А. Сагтынского и других организаторов заграничного сыска III отделения в полицейских органах Царства Польского обуславливают необходимость обратиться также к историографии политического сыска и историографии российской военной администрации данного региона. В настоящий момент наиболее подробно исследован период до Ноябрьского восстания 1830–1831 гг.⁹⁴ Эпоха после

⁹³ Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 33–45.

⁹⁴ См., например: *Wincenciuk P. Policje tajne w Królestwie Polskim (1815-1830) i dzieje ich spuścizny aktowej // Miscellanea Historico–Archivistica. T. 19. Warszawa, 2012. S.*

подавления восстания изучена в основном с точки зрения структуры полицейских органов Царства Польского, вопрос заграничной агентуры в подчинении наместников специально практически не рассматривался. Еще в статье 1932 г. А. Прухник подробно проанализировал систему жандармского управления Царства Польского⁹⁵. В 1993 г. вышла обобщающая монография Э. Качиньской и Д. Древняка о российском политическом сыске XIX – начала XX вв. с фокусом на польских сюжетах, однако период до 1880 г. там рассмотрен лишь обзорно и преимущественно на основе упомянутой выше работы А. Прухника⁹⁶. В современной российской историографии местные полицейские органы отчасти рассматриваются в главе Б.В. Носова о российской администрации Царства Польского в коллективной монографии 2016 г., посвященной истории этого региона между Ноябрьским (1830–1831) и Январским восстаниями (1863–1864)⁹⁷.

Особого внимания заслуживает статья 2003 г. Ю. Борковского «Андрей Стороженко – „Впечатления“: (фрагменты дневника 1844–1845 гг.)», в которой публикуются несколько отрывков из записок А.Я. Стороженко, варшавского обер-полицмейстера в 1833–1842 гг. и председателя Следственной комиссии при наместнике Царства Польского И.Ф. Паскевиче, занимавшейся расследованием политических преступлений⁹⁸. Среди прочих функций комиссии автор указывает отслеживание контактов между польской эмиграцией и подпольными

203–222; *Karpińska M.* Policje tajne w Królestwie Kongresowym // *Przegląd Historyczny*. 1985. № 4. S. 682–684.

⁹⁵ Эта статья была переиздана в посмертном сборнике трудов автора уже после Второй мировой войны: *Próchnik A.* Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // *Próchnik A.* Studia i szkice (1864–1918). Warszawa, 1962. S. 47–104.

⁹⁶ *Kaczyńska E., Drewniak D.* Ochrona: carska policja polityczna. Warszawa, 1993. S. 22–34.

⁹⁷ *Носов Б.В.* Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 134.

⁹⁸ *Borkowski J.* Andriej Storożenko – "Wrażenia": (fragmenty dziennika z lat 1844–1845) // *Niepodległość i Pamięć*. Warszawa, 2003. № 1. S. 217–242.

организациями на подконтрольной России части польских земель⁹⁹. Отмечая предвзятость публикуемого источника, исследователь подчеркнул, что в записках содержатся важные детали, показывающие механизм функционирования репрессивного аппарата против поляков в период наместничества Паскевича¹⁰⁰.

Наконец, среди недавних трудов следует упомянуть монографию польского историка Мариуша Кулика о российской армии и военном управлении в Царстве Польском в 1815–1856 гг. В работе не только подробно анализируются структура и функции местных военно-полицейских органов, но и обобщаются сведения о послужном списке ряда крупных сановников (в особенности необходимо отметить военных губернаторов Варшавы – фактически заместителей наместника Царства Польского), курировавших в том числе и вопросы тайного сыска¹⁰¹.

Начало научному изучению **польской политической эмиграции** положил трехтомный труд 1901 г. польского историка Любомира Гадона, в котором автор успел охватить только период начала 1830-х гг.¹⁰² Отечественная историография по большей части рассматривала эмиграционную проблематику как часть истории борьбы польского национального движения с царским правительством. Среди первых русскоязычных работ следует отметить написанные вскоре после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. труды Н.В. Берга¹⁰³ и В.Ф. Ратча¹⁰⁴. Царские власти разрешили этим исследователям пользоваться

⁹⁹ Ibid. S. 222.

¹⁰⁰ Ibid. S. 225–226.

¹⁰¹ *Kulik M.* Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa, 2019. S. 184–185, 217–219, 244–246.

¹⁰² *Gadon L.* Emigracja polska: Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. Т.1–3. Kraków, 1901. Автор принадлежал к волне эмиграции, образовавшейся после поражения Январского восстания 1863–1864 гг., был личным секретарем Владислава Чарторыйского – тогдашнего лидера «Отеля Лямбер», консервативной эмигрантской группировки. Работа представляет собой политическую хронику фактографического характера, написанную с позиций сторонников рода Чарторыйских.

¹⁰³ *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 годов. М., 1873.

¹⁰⁴ *Ратч В.Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831-1863 г. Вильна, 1866.

недоступными широкой публике секретными архивными материалами для описания польских конспиративно-повстанческих акций, однако по понятным причинам они не могли ничего сообщать об организации заграничного агентурного надзора. Очевидно, что их оценка польских «возмущений» была сугубо негативной. Однако большинство работ по этому вопросу вышло уже после революционных событий в России 1917 г. и образования независимой Польши в 1918 г. В связи с этим в подавляющем большинстве случаев повстанческие мероприятия польских эмигрантов рассматривались как героическая страница в истории польского народа и как краеугольный камень «национально-освободительной» борьбы.

В межвоенную эпоху главные плоды на ниве изучения роли деятельности заграничной агентуры в среде революционного движения принесли советские историки, которые, как упоминалось выше, активно публиковали фрагменты секретных отчетов царской полиции. В 1922 г. Р.М. Кантор в своей статье «П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий» первым в научной историографии описал основные вехи карьеры и биографии упомянутого выше выдающегося агента-провокатора III отделения Ю. Балашевича, работавшего в среде польской эмиграции с 1861 по 1875 г. Тем не менее, в центре внимания историка находились, прежде всего, контакты шпиона с видным российским революционером-народником и мыслителем П.Л. Лавровым¹⁰⁵. Лишь кратко охарактеризовав послужной список Балашевича на польском направлении, Р.М. Кантор отметил: «Будущий историк польского революционного и общественного движения найдет в донесениях Балашевича разгадку многим тайнам. С этой точки зрения здесь, понятно, не место останавливаться на них подробнее»¹⁰⁶. Автор пришел к выводу, что Балашевич оказывал П.Л. Лаврову некоторые «услуги», но не так и не сумел

¹⁰⁵ Кантор Р.М. П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг., 1922. С. 473–512.

¹⁰⁶ Там же. С. 482.

глубоко проникнуть в тайны его революционной деятельности и как-либо ее скомпрометировать¹⁰⁷.

В Польше межвоенного периода польской эмиграцией интересовалась целая плеяда выдающихся исследователей, в частности, известный историк Марцелий Хандельсман, выпустивший трехтомную политическую биографию князя Адама Чарторыйского¹⁰⁸. «Национально-освободительной» проблематикой занималось и целое научное учреждение – «Институт Юзефа Пилсудского, посвященный изучению новейшей истории Польши», издававший журнал с недвусмысленным названием «Независимость» (польск. «*Niepodległość*»). В качестве примеров статей из этого издания, важных с точки зрения сюжетов нашей диссертации, можно привести работу Юзефа Жмигродского об известном повстанческом генерале и эмиграционном предводителе Ю. Гауке-Босаке¹⁰⁹, а также труды Марии Злотожицкой о покушении польского эмигранта А. Березовского на Александра II в 1867 г.¹¹⁰ и об идеологии эмигрантской группировки «Польский революционный центр» (польск. *Ognisko republikańskie polskie*)¹¹¹.

Однако в то время польские историки еще не приступили к активному освоению полицейских материалов советских архивов, поэтому о глубокой проработке агентурной проблематики применительно к тому времени говорить не приходится. Известное исключение составляют упомянутый выше труд Я. Кухажевского, а также некоторые работы Януша Ивашкевича. Последний в статье 1928 г. представил небольшой биографический очерк о Балашевиче, в котором кратко описал некоторые из ярких эпизодов его провокаторской деятельности (в частности, организацию ссоры между М.А. Бакуниным и влиятельным военным

¹⁰⁷ Там же. С. 511–512.

¹⁰⁸ *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Т. 1–3. Warszawa, 1948–1950.

¹⁰⁹ *Żmigrodzki J.* Józef Bosak-Hauke // *Niepodległość*. Warszawa, 1933. Т. VIII. S. 173–205;

¹¹⁰ *Złotorzycka M.* Ideologia „Ogniska Republikańskiego Polskiego” (1867–70) // *Niepodległość*. 1935. Т. XII. S. 1–21.

¹¹¹ *Złotorzycka M.* Antoni Berezowski i jego zamach na Aleksandra II-go // *Niepodległość*. 1934. Т. VIII.

деятелем польской эмиграции Л. Мерославским). Автор обратил внимание на то, что агентурным успехам самозваного графа Потоцкого способствовало сотрудничество с парижской префектурой полиции, а также деятельность по торговле антиквариатом, благодаря которой он завел контакты среди британских музейных кругов и среди польской аристократии¹¹².

В 1928 г. Я. Ивашкевич также выпустил крупный очерк¹¹³, в котором впервые в рамках научной историографии была освещена агентурная операция российского тайного сыска под руководством генерал-полицмейстера Царства Польского Ф.Ф. Трепова против польской эмиграции в 1864–1865 гг. В ходе этой операции завербованный царскими властями бывший участник польского восстания 1863–1864 гг. А. Звешховский сумел заманить в Варшаву влиятельных эмиграционных руководителей В. Даниловского, З. Янчевского, М. Улятовского и В. Рудницкого с целью их последующего ареста. Провокатору удалось убедить их в том, что в Царстве Польском существует подпольное Национальное правительство и что сам край готов к очередному восстанию. Автор отметил, что роль А. Звешховского в этих событиях была уже известна по мемуарам В. Даниловского, в то время как функция другого участника данной провокации, Яна Кубары (в будущем известного этнографа), оставалась неизвестной¹¹⁴. На основе архивных полицейских документов из Варшавы Я. Ивашкевичу удалось выяснить, что именно Кубары завербовал Звешховского на царскую службу¹¹⁵.

Период после Второй мировой войны и до распада социалистического блока характеризовался беспрецедентной глубиной научных связей советских и польских историков. Совершенно обычным явлением стали публикации советских исследователей на польском языке в ПНР (см., например, работу В.А. Дьякова и

¹¹² *Iwaszkiewicz J. Niebezpieczny prowokator. Mniemany hrabia Albert Potocki // Kurier Literacko-Naukowy. № 356. 1928. S. 14–15.*

¹¹³ *Iwaszkiewicz J. Wielka prowokacja: rzekomy rząd narodowy 1865 r. Warszawa, 1928.*

¹¹⁴ *Ibid. S. 4.*

¹¹⁵ *Ibid. S. 17.*

А.С. Нагаева об экспедиции Юзефа Заливского 1833 г.¹¹⁶) и, наоборот, издание переводных польских работ в СССР (см., например, перевод книги Стефана Кеневича о польском историке и революционере Иоахиме Лелевеле в серии «ЖЗЛ»)¹¹⁷. Кроме того, советские и польские историки провели большую работу по публикации источников о «национально-освободительной» борьбе. Применительно к сюжетам нашей диссертации можно отметить публикацию дневника Шимона Конарского 1973 г. с предисловием Б. Лопушаньского и А.Ф. Смирнова¹¹⁸. Результатом сотрудничества исследователей ПНР и СССР стало также активное изучение и публикация полицейских материалов из польских и советских архивов. Особого упоминания заслуживает фундаментальное серийное издание «Польское общественное движение и литературная жизнь 30-50-х годов XIX века. Исследования и материалы» (известное также как «Зеленая серия»)¹¹⁹, первый том которого вышел в 1978 г., а последний – в 2015 г.¹²⁰

¹¹⁶ *Djakow W., Nagajew A. Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832–1835) / przeł. M. Kotowska. Warszawa, 1979.*

¹¹⁷ *Кеневич С. Лелевель. М., 1970.*

¹¹⁸ *Łopuszański B., Smirnow A. Wstęp // Konarski S. Dziennik z lat 1831–1834. Wrocław, 1973.*

¹¹⁹ См. подробнее о сотрудничестве советских и польских специалистов по истории национально-освободительного движения XIX в. и об издании «Зеленой серии» в 1978–2009 гг.: *Макарова Г. В. Из истории российско-польского научного сотрудничества: публикация источников по истории общественного движения в Королевстве Польском в 30–50-е годы XIX в. // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация источников в России и Польше. М., 2011. С. 108–118.*

¹²⁰ Том 2015 г. см.: *Stowarzyszenie ludu Polskiego na Litwie i Białorusi. Szymon Konarski / Содружество польского народа в губерниях Виленской и Минской. Шимон Конарский. Warszawa, 2015. 820 с. Издание 2015 г. продолжает публикацию тома 2009 г., посвященного судебным материалам о польском революционере Шимоне Конарском, возглавлявшим конспиративную организацию «Содружество польского народа» на территории западных губерний Российской империи в 1836–1839 гг. Том 2009 г. см.: *Stowarzyszenie ludu Polskiego na Litwie i Białorusi. Szymon Konarski / Содружество польского народа в губерниях Виленской и Минской. Шимон Конарский. Warszawa, 2009. 581 с. (названия томов 2009 и 2015 гг. идентичны).**

Благодаря кооперации польских и советских историков во многих работах по истории польской эмиграции и революционного движения стали активно использоваться в том числе и донесения российской политической полиции. Однако полномасштабных исследований о деятельности заграничного сыска на польском направлении от 1830–1870-х гг. так и не появилось. Были опубликованы работы об отдельных агентах и агентурных операциях, но в большинстве случаев полицейские документы использовались исследователями в качестве дополнительного источника по истории национального движения. Отметим наиболее заметные публикации как советской, так и польской историографии.

В статье 1958 г. «Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860-е гг.)»¹²¹ известного советского историка-полониста И.М. Белявской рассматривался эпизод из агентурной деятельности Ю. Балашевича 1862–1863 гг., одной из главных целей которой было «разжигание непримиримой вражды между польской эмиграцией и Герценом»¹²². Автор особенно отметила провокацию в июне 1863 г., в результате которой царскому агенту при помощи отправки подложных писем удалось временно поссорить российских издателей «Колокола» с Центральным национальным комитетом – руководящим органов Январского восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском¹²³.

В монографии 1965 г. Мариана Жиховского изучалась биография известного революционного военного деятеля польской эмиграции Л. Мерославского (1814–1878)¹²⁴. Автор активно использовал агентурные материалы из советских архивов Москвы, Ленинграда и Львова, среди которых особенно выделил упомянутые ранее отчеты Ю. Балашевича-Потоцкого и менее известные донесения некоего Сабаттина, участника восстания 1830–1831 гг. и члена «Польского демократического общества», работавшего на российское посольство с 1839 по

¹²¹ Белявская И.М. Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860-е гг.) // Литературное наследство. М., 1958. Т. 64. С. 751–778.

¹²² Там же. С. 765.

¹²³ Там же. С.

¹²⁴ Żychowski M. Generał klęski: Ludwik Mierosławski 1814–1872. Warszawa, 1965.

1845 г.¹²⁵ Историк подчеркнул, что агентурные данные «во многих случаях неточны и требуют особенно вдумчивого анализа и сличения, но несомненно вносят много нового для изучения деятельности Мерославского, в частности, в Париже в 1845 г., в период военной школы в Генуе и его контактов с родиной в 1861–1863 и 1866–1869 гг.»¹²⁶.

В 1966 г. вышла первая и пока единственная в своем роде обобщающая монография польского историка Ежи Войцеха Борейши о второй крупной волне польской политической эмиграции, образовавшейся после поражения Январского восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском¹²⁷. В свою источниковую базу Е. Борейша включил донесения Ю. Балашевича-Потоцкого, секретную часть переписки Н.И. Павлищева (историка, редактора газеты «Варшавский дневник» и организатора заграничной агентуры), отчеты временного поверенного в делах России во Франции Г.Н. Окунева об участии поляков в Парижской коммуне 1871 г. и ряд других материалов из архива III отделения¹²⁸. Тем не менее, в монографии данные материалы использовались только для уточнения конкретных эпизодов политической жизни эмиграции. Историк не рассматривал агентурную деятельность авторов этих отчетов как самостоятельный исследовательский вопрос.

В статье известного советского и российского специалиста по истории Польши XIX в. С.М. Фалькович 1967 г. «Польская эмиграция в период упадка восстания 1863–1864 гг.» были рассмотрены политическая деятельность польской эмиграции (с особым акцентом на личностях А. Сапеги, Я. Кужины, А. Гуттри), повстанческого Национального правительства и их контакты с международным революционным движением в заключительный период Январского восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском. Автор использовала отчеты наместника Царства Польского Ф.Ф. Берга Александру II, материалы канцелярии российского МИД и

¹²⁵ Ibid. S. 15.

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ *Borejsza J.W.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966.

¹²⁸ Ibid. S. 13–14.

ряд анонимных агентурных сводок в качестве одного из источников, но не анализировала специально саму агентурную деятельность¹²⁹.

В 1969 г. вышел очерк крупного советского историка-полониста В.А. Дьякова, в котором автор сфокусировался на описании контактов агента III отделения Ю. Балашевича с К. Марксом и его польскими соратниками по I Интернационалу, которыми руководил генерал В. Врублевский (один из военачальников Парижской коммуны 1871 г.)¹³⁰. С точки зрения исследователя, скрывающийся под псевдонимом «графа Потоцкого» Балашевич в глазах Маркса и Врублевского сумел превратиться в ценного союзника, которого можно использовать для сообщения с польской эмиграцией. В то же время, В.А. Дьяков подчеркивал, что агент в своих донесениях явно преувеличивал степень своего влияния в I Интернационале и что его обещания насчет возможности вытеснения Маркса и Врублевского с руководящих позиций были полностью беспочвенными¹³¹.

В статье 1973 г. польская исследовательница Франтишка Рамотовская вслед за упомянутым выше Я. Ивашкевичем продолжила изучение агентурной операции 1864–1865 гг. полиции Царства Польского, в результате которой было создано фиктивное повстанческое правительство, ставшее ловушкой для деятелей польской эмиграции. Историк привлекла новые на тот момент архивные материалы – донесения генерал-полицмейстера Царства Польского Ф.Ф. Трепова наместнику Царства Польского Ф.Ф. Бергу, а также агентурную переписку из варшавского Главного архива древних актов, хранящуюся в фонде управления генерал-полицмейстера Царства Польского¹³². В выводах Ф. Рамотовской о результатах данной провокации обозначились две главные мысли. Во-первых, агентурная операция способствовало парализации деятельности остатков польского

¹²⁹ Фалькович С.М. Польская эмиграция в период упадка восстания 1863–1864 гг. // Революционная Россия и революционная Польша: сб. статей. М., 1967. С. 148–208.

¹³⁰ Дьяков В.А. Глазами царского агента // Прометей. Т. 7. М., 1969. С. 327–340.

¹³¹ Там же. С. 333–337.

¹³² Ramotowska F. “Wielka Prowokacja” 1864 r. w świetle nowych źródeł archiwalnych // Przegląd Historyczny. Warszawa. 1973. T. 64. Z. 1. S. 88.

национально-освободительного движения в Царстве Польском и польской эмиграции за рубежом. Во-вторых, произошло «усиление системы полицейского управления в Царстве Польском, системы, необходимость существования которой доказала провокация»¹³³.

В 1973 г. также вышел обширный вступительный очерк к польской публикации отчетов Ю. Балашевича за авторством историка-архивиста Рафала Гербера. В работе представлены обзор деятельности Ю. Балашевича, а также ряд более кратких биографических зарисовок других заметных заграничных агентов российского политического сыска, действующих в среде польской эмиграции с 1830-х по 1870-е гг.: А. Вернера-Куберского, Ф. Шостаковского, К. Кумпикевича, Т. Петрашевского, А. Дыдыньского, Г. Михаловского, А. Белины-Млоховского и А. Стемповского¹³⁴. Автор подчеркнул, что наблюдение за польскими эмигрантами стало особенно важным для российских властей в 1860-х гг., поскольку борцы за национальное освобождение Польши были тесно связаны с представителями российского (А.И. Герцен, М.А. Бакунин) и международного революционного движения (деятели I Интернационала)¹³⁵.

Особое внимание историк уделил проблеме причастности деятелей польской эмиграции к подделке и контрабанде российских банкнот. Он полагал, что собственно политические эмигранты (т.е. не обычные преступники) не занимались фальшивомонетничеством и что все обвинения против них являлись провокациями российской агентуры, стремившейся дискредитировать польскую эмиграцию в глазах западных властей¹³⁶.

Давая оценку отчетам Ю. Балашевича-Потоцкого как историческому источнику, Р. Гербер, с одной стороны, отметил, что в определенной мере они являются «энциклопедическим описанием жизни политической эмиграции в

¹³³ Ibid. S. 113–114.

¹³⁴ Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 5–78.

¹³⁵ Ibid. S. 5.

¹³⁶ Ibid. S. 12–23.

Европе третьей четверти XIX в.». С другой стороны, автор предостерег читателя, указав, что образы упомянутых в донесениях эмиграционных и революционных деятелей часто представлялись Балашевичем «в кривом зеркале»¹³⁷.

В 1973 г. в печати появилась также биографическая монография польского исследователя Элигиуша Козловского о выдающемся военачальнике Январского восстания 1863–1864 гг. и влиятельном деятеле революционно-демократического крыла польской эмиграции Юзефе Гауке, взявшем псевдоним «Босак» в честь названия своего фамильного герба¹³⁸. Автор отметил, что материалы советских архивов пролили новый свет на личность генерала, особенно в отношении времени службы в российской армии и начального периода эмиграции. Тем не менее, историк заключил, что значительную часть документов об эмиграционном периоде составляют «отчеты разных агентов, которые часто выдумывали либо приукрашивали полученные сведения, приписывая Гауке, среди прочего участие в различных заговорах, высылали его в далекие поездки на Босфор и даже во Львов, которые никогда не имели места»¹³⁹.

В монографии 1987 г. польского историка Анджея Феликса Грабского¹⁴⁰, посвященной связям И. Лелевеля с немецкими революционными демократами, в рамках краткого обзора поднимается также вопрос о полицейском наблюдении за этим деятелем со стороны заграничных агентур России, Австрии, Пруссии и западных держав¹⁴¹. Автор отметил, что тайные полиции разных стран приписывали ему участие в многочисленных польских и международных заговорах, «даже тех, с которыми Лелевель не имел ничего общего»¹⁴². Историк упомянул, что за революционером следили, в частности, двойные австро-

¹³⁷ Ibid. S. 78.

¹³⁸ *Kozłowski E.* Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871. Warszawa, 1973.

¹³⁹ Ibid. S. 10.

¹⁴⁰ *Grabski A.* Joachim Lelewel i demokracja niemiecka. Z dziejów międzynarodowych kontaktów polskiej lewicy w dobie Wielkiej Emigracji. Łódź, 1987.

¹⁴¹ Ibid. S. 101–108.

¹⁴² Ibid. S. 102.

российские агенты немец В. Биндер и польский эмигрант Ф. Шостаковский¹⁴³. Кроме того, в работе подчеркивается, что австрийская полиция явно доверяла, с его точки зрения, слухам, о намерениях польских эмигрантов совершить покушение на Николая I, поскольку австрийский канцлер К. Меттерних передал эти сведения российскому послу в письме от 10 февраля 1834 г.¹⁴⁴

Следует подчеркнуть, что польская историография социалистического периода, в отличие от советской, не имела жесткой привязки к марксистско-ленинской методологии (если речь не шла, конечно, об истории рабочего движения, социалистических учений и другой проблематике «партийного» характера). Исследователям польской эмиграции не нужно было делать ритуальные отсылки к мнению К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, а степень свободы в выборе темы была намного больше, чем в советской историографии. Примечательно, например, что историки могли свободно заниматься деятельностью «Отеля Лямбер», либерально-консервативной группировки польской эмиграции, возглавляемой князьями Чарторыйскими. В качестве примера таких работ можно упомянуть статьи известного польского историка Хенрика Верещицкого о связях «Отеля Лямбер» с лагерем «белых»¹⁴⁵ и с российскими революционерами М.А. Бакуниным и А.И. Герценом¹⁴⁶ накануне Январского восстания 1863–1864 гг., а также монографию его ученика Ежи Здрады об этой группировке в период руководства Владислава Чарторыйского во второй половине 1860-х–1870-х гг.¹⁴⁷ Особенно необходимо выделить также монографии времен ПНР крупного польского историка Ежи Скворонка об антинаполеоновских проектах князя Адама Чарторыйского 1801–1808 гг.¹⁴⁸ и о связях польского

¹⁴³ Ibid. S. 102–103.

¹⁴⁴ Ibid. S. 105.

¹⁴⁵ *Wereszycki H.* Hotel Lambert i obóz Białych przed wybuchem powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny*. 1959. № 3. S. 514–544.

¹⁴⁶ *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny*. 1957. № 2. S. 234–269.

¹⁴⁷ *Zdrada J.* *Zmierzch Czartoryskich*. Warszawa, 1969.

¹⁴⁸ *Skowronek J.* *Sprzymierzeńcy narodów bałkańskich*. Warszawa, 1983.

национального движения с балканскими народами в 1795–1849 гг., которым тот же Чарторыйский уделял важное место в своих геополитических планах – как в период руководства российским МИД, так и в эмиграции после 1831 г.¹⁴⁹ В трудах указанных выше историков лагерь Чарторыйских описывался в спокойном, нейтрально-фактографическом ключе без клеймящих эпитетов типа «буржуазно-помещичий», «реакционный» и т.п.

Единственным реальным ограничением был запрет ссылаться на откровенно русофобские материалы, выходившие за рамки осуждения «царского режима». В историографии господствовала парадигма «российско-польского революционного союза» (своего рода предтечи «советско-польской дружбы»), согласно которой в XIX – нач. XX в. прогрессивные силы обоих народов совместными усилиями боролись против «реакционного царизма». Тем не менее, даже упомянутый выше Ян Кухажевский с его идеей тождества «белого» и «красного» царизма, совершенно не вписывавшейся в концепцию «советско-польской дружбы», не был полностью запрещенным в ПНР автором. Польские историки, чтобы не вызывать скандала, ссылались не на провокационное общее заглавие многотомного труда Кухажевского («От белого до красного царизма», польск. «Od caratu białego do czerwonego»), а на названия конкретного тома. Так, например, поступил упомянутый выше Рафал Гербер в своем предисловии к публикации донесений Балашевича-Потоцкого, оформив сноску на неполиткорректный труд Кухажевского следующим образом: «J. Kucharzewski, Lata przełomu, Romanow, Pugaczow czy Pestel, Warszawa, 1928»¹⁵⁰.

Польская историография концентрировалась в основном на политико-событийном описании «национально-освободительной» борьбы, однако и в ней временами рассматривалась популярная на Западе проблематика истории повседневности в духе школы «Анналов». Ярким примером такой работы стала популярная монография 1971 г. Славомира Калембки об истории эмиграции в

¹⁴⁹ Skowronek J. Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969.

¹⁵⁰ Gerber R. Op. cit. S. 6.

1831–1861 гг., в которой изучались не только традиционные сюжеты вроде политической мысли и партийной деятельности, но и такие вопросы как уровень жизни мигрантов, преступность, быт т.п.¹⁵¹.

Советская историография в большей степени интересовалась не самой эмиграцией, а сотрудничеством польских и российских революционеров и социально-экономическим развитием польских земель. Классическими обобщающими трудами в рамках данного направления являются книга А.Ф. Смирнова¹⁵², соответствующие разделы коллективной монографии 1976 г. под редакцией И.С. Миллера¹⁵³, исследования И.И. Костюшко¹⁵⁴, И.А. Воронкова¹⁵⁵ и множество др. работ. Вышедшая в 1993 г. «Краткая история Польши» под редакцией В.А. Дьякова, хотя и отказалась от обязательных ссылок на классиков марксизма-ленинизма, все равно концентрировалась на концепции

¹⁵¹ *Kalembka S. Wielka Emigracja, Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831-1862. Toruń, 1971.* До этой монографии главным трудом историка была работа об эмиграционной группировке «Польское демократическое общество» (ПДО), посвященная, главным образом, идеологии, прессе и конспиративной деятельности этой организации: *Kalembka S. Towarzystwo Demokratyczne Polskie w latach 1832-1846. Poznań, 1966.* Из других популярных и обобщающих исследований по «Великой эмиграции» см. небольшую работу упомянутого выше Е. Здрады, в которой повествование доведено до 1845 г.: *Zdrada J. Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. Warszawa, 1987.*

¹⁵² См. напр.: *Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши 30–60 годов XIX в. М., 1962.*

¹⁵³ *Миллер И.С., Федосова Т.Ф. В совместной борьбе против феодализма и самодержавного гнета // Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / Отв. ред. И.С. Миллер. М., 1976. С. 130–186; Дьяков В.А. Первые шаги под лозунгом «За нашу и вашу свободу» 1830-1856 // Там же. С. 72–129.*

¹⁵⁴ См., например, *Костюшко И. И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962.*

¹⁵⁵ См., например: *Воронков И.А. Позиция польских повстанческих властей по вопросу их отношений к царскому правительству, русскому, украинскому, белорусскому, литовскому народам в период восстания 1830–1831 гг. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1978. С. 228–238.*

«освободительной борьбы польского народа», в которой большее внимание все также уделялось революционно-демократическим слоям эмиграции¹⁵⁶.

В связи с указанными выше моментами неудивительно, что в 1990-е гг. крушение социалистического лагеря не поставило перед польской историографией, в отличие от российской, проблемы «преодоления марксизма-ленинизма». Новизну в польскую историческую науку принесли, прежде всего, не отказ от старой методологии, а политическая атмосфера конца XX в., когда Польша искала свое место в изменившейся расстановке сил в Центральной и Восточной Европе.

Вместо «польско-русского революционного союза» (пролога будущей «польско-советской дружбы») исследователи стали обращать особенное внимание на центральноевропейское и славянское направление политической мысли различных деятелей «Великой эмиграции». Эмигрантские мыслители считали, что поляки должны возглавить «национально-освободительную» борьбу славянских и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. При поддержке этих национальностей Польша смогла бы противостоять Российской империи и в перспективе даже уничтожить ее, используя в том числе сепаратизм на этнической основе. Этим направлением политической мысли эмиграции особенно активно занимались Лешек Кук¹⁵⁷, изучавший собственно «славянские» проекты, и Анджей Новак¹⁵⁸, исследовавший непосредственно представления польских мыслителей о Российской империи и их планы по ее уничтожению при помощи разыгрывания «национальной карты». Данная проблематика отчасти отразилась и на содержании вышедшей в 1994 г. фундаментальной монографии Ежи Скворнека об А. Чарторыйском¹⁵⁹. Значительное место в работе историк уделит эмиссарам «Отеля

¹⁵⁶ Дьяков В.А. Освободительная борьба польского народа против социального и национального гнета в 1794—1864 гг. // Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 123—140.

¹⁵⁷ Kuk L. Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej): geneza, uwarunkowania, podstawowe koncepcje. Toruń, 1996.

¹⁵⁸ Nowak A. Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733-1921). Warszawa, 1995.

¹⁵⁹ Skowronek J. Adam Jerzy Czartoryski 1770-1861. Warszawa, 1994.

Лямбер» на Балканах, пытавшихся отвратить местные народы от ориентации на Россию и склонить их к союзу с польским национальным движением (см. подробнее п. 3 гл. 2 нашей диссертации).

Упомянутый выше А. Новак, проанализировав сочинения эмиграционных деятелей вроде А. Чарторыйского, Г. Каменьского и З. Красинского, сформулировал, с его точки зрения, ключевой вопрос восточной политики Польши: существует ли «другая», «новая», недеспотическая Россия (т.е. альтернатива романовскому самодержавию)? Или же она всегда будет проводить свою «имперскую» миссию, независимо от того, «белая» (т.е. самодержавная) она или «красная» (т.е. Россия, в которой самодержавие свергли «прогрессивные» и «демократические» силы, необязательно даже большевики)¹⁶⁰. Очевидно, что подобная постановка вопроса в духе концепции Я. Кухажевского о равенстве «красного» и «белого» «царизмов» была бы невозможна во времена «польско-советской дружбы». В постсоциалистический период к проблеме представления польских эмигрантов о России как о враге обратился и упомянутый выше С. Калембка. Историк в статье 1997 г. из сборника его работ об истории польской политической мысли периода романтизма рассмотрел воззрения эмиграционных мыслителей о «московском деспотизме» и тому подобных сюжетах¹⁶¹. Таким образом, начиная с 1990-х гг. польская историография стала больше акцентировать внимание на том, что «Великая эмиграция» в каком-то смысле боролась не только с «царизмом», но и с Россией и русскими как таковыми.

Следует отметить, что «славянская» проблематика занимала важное место не только в геополитических проектах польской эмиграции, но вообще являлась одним из лейтмотивов общественно-политической мысли и пропаганды

¹⁶⁰ *Nowak A. Jak rozbić rosyjskie imperium? S. 7.* См. также другую крупную монографию историка, посвященную представлениям о России в эмиграционной мысли: *Nowak A. Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831-1849. Warszawa, 1994.*

¹⁶¹ *Kalembka S. Pojmowanie wroga w myśli politycznej Wielkiej Emigracji // O naszą i waszą wolność. Studia z dziejów polskiej myśli politycznej doby romantyzmu. Olsztyn, 1997. S. 114–129.*

европейских стран рассматриваемой эпохи. В современной российской историографии необходимо упомянуть недавнюю фундаментальную монографию историка-богемиста О.В. Павленко, в которой изучается роль славянского фактора во внутренней и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов в 1830–1860-х гг., а также прослеживается генезис и эволюция идеологии панславизма¹⁶². К сожалению, в работе специально не рассматривался польский взгляд на «славянскую» тему, проанализированный, в частности, в упомянутых выше трудах А. Новака и Л. Кука. В этой связи несомненно, что насущной задачей современных исследований по проблематике панславизма и «славянской солидарности» является интеграция наработок российской, польской и других историографических школ.

В рамках постсоветской историографии появились исследования, где уточнялись и корректировались традиционные представления о характере русско-польских революционных связей. Ярким примером такой работы стала монография «Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы» (2001 г.) Ю.А. Борисёнка. Автор реконструировал комплекс связей между знаменитым русским революционером и польскими деятелями накануне и в период европейских революций 1848–1849 гг., опираясь в том числе на агентурные донесения для описания эпизодов, для освещения которых не хватало источников из революционно-эмиграционных кругов¹⁶³. Исследователь, в частности, отметил, что в 1846–1847 гг. Бакунин «был достаточно осведомлен о намерениях и планах польской эмиграции, о чем косвенно свидетельствуют полицейские донесения»¹⁶⁴. Историк не согласился с мнением советского бакуниноведа В.П. Полонского о малой значимости архивных материалов III отделения для реконструкции биографии «великого бунтаря». По мнению Ю.А. Борисёнка, это утверждение

¹⁶² Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М.: 2023. См. также более раннюю статью автора по данной проблематике: *Она же*. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. М., 2016. №5. С. 3–15.

¹⁶³ Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001.

¹⁶⁴ Там же. С. 173.

опровергается обращением как к «делу об отставном прапорщике», так и «к значительному количеству других документов, заведенных в III Отделении на Бакунина и сотрудничавших с ним польских деятелей»¹⁶⁵.

Современная историография польской эмиграции и национального движения по количеству работ явно уступает предыдущим этапам, однако и в настоящее время появляются интересные труды, проливающие свет на малоизученные аспекты и расширяющие географию исследований. В 2008 г. вышла монография Кшиштофа Мархлевича о британском ответвлении польской эмиграции в 1831–1862 гг.¹⁶⁶. В исследовании особый акцент делается на популярных в мировой исторической науке сюжетах в духе микроистории и истории повседневности (здоровье, быт, преступность среди эмигрантов и т.п.), которые в историографию польской эмиграции стал внедрять еще упомянутый выше С. Калембка. Во второй главе, посвященной миграционной политике британского Home Office, автор затронул также вопрос о наблюдениях за польскими эмигрантами со стороны органов тайной полиции Пруссии, Австрии и России. Российскую сторону данного сюжета автор рассмотрел на основе вышеупомянутых работы Я. Кухажевского и публикации донесений Балашевича с предисловием Р. Гербера¹⁶⁷.

В 2012 г. вышел первый и пока единственный том большой биографической монографии современного историка Хенрика Глембоцкого об Адаме Гуровском, польском «красном графе» революционно-демократических взглядов, который отрекся от борьбы за восстановление польской государственности и к 1834 г. перешел на позиции пророссийского панславизма. В этой работе также содержится небольшой очерк о польском направлении деятельности III отделения, интересовавшегося в том числе деятельностью Гуровского¹⁶⁸. Автор не соглашается с гипотезами о том, что Гуровский мог работать на царскую разведку

¹⁶⁵ Там же. С. 43.

¹⁶⁶ *Marchlewicz K. Wielka Emigracja na Wyspach Brytyjskich (1831-1863)*. Poznań, 2008.

¹⁶⁷ *Ibid.* S. 78-79.

¹⁶⁸ *Głębocki H. „Diabeł Asmodeusz” i kraj przyszłości*. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012. S. 293–305.

и до своего официального разоблачения в 1834 г. Опираясь на архивные материалы III отделения и российского МИД, историк отмечает, что ни в переписке российских властей, ни в сохранившихся письмах самого эмигранта не содержится упоминаний того, чтобы он предлагал какие-либо услуги российской стороне или просил об амнистии¹⁶⁹. Х. Глембоцкий заключает, что отступничество Гуровского следует признать «подлинным духовным и идейным переломом»¹⁷⁰.

В своей последней монографии 2023 г. – сборнике очерков «Как не дать переварить себя империи? Польский политический реализм и идеализм в отношении России в 1815–1921 гг.» Х. Глембоцкий включил два параграфа о Гуровском во второй части, но сосредоточился на более широкой, как это следует из названия, проблематике – стратегии польского общества по взаимодействию с Россией. Уже названия некоторых разделов этой работы («Царь, империя и его жертвы. Эпоха Николая I в книгах профессора Виктории Сливовской», «Можно ли договориться с империей. В кругу политического реализма», «Можно ли разрушить Российскую империю?» и др.) четко очерчивают позицию автора. Согласно этой точке зрения, польский реализм в отношении России заключался в том, чтобы вести с ней непримиримую борьбу, как это делало польское национальное движение, в то время как любые попытки поляков достичь компромисса с самодержавием являлись фантастической утопией¹⁷¹.

В настоящее время бурная активность Ю. Балашевича-Потоцкого, выходящая далеко за рамки агентурной работы, привлекла внимание и специалистов по истории культуры. Свою статью 2015 г. польский исследователь Адриан Ульяш посвятил неизвестным запискам Балашевича о репертуаре варшавских театров начала 1860-х гг.¹⁷². Появление этой работы свидетельствует о

¹⁶⁹ Ibid. S. 315.

¹⁷⁰ Ibid. S. 316.

¹⁷¹ *Głębocki H.* Jak nie dać się „strawić” Imperium? Polski realizm i idealizm polityczny wobec Rosji 1815–1921. Warszawa, 2023.

¹⁷² *Uljasz A.* Notatki Juliana Aleksandra Bałaszewicza o repertuarze teatralnym w Warszawie w latach 1862–1864 jako źródło do badań nad dziejami teatru polskiego //

том, что источниковая база о деятельности этого агента-провокатора (в частности, материалы, хранящиеся в библиотеке Польской академии наук в Кракове) до сих пор не исчерпана.

В 2017 г. вышла монография С.М. Фалькович «Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века», в которой автор впервые в отечественной историографии составила полное описание политической истории польской эмиграции с 1831 по 1862 г. и фактически подытожила свои более чем полувековые изыскания по данной проблематике. Как и в вышеупомянутой работе 1967 г., историк привлекала материалы донесений заграничной агентуры для более полного раскрытия идейно-политических установок польской эмиграции, не рассматривая агентурной деятельности как таковой¹⁷³. Как и в советский период, С.М. Фалькович продолжила рассматривать тему польской эмиграции прежде всего с точки зрения российско-польского революционного сотрудничества. Годом ранее вышла ее глава – фактически краткая версия указанной выше монографии – о польской эмиграции в коллективном труде «Меж двух восстаний: Царство Польское и Российская империя в 1830–1850-е годы XIX в.»¹⁷⁴.

В рамках упомянутой выше коллективной монографии нельзя не упомянуть главу российского историка-полониста О.С. Каштановой о роли польского вопроса в международной политике 1830–1860-х гг. – по сути первой в историографии обобщающей работе по данной проблематике¹⁷⁵. Хотя автор специально не рассматривала агентурные донесения, собранные ею богатые материалы польских

Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. Rok LX. Kraków, 2015. S. 127–143.

¹⁷³ *Фалькович. С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.

¹⁷⁴ *Фалькович С.М.* Польская «Великая эмиграция» 1831-начала 1860-х гг. // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 461–603.

¹⁷⁵ *Каштанова О.С.* Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 383–461.

и отечественных исследований по истории польской эмиграции и национального движения позволяют существенно дополнить внешнеполитические аспекты деятельности политического сыска уже в рамках нашей диссертации.

Среди недавних крупных работ следует отметить монографию польского историка Радослава Журавского вель Граевского 2018 г. о политическом курсе консервативного лагеря польской эмиграции в отношении Краковской республики (Вольного города Кракова) в 1831–1845 гг.¹⁷⁶ Фактографический материал этой книги подкрепляет приведенные в нашем исследовании данные агентурных донесений полиции Царства Польского о связях Кракова с польской эмиграцией и национальным движением.

На современном этапе возрождается интерес польских историков к проблематике отношений между польской эмиграцией и I Интернационалом. Нынешняя эпоха позволяет выработать более сбалансированный подход к этой теме, лишенный тенденции историографии ПНР к преувеличению роли поляков в этой организации. Примером такой работы является статья на английском языке упомянутого выше К. Мархлевича, написанная в рамках международного коллективного труда о I Интернационале в глобальной перспективе¹⁷⁷.

Он же в статье 2020 г. рассмотрел шпионские скандалы 1838–1839 гг. в среде лондонской эмиграции, когда в качестве осведомителей российского посольства были разоблачены А. Дыдыньский, Т. Петрашевский и К. Кумпикевич. В ходе проведенного эмигрантами следствия информаторы признались, что в работу на Россию был замешан ряд авторитетных польских деятелей (С. Ворцель, П. Фалькенхаген-Залеский и др.). Обнародование этих сведений привело к потоку

¹⁷⁶ *Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w „dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź, 2018.*

¹⁷⁷ *Marchlewicz K. For Independent Poland and the Emancipation of the Working Class: The Poles in the IWMA, 1864–1876 // "Arise Ye Wretched of the Earth": The First International in a Global Perspective / Bensimon F., Deluermoz Q., & Moisand J. (Eds.). Leiden; Boston, 2018. P. 181–192.*

взаимных обвинений между различными группировками польской эмиграции¹⁷⁸. Автор выдвинул гипотезу, что эта афера могла быть «старательно спланированной российской провокацией», целью которой было «углубление старых и возбуждение новых раздоров в лоне Великой эмиграции»¹⁷⁹. Историк пришел к выводу, что для проверки истинности заключений польского следствия необходимо сопоставить их с материалами из российских архивов¹⁸⁰.

Однако на данный момент в польской историографии так и не был проведен полноценный анализ противостояния польской эмиграции и заграничной агентуры ни в эпоху Николая I, ни в царствование Александра II. Характерен пример недавней обобщающей статьи Д. Кипера об эволюции политических организаций польской эмиграции после Январского восстания 1863–1864 гг.¹⁸¹ Автор сослался на публикацию донесений агента Ю. Балашевича 1973 г. лишь один раз, указав, что тот, будучи под личиной графа А. Потоцкого, пообещал оказать материальную помощь лондонским эмигрантам после роспуска местной благотворительной комиссии в марте 1871 г.¹⁸² Таким образом, подобно временам ПНР, современные польские историки продолжают использовать отчеты Балашевича-Потоцкого в основном для уточнения отдельных фактов из жизни эмиграции, а не в целях изучения работы тайного сыска в ее среде.

В современной отечественной историографии особенно активно развиваются исследования о деятельности польской эмиграции и национального движения в различных регионах Российской империи, основанные на архивных документах местных органов власти. В этой связи необходимо упомянуть совместную статью исследовательницы из Омска С.А. Мулиной и польского исследователя В. Цабана о практике доноительства в среде сосланных в Сибирь участников Январского

¹⁷⁸ *Marchlewicz K.* Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r. // *Przegląd Historyczny*. 2020. T. CXI. Zesz. 2. S. 243–255.

¹⁷⁹ *Ibid.* S. 252.

¹⁸⁰ *Ibid.* S. 253.

¹⁸¹ *Kiper D.* Ewolucja roli polskich organizacji emigracyjnych po powstaniu styczniowym (do roku 1880) // *Studia polonijne*. Lublin, 2020. T. 41. S. 95–107.

¹⁸² *Ibid.* S. 104.

восстания 1863–1864 гг.¹⁸³, а также брошюру пятигорских историков Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна об активности эмигрантов «Отеля Лямбер» на Северном Кавказе в 1831–1864 гг.¹⁸⁴ Кроме того, следует отметить целый ряд трудов А.Р. Дюкова о польском революционере К. Калиновском, одном из предводителей восстания 1863–1864 гг. на территории северо-западных губерний Российской империи, а также о повстанческом терроре на этих землях в этот же период¹⁸⁵.

В настоящее время появляются и отдельные работы о связях польской эмиграции с другими национальными движениями Европы. Среди таких исследований можно выделить недавнюю статью российского историка-богемиста И.А. Ксенофонтова о контактах деятеля чешской Национальной партии Ф. Ригера с «Отелем Лямбер» и польскими политиками австрийской Галиции¹⁸⁶, а также

¹⁸³ Мулина С.А., Цабан В. Неудачные агенты: практика доноительства среди ссыльных участников Январского восстания // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 2. С. 31–38. См. также последнюю монографию В. Цабана об отношении вернувшихся из сибирской ссылки деятелей польского национального движения к участию в Январском восстании 1863–1864 гг.: *Caban W. Zesłańcy syberyjscy wobec powstania styczniowego. Sylwetki – poglądy – idee.* Warszawa, 2024.

¹⁸⁴ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019.

¹⁸⁵ Дюков А. Р. Бессилие Муравьева: «князья» Огинские и восстание 1863 года в Литве // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 85–95; *Он же.* К вопросу об идентичности Константина Калиновского: иконографические коды натального медальона и их интерпретация // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. № 1. С. 44–64; *Он же.* «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи // Белорусский исторический обзор. 2021. № 2. С. 19–44; *Он же.* «Который сегодня день?» Константин Калиновский и пароли виленского повстанческого подполья // Историческая экспертиза. 2023. № 2. С. 164–174; *Он же.* Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М., 2021.

¹⁸⁶ Ксенофонтов И.А. Польский фактор в деятельности Франтишека Ладислава Ригера (1849–1871 гг.) // Человеческий капитал. 2021. № 11. С. 21–32.

работу румынской исследовательницы Э. Косма о деятельности эмиссаров польской эмиграции в Дунайских княжествах в 1833–1849 гг.¹⁸⁷

Если в советской историографии российско-польские отношения изучались в основном с точки зрения зрения революционеров, то в современной исторической науке больше внимания стало уделяться позиции российской бюрократии и консервативных мыслителей по польскому вопросу. В этой связи нельзя не упомянуть труды Л.М. Аржаковой о Николае Ивановиче Павлицеве (1802–1879) – высокопоставленном чиновнике Царства Польского, журналисте и историке-полонисте, известном, прежде всего, литературоведам как муж Ольги Сергеевны, сестры А.С. Пушкина¹⁸⁸. Исследовательница рассмотрела, главным образом, его изыскания в области польской истории. Однако вплоть до настоящего времени так и не вышло работ, в которых бы комплексно анализировалась пропагандистская деятельность Павлицева против польской эмиграции на посту главного редактора газеты «Варшавский дневник», а также его роль как организатора заграничного сыска на польском направлении¹⁸⁹.

Как и в случае историографии российского заграничного сыска, в западной литературе так не сложилось полноценных школ по изучению «Великой

¹⁸⁷ *Cosma E.* Diplomatic and military agents of the Polish Emigration in the Romanian principalities (1833–1849) // *Istrazivanja. Journal of Historical Researches*. № 30. Novi Sad, 2019. P. 111–140.

¹⁸⁸ См., например: *Аржакова Л.М.* Русский патриот в Варшаве: об одной рукописи Николая Ивановича Павлицева // *Textus et studia*. Kraków, 2021. № 2 (26). S. 7–51. Библиографию о деятельности Н.И. Павлицева как историка-полониста см. там же. См. также др. недавние труды автора об исторической полонистике, славяноведении и истории Польши в XIX в.: *Она же.* Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // *Славянский альманах*. 2023. № 1–2. С. 369–388; *Она же.* Российская историческая полонистика XIX века как часть отечественной славистики // *Roczniki humanistyczne*. 2021. Т. LXIX. Zesz. 7. S. 21–33; *Она же.* Царство Польское или Привислинский край? Рецензия на книгу: Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с. // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 1. С. 241–273.

¹⁸⁹ Упомянутый выше Е. Борейша использовал донесения некоторых агентов Павлицева в среде польской эмиграции, но не исследовал его деятельность как таковую. См.: *Borejsza E.* Op. cit. S. 13.

эмиграции». Тем не менее, и среди западных исследований можно отметить некоторые фундаментальные работы. В 1978 г. вышла хорошо известная монография западногерманского историка Ханса Хённинга Хана¹⁹⁰, посвященная международным контактам консервативного лагеря польской эмиграции во главе с кн. А. Чарторыйским (в 1987 г. переведена на польский язык¹⁹¹). Попытки Чарторыйского отстаивать польские интересы на международной арене историк охарактеризовал термином «дипломатия в изгнании» (нем. *Die Exildiplomatie*), поскольку, с его точки зрения, деятельность подобного рода имела черты сходства с внешней политикой настоящих государств¹⁹². Упомянутый выше Е. Сковронек считал, что использование Х. Ханом термина «дипломатия» применительно к акциям «Отеля Лямбер» на международной арене несколько некорректно. Польский историк подчеркивал, что в своих «дипломатических» проектах А. Чарторыйский отталкивался от принципов политической идеологии, а не реального положения дел в международной политике той эпохи. Именно этот критерий, по мнению Е. Сковронка, и отличал акции небольшой эмигрантской группировки от полноценной внешней политики и дипломатии¹⁹³.

В 2013 г. была опубликована крупная франкоязычная монография бельгийско-фламандского историка Идесбальда Годдеериса о польской эмиграции в Бельгии 1830–1870-х гг.¹⁹⁴. Основной упор в работе сделан на скрупулезном

¹⁹⁰ *Hahn H.* Außenpolitik in der Emigration. Die Exildiplomatie Adam Jerzy Czartoryskis 1830–1840. München; Wien, 1978.

¹⁹¹ *Hahn H.* Dyplomacja bez listów uwierzytelniających: Polityka zagraniczna Adama Jerzego Czartoryskiego 1830–1840. Warszawa, 1987.

¹⁹² В сжатом виде концепция Х. Хана также представлена в его англоязычной статье 1992 г.: *Hahn H.* Possibilities and limitations of Foreign Policy, in exile: Adam Jerzy Czartoryski's Hotel Lambert in Western Europe, 1831–40 // *Eastern Europe and the West: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies* / Ed. by J. Morison. New York, 1992. P. 3–25.

¹⁹³ *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. S. 402. См. также рецензию Е. Сковронка на вышеупомянутую монографию Х. Хана: *Skowronek J.* "Aussenpolitik in der Emigration. Die Exildiplomatie Adam Jerzy Czartoryski 1830-1840", Hans Henning Hahn, München-Wien 1978 : [recenzja] // *Przegląd Historyczny*. 1981. № 1. S. 145–150.

¹⁹⁴ *Goddeeris I.* La Grande Emigration polonaise en Belgique (1831-1870). Elites en masses en exil à l'époque romantique. Frankfurt am Main, 2013. И. Годдеерис

демографическом анализе эмигрантской популяции и реконструкции коллективной биографии эмигрантов при помощи просопографического метода. Особый интерес представляет собой научная дискуссия вокруг этой монографии между ее автором и рецензентом, упомянутым выше польском историком Р. Журавским вель Граевским. Польский исследователь не согласился с мнением фламандского историка о том, что основным мотивом выбора поляками той или иной страны для эмиграции являлись материальные соображения. В качестве одного из контрпримеров Р. Журавский вель Граевский привел случаи сознательного вступления сторонников «Отеля Лямбер» в бельгийскую армию в 1839 г. с целью обострить бельгийско-нидерландский конфликт и спровоцировать общеевропейскую войну (и тем самым, с их точки зрения, создать благоприятные условия для возрождения польской государственности)¹⁹⁵.

В ответной статье на эту рецензию И. Годдеерис подчеркнул, что, несмотря на весомость контраргументов Р. Журавского вель Граевского, большинство эмигрантов составляли не героические патриоты, а обычные люди, которых заботило, прежде всего, обустройство быта, а не политика¹⁹⁶. Нельзя не согласиться с крайне важным выводом фламандского историка о том, что исследователям следует дистанцироваться от романтического образа «Великой эмиграции», созданного самими участниками событий, а затем закрепившегося в работах историков XX столетия¹⁹⁷.

специализируется не только на Польше, но и на истории миграций в целом, а также на истории британской Индии и бельгийских колоний в XIX–XX вв. Краткую библиографию его работ на нидерландском и польском языках см. также в приведенной ниже рецензии Р. Журавского вель Граевского.

¹⁹⁵ Ibid. S. 111.

¹⁹⁶ *Goddeeris I. Spór o emigrację polską w XIX w. – odpowiedź autora // Kwartalnik Historyczny. № 2. 2016. S. 324.*

¹⁹⁷ Ibid. S. 326. Р. Журавский вель Граевский в своем отклике на ответ И. Годдеериса на его рецензию согласился с заключением автора, призвав, однако, не впадать в другую крайность и не сводить «Великую эмиграцию» к обычной трудовой миграции: См.: *Żurawski vel Grajewski R. Jeszcze raz o Wielkiej Emigracji w Belgii – polemika na marginesie książki Idesbalda Goddeerisa // Kwartalnik Historyczny. 2016. № 3. S. 521.*

Подводя итог историографическому обзору, отметим, с одной стороны, что в литературе о российской тайной полиции уже более века неоднократно подчеркивалась важность фактора польской эмиграции в деятельности заграничной агентуры III отделения, однако систематических исследований этого вопроса в рамках данного направления так и не было проведено. С другой стороны, историография польской эмиграции и российского революционного движения уже давно и активно использует агентурные материалы в качестве источника, однако и в ней так и не появилось полномасштабного осмысления политики российского заграничного сыска на польском направлении в 1830–1870-х гг. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что с методологической точки зрения в литературе о тайной полиции 1830–1870-х гг. хорошо разработана в основном внутривнутриполитическая тематика, а в работах о польских радикалах и революционерах мало учитывалась позиция царского правительства и его агентов (или же она освещались в сугубо негативном ключе). Таким образом, в исторической науке назрела объективная необходимость объединить достижения указанных выше направлений историографии и изучить данную проблематику в транснациональном, имперском и антропологическом измерениях.

Обзор источников

Источниковая база нашей диссертации – опубликованные и неопубликованные материалы политического сыска об активности польской эмиграции. С точки зрения хронологического охвата наиболее полным из них являются **ежегодные обозрения III отделения 1827–1869 гг.**, вышедшие, как упоминалось выше, в 2006 г. Эти тексты представляют собой уникальный продукт документооборота эпохи Николая I. Отчеты о деятельности разных ведомств и министерств впервые появились еще в начале царствования Александра I (начиная с указа 1802 г.), однако в тот период эта практика не прижилась, и уже с 1813 г.

составление «всеподданнейших годовых отчетов» прекратилось. Пришедший к власти в 1825 г. Николай Павлович, в отличие от своего брата, считал особенно важным вникать во все подробности работы бюрократического аппарата¹⁹⁸. Из этих отчетов самодержец получал интересующие его сведения об управлении в центре и на местах (в том числе в Царстве Польском и других национальных окраинах), об общественном мнении и об угрозах государственной безопасности. «Всеподданнейшие отчеты» дошли до настоящего времени в целостности и сохранности и на текущий момент хранятся в ГА РФ (Ф. 109. Оп. 223. Д. 1–13). Обозрения 1827–1830 гг. впервые были введены в научный оборот еще в рамках публикаций журнала «Красный архив» (1929. № 6; 1930. № 1). 99% всех остальных отчетов были опубликованы с предисловием и научным комментарием Е.И. Щербаковой и М.В. Сидоровой сравнительно недавно – в 2006 г.¹⁹⁹. В этом и остальных разделах нашей работы цитируется именно эта публикация.

Отчеты составлялись небольшим коллективом чиновников III отделения²⁰⁰ под руководством главных начальников (они же по совместительству являлись шефами жандармов), первым из которых был А.Х. Бенкендорф. Повествование шло обычно в третьем лице, но в некоторых отчетах руководители делали ремарки от своего имени (например, в обозрении за 1863 г. В.А. Долгоруков итоговую часть начал словами «В заключение я считаю себя в обязанности повторить...»). Там же стоит его подпись – «Генерал-адъютант князь Долгоруков»²⁰¹.

В рамках рассматриваемого нами хронологического периода структура и внутреннее содержание отчетов эволюционировали в сторону усложнения и совершенствования. В 1827–1828 гг. это были франкоязычные литературно-публицистические очерки об общественном мнении в разных частях империи. С 1829 г. они стали касаться вопросов государственного управления (оценка

198 Щербакова Е.И., Сидорова М.В. Предисловие / Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869. Сб. документов. М., 2006. С. 9–10.

199 Там же. С. 15–16.

200 20 человек на момент создания III отделения. Подробнее см. п. 1 гл. 1 диссертации.

201 Россия под надзором. С. 595.

деятельности министерств и т.п.). С 1831 г. отчеты III отделения (как и различные министерства) перешли на русский язык и стали составляться по установленным нормам и правилам. Вся поступившая в поле зрения тайной полиции информация распределялась по двум рубрикам. В первую из них («Общее настроение умов») включались сведения об общественном мнении, о всевозможных происшествиях, о международной обстановке (в том числе и первые сведения о польской эмиграции). Во второй («Части государственного управления») приводилась характеристика различных ведомств.

С 1839 г., когда управляющим III отделения (т.е. заместителем главы ведомства) стал Л.В. Дубельт, число рубрик значительно увеличилось, стали появляться различные дополнительные параграфы. Отчеты в целом «выросли» в качественном и количественном отношении²⁰². Появились специальные разделы по польской проблематике, а именно: «о польских выходцах», где рассматривались действия эмиграции, во-вторых, об «эмиссарах», где перечислялись агенты эмиграции в польских землях, и, наконец, о «расположении умов» в Царстве Польском и Западных губерниях. Количество этих рубрик из года в года могло меняться, однако неизменным оставалось их четкое разделение на параграфы, с одной стороны – о бывших землях Речи Посполитой (в составе России, Австрии и Пруссии), и, с другой стороны – о польской эмиграции как таковой. Примечательно, что рубрики о других национальных окраинах Российской империи (Великом княжестве Финляндском и др.) появлялись в отчетах лишь sporadически. Особенно бросается в глаза, что специальные разделы о «русских изгнанниках» появились лишь в 1847 г.²⁰³ – явный признак того, что высшая полиция долгое время не воспринимала собственно русских (в этническом смысле) политических эмигрантов и революционеров как самостоятельную угрозу, полагая, что главная опасность исходила от польского национального движения.

²⁰² Щербакова Е.И., Сидорова М.В. Предисловие // Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869. С. 10–11.

²⁰³ Россия под надзором. С. 394–395.

После воцарения Александра II в 1856 г. рубрики ежегодных отчетов продолжали оставаться такими же разветвленными и насыщенными, как и в николаевское правление. Тем не менее, главный акцент обзоров сместился с надзора за управленческим аппаратом на вопросы государственной безопасности. В немалой степени этому способствовал подъем революционных и национальных движений в России и других европейских странах. С 1858 г. впервые появилась рубрика «О революционной пропаганде». Если в отчетах николаевского времени «революционисты» (калька с польск. *rewolucjoniści*) ассоциировались в основном с поляками, то при Александре II под эту категорию все чаще стали попадать собственно русские подданные (А.И. Герцен, М.А. Бакунин) и выходцы из других европейских государств, активно сотрудничавшие с радикальными течениями польской эмиграции. Характерно, что в отчете 1859 г. рубрика о революционном движении называлась «О заграничных возмутителях и происках польских выходцев».

В ежегодных обзорах есть и существенные лакуны. В отчетах 1831–1838 гг. наблюдения за польской эмиграцией представлены только беглыми, обобщающими замечаниями. В последние годы правления Николая I (1850–1855) отчеты представлены в сильно сокращенном виде, а обзор за 1851 г. и вовсе отсутствует. Составители публикации Е.И. Щербакова и М.В. Сидорова предположили следующее объяснение этих лагун: «Возможно, это было связано с тем, что в эпоху "мрачного семилетия" [периода 1848–1855 гг., когда консервативно-охранительный курс николаевского правления достиг своего апогея – *И. Б.*], последовавшего за европейскими революциями 1848–1849 годов, в России воцарились, как писали сами жандармы, "не только спокойствие, но даже некоторая вялость"»²⁰⁴.

За царствование Александра II отсутствуют обзоры за 1856 г., а также за 1864–1865 и 1867–1868 гг. После 1869 г. практика сочинения подобного рода документов и вовсе прекратилась. Лагуну за 1856 г. составители публикации

²⁰⁴ Щербакова Е.И., Сидорова М.В. Указ. соч. С. 14.

объясняют тем, что III отделение еще не знало, требуется ли новому императору такой формат отчетности. Случаи же пропусков второй половины 1860-х гг. и исчезновение самого жанра «всеподданнейших отчетов», с их точки зрения, может быть следствием того, что Александра II приводили в уныние нарастающие из года в год тревожные сведения о недовольстве населения и о появлении радикального крыла российского общественного движения²⁰⁵.

Помимо упомянутых выше источниковых лакун, еще одним недостатком ежегодных отчетов является невозможность проследить по ним развитие конкретных методов агентурной работы. В обзрениях оседало много фактической информации, но не показывалась непосредственная «кухня» деятельности тайного фронта.

Восполнить фактологические лакуны и недостаток сведений по конкретным агентурным операциям на польском направлении позволяют **неопубликованные документы из того же фонда 109 (так называемого «Секретного архива» III отделения) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)**. Для освещения деятельности заграничного сыска за польской эмиграцией в 1830-х гг. исключительной важностью обладают **донесения варшавских военных губернаторов в III отделение** от 30 октября (11 ноября) 1831 по 6 (18) марта 1839 г. (включая их заместителей и других подчиненных): И.О. Витта, Н.П. Панкратьева, Е.А. Головина, Ф.К. Нессельроде (начальника 3-го жандармского округа)²⁰⁶. Каждое такое донесение, равнявшееся одному архивному делу, выходило примерно раз в 2–3 месяца, а по объему в среднем составляло около 100 рукописных листов. «Донесения» в действительности представляли собой не

²⁰⁵ Там же. С. 15.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 165–195. В электронном каталоге ГА РФ авторство всех перечисленных донесений атрибутируется И.О. Витту, хотя в действительности он оставил пост военного губернатора уже в конце 1832 г. Отчет 8 (20 ноября) 1832 г. в отсутствие военного губернатора подготовил уже Ф.К. Нессельроде (см. Там же. Д. 172. Л. 1), а с 1833 г. в качестве их составителя указывался уже Н.П. Панкратьев (см. например, отчет 10/22 апреля 1833 г. Там же. Д. 174. Л. 91).

полноценные авторские тексты, а совокупности документов меньшего размера, проходящих под разными категориями.

Постоянными рубриками являлись составляемые всегда на русском языке еженедельные «Записки о происшествиях в городе Варшаве» (краткая криминальная сводка со статистикой различных преступлений, природных бедствий и т.п.) и именные списки приехавших в Варшаву и уехавших из нее из России и из-за границы.

Остальную часть донесений занимали агентурные донесения о настроениях населения Царства Польского (включая всевозможные слухи, реакции на те или иные события и т.п.), о деятельности польской эмиграции за границей и ее влиянии на жителей польских земель, а также выписки из перлюстрированной корреспонденции (обычно во французском переводе). Сведения из этой части не имели фиксированных рубрик и чаще всего сосредотачивались в документах под названиями типа «Записка о Варшаве», даже если речь шла не только о варшавском населении, но и об эмигрантах. В более редких случаях названия отчетов с подобными агентурными данными получали более конкретную географическую привязку (например, «Записка о Кракове»²⁰⁷) или же более точный содержательный атрибут («Записка о положении в зарубежных странах»²⁰⁸, «Записка о выезде в Россию эмиссаров заграничной пропаганды»²⁰⁹ и т.п.). В большинстве случаев имена заграничных агентов не раскрывались. Исключением стали донесения польских эмигрантов Антония Куберского под псевдонимом «Вернер» и Франтишека Наполеона Шостаковского, авторство которых либо указывалось напрямую в самом тексте (в случае Вернера), либо только подразумевалось (в случае Шостаковского).

«Донесения» варшавских военных губернаторов, а фактически комплекс более мелких агентурных рапортов, поступавших практически еженедельно, являются более содержательным источником, чем ежегодные отчеты III отделения

²⁰⁷ Там же. Д. 173. Л. 46.

²⁰⁸ Там же. Д. 169. Л. 77.

²⁰⁹ Там же. Д. 185. Л. 15.

в 1830-х гг. Их существование свидетельствует о том, что ведомство А.Х. Бенкендорфа не имело самостоятельной заграничной агентуры и в сфере наблюдений за польской эмиграцией вынуждено было во многом опираться на информацию варшавских полицейских органов. В то же время, варшавские донесения, в отличие от ежегодных отчетов III отделения, не содержали полноценного ретроспективного анализа накопленного материала, там нет рубрик, в которых бы подводились итоги разведывательной деятельности. В них зафиксировано положение дел в том виде, в котором оно представлялось агентам в определенный момент времени.

Уникальное значение имеют не рассмотренные ранее в историографии протоколы «Секретного комитета высшего политического надзора» за 1837–1839 гг.²¹⁰, представленные двумя архивными делами из разных описей Ф. 109 ГА РФ. Этот источник позволяет отчасти пролить свет на то, как высшие сановники Российской империи анализировали поступающие к ним агентурные сведения и как различные ведомства координировали деятельность по надзору за польской эмиграцией. Подробный обзор этих документов и работы данного комитета см. в п. 4. гл. 1 и в п. 2 гл. 2 диссертации.

Среди донесений отдельных агентов особенно следует выделить отчеты Якова Николаевича Толстого и Юлиана Балашевича. Эти источники позволяют, во-первых, дополнить и уточнить оценки об активности польской эмиграции, высказываемые на страницах ежегодных обзоров III отделения и других ведомственных отчетов, и, во-вторых, проследить, как эволюционировали конкретные методы агентурной работы на польском направлении.

Толстой и Балашевич были не простыми платными информаторами, а ценными для руководства кадрами, которые занимались своим делом в течение долгого промежутка времени, а также имели своих покровителей в III отделении и вообще в ближайшем кругу императоров. Их позиция, в частности, в вопросе польской эмиграции, не могла значительно отклоняться от позиции их начальства

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230.

– сомнительным в плане мировоззрения и лояльности сотрудникам не доверили бы ответственных поручений, предполагающих большие финансовые затраты и организацию собственной агентурной сети. В конце концов, даже если предположить, что они по большей части подстраивались под мнение начальства (что не является необычным), их донесения тем более помогают понять, как высшие чиновники из III отделения считали нужным вести заграничную работу, в том числе по борьбе с польской эмиграции.

Написанные по-французски донесения Якова Николаевича Толстого в III отделение, как и ежегодные отчеты, в настоящее время находятся в ГА РФ (Ф. 109. Оп. 4а). Некоторые отчеты Я.Н. Толстого, как упоминалось в историографическом обзоре, были введены в научный оборот и переведены на русский язык еще в 1920–1930-е гг. В 1926 г. вышла публикация донесений агента за 1848 г.²¹¹ (с предисловием и комментариями Г. Зайделя и С. Красного), а в 1937 г. появилась статья Е.В. Тарле, в которой были размещены большие выдержки из отчетов²¹². Наконец, в биографии Я.Н. Толстого П.П. Черкасова также приведены значительные фрагменты донесений²¹³. Тем не менее, большая часть этой огромной (около 2 тыс. рукописных листов²¹⁴) корреспонденции по-прежнему остается неопубликованной. В числе не напечатанных оказались и многие польские сюжеты деятельности Якова Николаевича, поскольку все вышеуказанные исследователи были франковедами (Тарле, Черкасов), интересующимися русско-французскими отношениями, или же историками рабочего движения (Зайдель, Красный), для которых Толстой был важен как наблюдательный очевидец революционных событий 1848 г. В данном исследовании, где это возможно, мы будем использовать уже опубликованные на русском языке отрывки, где этого сделать нельзя – оригинальные архивные материалы на французском.

²¹¹ Революция 1848 г. во Франции. *Донесения Якова Толстого*. Л., 1926.

²¹² Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение // Литературное наследство. Т. 31/32. М., 1937.

²¹³ Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791-1867 гг.). М., 2008.

²¹⁴ Там же. С. 9.

К сожалению, в архивных фондах III отделения полностью сохранились лишь донесения Толстого за 1838–1856 гг., последние 10 лет работы агента представлены там фрагментарно²¹⁵. Исключение составляет обнаруженная там же польским исследователем Р. Гербером часть переписки с начальством конца 1861 – начала 1862 г., в которой Толстой дает свою оценку агентурной работы Балашевича, незадолго до этого поступившему к нему в подчинение (см. п. 1 гл. 3 диссертации).

Донесения Я.Н. Толстого не имеют такой же формальной структуры, как ежегодные отчеты III отделения – в них нет ни рубрик, ни параграфов. Фактически это частные письма начальнику тайной полиции или же другим высокопоставленным сотрудникам. В этих письмах содержится подробная хроника политической жизни, прежде всего, Парижа и Франции, немного в меньшей степени – Великобритании и других западноевропейских стран (чаще всего это были парламентские дебаты, деятельность правительств, кадровые перестановки в высших эшелонах власти. Толстой постоянно освещал вопросы внешней политики (например, французское завоевание Алжира). Задачей Якова Николаевича, кроме того, являлся анализ реакции французской прессы на эти события. Ценность его донесениям придавало также знакомство со многими влиятельными политиками и деятелями культуры²¹⁶. Таким образом, специализация Толстого – это, прежде всего, журналистика, литература, общественно-политическая и салонная жизнь Франции и сопредельных государств. Особенность его специализации накладывала свой отпечаток и на освещение польских сюжетов в донесениях – основной целью агента было разоблачение пропольских публикаций в западноевропейских средствах массовой информации (подробнее об этой деятельности Толстого см. гл. 2 диссертации).

Хотя проблема эмиграции поднималась в донесениях регулярно, Толстой не излагал ее систематически. Все его комментарии по данной теме представляют

²¹⁵ Там же. С. 414.

²¹⁶ Некоторые из хороших знакомых Толстого соединяли в себе и популярного историка-литератора, и крупного государственного деятеля, как это было в случае с Адольфом Тьером.

собой россыпь отдельных сообщений, вплетенных в повествование о западноевропейской политической жизни. Например, в мартовском донесении 1838 г. Толстой в одном месте пишет о прениях в британском парламенте о запрете работоторговли, а в следующем абзаце высказывает свои соображения насчет того, что во французских газетах следовало бы поместить сообщение из российской «Северной пчелы» о том, что среди поляков антироссийскими смутьянами является лишь горстка эмигрантов, в то время как большинство жителей Царства Польского – добропорядочные граждане. Закончив свое изложение этого сюжета, он сразу же переходит к вопросу освещения Кавказской войны во французской прессе²¹⁷. Тем не менее, донесения Я.Н. Толстого – весьма репрезентативный источник для исследования рассматриваемой темы, поскольку позволяют рассмотреть точку зрения III отделения николаевского периода не только на саму польскую эмиграцию, но и на то, как следует бороться с ее влиянием в западноевропейских обществах.

Донесения агента польского происхождения Юлиана Балашевича («Альберта Потоцкого») – оказались сразу в двух архивах. Часть отчетов с 1861 г. до 27 июля 1862 г. и с 1865 по 1875 г. хранится в ГА РФ (Ф. 109), другая часть (с июля 1862 по конец 1863 г.) – в Библиотеке Польской академии наук (ПАН) в Кракове²¹⁸. Составлялись они на русском (при этом родной язык Балашевича – польский). Единственную в настоящий момент публикацию этих донесений осуществил польский архивист Рафал Гербер в 1973 г. в польском переводе, сделанном известным историком Викторией Сливовской²¹⁹. Данная двухтомная публикация снабжена обширным очерком о работе российских шпионов-провокаторов в среде польской эмиграции, фрагментами переписки Балашевича с польскими деятелями национально-освободительного движения (генералом Г. Дембиньским, А. Гиллером, одним из руководителей восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском и

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 4а. Д. 188. Л. 100-102.

²¹⁸ Gerber R. Komentarz // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 395.

²¹⁹ Potocki A. (Julian Aleksander Bałaszewicz). Raporty szpiega. T. 1-2 / Wybór, opracowanie i studium wstępny R. Gerber. Warszawa, 1973.

др.), а также с некоторыми их российскими союзниками (М.А. Бакуниным). В рамках нашей работы мы будем ссылаться в основном на польское издание этих документов. Исключение составляют, во-первых, важные материалы об отношениях Балашевича с вышестоящими сановниками III отделения, которые Р. Гербер не включил в данную публикацию. Они представлены в личном деле агента в Ф. 109 ГА РФ²²⁰. Во-вторых, его аналитическая записка в III отделение от 12 июля 1864 г. («Краткий очерк агитации в Польше с 1855 по 1862 г.»), которая позволяет уточнить его представления о национальной политике России в бывших землях Речи Посполитой²²¹.

Донесения родившегося в 1831 г. Балашевича во многом отличаются от отчетов Толстого – человека, состоявшегося в царствования Александра I и Николая I, и, таким образом, демонстрируют, как эволюционировали практики борьбы с польской эмиграцией в эпоху Александра II. С фактологической точки зрения донесения Балашевича особенно важны для освещения периода с 1865 г. по 1875 г., который практически отсутствует в ежегодных обзорах III отделения. Однако и в них есть фактографическая лакуна – отсутствуют донесения второй половины 1863–1864 гг. В 1863 г. шпион был случайно разоблачен, и возобновить агентурную деятельность ему удалось только к 1865 г., после перебазирования в Лондон.

В отличие от писем Толстого, сообщения Балашевича намного короче и практически полностью посвящены польской эмиграции. Поэтому информацию из его донесений в гораздо большей степени можно квалифицировать как полноценные разведданные. Тем не менее, это не формальные служебные записки – польский агент на службе III отделения довольно часто оставлял эмоциональные отклики о своих сородичах, рассуждал о своем видении польского вопроса и подробно описывал свои провокации против эмигрантов. Р. Гербер удачно суммировал достоинства и недостатки этого источника, отметив, что донесения

²²⁰ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 154.

²²¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 448.

Балашевича в определенной мере являются «энциклопедическим описанием политической жизни эмиграции третьей четверти XIX в.», в которых, однако, эмигранты представлены как бы в «кривом зеркале». Историк подчеркнул, что агент чрезмерно возвеличивал результаты собственной деятельности²²².

Для анализа идентичности и мировоззрения Балашевича важное значение имеют его сборник польских стихов 1859 г.²²³, а также его научно-популярная брошюра 1868 г. на французском языке «Познай самого себя. Этюды о природе», дошедшая до нашего времени в виде переиздания 1877 г. с добавлением посвящения вел. кн. Константину Николаевичу²²⁴. Эти произведения помогают раскрыть личность Балашевича, его отношение к польскому вопросу и отчасти понять мотивы его работы на российский политический сыск.

В архивных материалах III отделения встречаются также копии донесений российских дипломатов, оригиналы которых поступали в министерство иностранных дел. Среди таких источников в нашей диссертации используется секретная депеша русского посла во Франции Андрея Федоровича Будберга от 30 декабря 1863 г. (11 января 1864 г.)²²⁵.

Некоторые дела Ф. 109 ГА РФ посвящены конкретным представителям польской эмиграции. В качестве примера такого документа в нашей работе приведено дело графа Вацлава Яблоновского, перешедшего на пророссийские позиции²²⁶.

В последнюю крупную группу агентурных источников вошли **донесения иурихских и львовских корреспондентов Николая Ивановича Павлищева**²²⁷,

²²² Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 78.

²²³ Bałaszewicz J. Niezabudki z brzegów Newy. Moskwa, 1860.

²²⁴ Potocki A. Nosce te ipsum. Études d'après nature. Paris, 1877. 88 p.

²²⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 395.

²²⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 815.

²²⁷ Павлищев Николай Иванович (1802–1879) – российский историк-полонист, журналист, крупный чиновник в Царстве Польском (достиг чина тайного советника), автор учебных пособий по истории Польши. Литературоведам известен, прежде всего, как муж Ольги Сергеевны, сестры А.С. Пушкина. На

главного редактора и основателя «Варшавского дневника» (официальной газеты Царства Польского в 1864–1917 гг., выпускавшейся на польском и на русском языках) в 1864–1871 гг. Часть информации из переписки публиковалась в газете для дискредитации морального облика польской эмиграции в глазах российской и польской публики (например, факты привлечения некоторых выходцев к подделке российских банкнот за рубежом, различные ссоры, скандалы и прочие известия подобного типа)²²⁸.

Другие сведения, составлявшие предмет государственной безопасности, печати не подлежали и передавались Павлицевым напрямую в III отделение. Из агентов главного редактора «Варшавского дневника» наибольшую известность приобрел его цюрихский корреспондент, польский эмигрант и бывший участник Январского восстания Адольф Стемпковский²²⁹. На данный момент среди архивных документов III отделения нам удалось локализовать донесения из корреспонденции Н.И. Павлицева за 1866–1867 гг., 1868 и 1870 г.²³⁰ Известные в настоящее время сообщения А. Стемпковского и других корреспондентов Н.И. Павлицева по содержательности значительно уступают «энциклопедическим» донесениям Ю. Балашевича-Потоцкого, но в то же время они позволяют существенно дополнить картину событий (с точки зрения политического сыска) из

данный момент его государственная и разведывательная деятельность остаются малоизвестными. Современный историк Л.М. Аржакова посвятила ряд работ его творческому наследию как специалисту по польской истории. См. актуальную библиографию о Н.И. Павлицеве в ее недавней статье – *Аржакова Л.М. Русский патриот в Варшаве: об одной рукописи Николая Ивановича Павлицева // Textus et studia. Kraków, 2021. № 2 (26). S. 7–51.*

²²⁸ См., например, номер за 15 (27) марта 1867 г.: *Dziennik Warszawski*. 1867. № 69. S. 599.

²²⁹ Донесения А. Стемпковского известны многим исследователям польского и российского революционного движения (в результате его провокации швейцарские власти арестовали С.Г. Нечаева и выдали его России в 1872 г.), однако полноценное научное описание его послужного списка сделал пока только Р. Гербер в своем очерке об истории провокации в среде польской эмиграции, где основной акцент был сделан на Балашевиче (*Gerber R. Op. cit. S. 27–32*).

²³⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп.2а. Д. 499, 504, 519, 541.

лондонских отчетов самозванного графа за счет сведений об активности эмиграции в Швейцарии и Галиции.

Огромный массив эмигрантских личных документов, прессы, корреспонденции и других подобного рода текстов уже был подробно проанализирован в историографии польской эмиграции и российского революционного движения, поэтому не имеет смысла специально на них останавливаться. Исключение составляют отдельные источники, которые не затрагивались в соответствующей литературе и позволяют прояснить или дополнить те или иные аспекты агентурных донесений²³¹.

Некоторые дополнения об организации сыска на польском направлении позволяют сделать и личные источники высших сановников Российской империи. В диссертации использована осуществленная в 2019 г. под редакцией упомянутого выше С.В. Мироненко публикация дневника великого князя Константина Николаевича за 1858–1864 гг.²³², в 1862–1863 гг. занимавшего пост наместника Царства Польского и покровительствовавшего Ю. Балашевичу-Потоцкому. В самом дневнике нет данных о контактах Константина Николаевича с агентом, однако там присутствуют некоторые косвенные сведения, свидетельствующие о большом интересе наместника к вопросам полицейского сыска.

Подводя итог обзору, отметим, что источниковая база диссертации репрезентативна как для освещения позиции руководства политического сыска по поводу польского вопроса, так и для раскрытия механизмов агентурной работы в среде польской эмиграции. **Рассмотренные источники достоверны** в том смысле, что в них действительно отражены взгляды сотрудников тайной полиции на проблему польской эмиграции. С чисто фактологической точки зрения, конечно,

²³¹ Пример такого источника – публичное письмо польского генерала и эмигранта Мачея Рыбиньского в ноябре 1861 г., упомянутое в донесении Балашевича-Потоцкого и использованное им для организации политической провокации: *Rybiński M. List polityczny*. Londyn: Drukarnia Towarzystwa Demokratycznego Polskiego, 1861. Подробнее об этом сюжете см. п. 2 гл. 3 диссертации.

²³² Дневники Великого князя Константина Николаевича / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2019;

следует иметь в виду, что эти документы крайне пристрастны по отношению к деятелям польской эмиграции. Тем не менее, соединение данных этих документов с наработками весьма разветвленной историографии польского национального и революционного движения позволяет представить более-менее сбалансированную картину противостояния российского заграничного сыска и «польских выходцев».

Научная новизна диссертации

В работе впервые в отечественной и зарубежной историографии представлен комплексный анализ истории польской политической эмиграции 1830–1870-х гг. в контексте деятельности российского заграничного сыска и международных отношений той эпохи. В научный оборот введены некоторые неизвестные отечественным и зарубежным историкам агентурные материалы об активности польской эмиграции из фонда 109 Государственного архива Российской Федерации (Ф. 109 ГА РФ).

Теоретическая и практическая значимость исследования

Материалы диссертации могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории Польши, России и Европы в целом. Опыт противостояния российского политического сыска и польской политической эмиграции 1830–1870-х гг. представляет актуальность с точки зрения некоторых сфер государственной безопасности, например: борьбы с радикализмом и терроризмом, ведения политической пропаганды и контрпропаганды.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность выводов диссертационной работы обусловлена критическим анализом значительного количества опубликованных и неопубликованных источников о деятельности польской политической эмиграции в 1830–1870-х гг., а также привлечением широкого круга отечественной и иностранной научной

литературы по теме диссертации. Основные результаты диссертационного исследования изложены в пяти научных статьях²³³. Четыре из них вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова. Некоторые положения диссертации также были представлены на 11 научных конференциях, 10 докладов было опубликовано в форме тезисов²³⁴.

²³³ *Бабоша И.А.* Межведомственный надзор за польской эмиграцией в николаевскую эпоху (1837–1839) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 5–17; *Борисёнок Ю.А., Бабоша И.А.* Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемпковского (1867–1870 гг.). // *Вестник Московского Университета. Серия 8. История*. 2023. № 5. С. 35–48; *Бабоша И.А.* Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в III отделение) // *Славянский альманах*. 2023. № 3–4. С. 34–52; *Бабоша И.А.* Политика Франции и Великобритании в отношении польской эмиграции накануне и во время Крымской войны (по донесениям агента III отделения Я.Н. Толстого) // *Историки-слависты МГУ: Кн. 16: Полвека служения кафедре славян. К 80-летию профессора Г. Ф. Матвеева. Научный сборник / Отв. ред. Ю.А. Борисенок, З.С. Ненашева, А.Н. Литвинова*. М.: Издатель Степаненко, 2023. С. 88–98; *Бабоша И.А.* Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // *Родина*. 2022. № 10. С. 106–109.

²³⁴ *Babosha I.* Polityka Austrii i Prus wobec polskiej emigracji w latach 1830–1840-tych z perspektywy wywiadu rosyjskiego // *Славия: история, культура, язык*. Сб. материалов студенческой международной научно-практической конференции (14 мая 2024 г., Москва) / Науч. ред.: В.В. Белоусова, Н.Н. Запольская, Е.С. Узенева. Отв. ред. и сост.: О.А. Осипова. М., 2024. С. 4–6; *Бабоша И.А.* Пророссийские и «панславистские» настроения в польской эмиграции в начале 1840-х гг. (по донесениям заграничной агентуры III отделения) // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2024»*. М., 2024; *Бабоша И.А.* Мировоззренческие аспекты деятельности российского агента польского происхождения Юлиана Балашевича // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023»*. М., 2023; *Babosha I.* Tożsamość rosyjskiego agenta polskiego pochodzenia Juliana Bałaszewicza // *Славия: история, культура, язык*. Сб. материалов студенческой международной научно-практической конференции (16 мая 2023 г., Москва) / Отв. ред. Н.Н. Запольская. М., 2023. С. 7–10; *Бабоша И.А.* Виленский шляхтич Юлиан Балашевич на службе III Отделения: предатель польской нации или верный подданный Российской империи? // *Научная конференция «Выбор национальной идентичности в кризисных ситуациях» (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, 29 ноября 2022 г.) [устное выступление]*; *Бабоша И.А.* Отношение агентов Третьего

Глава 1. Польские земли и становление системы заграничного агентурного надзора за политическими эмигрантами и революционерами в конце 1820–1830-х гг.

1. Органы заграничного сыска польских земель накануне восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском

Николай I унаследовал весьма разветвленную, но децентрализованную и разобщенную сеть полицейских органов. С 1811 г. функционировало Министерство полиции (с 1819 г. – Особый отдел при Министерстве внутренних дел), созданное по образцу одноименного французского ведомства. С ним сосуществовали полицейские структуры военного губернатора Санкт-Петербурга М.А. Милорадовича и главного начальника Отдельного корпуса военных поселений графа А.А. Аракчеева, а также учрежденный в 1807 г. «Комитет охранения общей безопасности». Кроме того, своя тайная полиция была при

отделения Я.Н. Толстого и Ю. Балашевича-Потоцкого к работе с прессой польской эмиграции 1830–1870-х гг. // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022»*. М., 2022; *Babosha I. Kierunek panslawistyczny polskiej emigracji z lat 1830–1840-tych w orpcji Trzeciego Oddziału* // *Славия: история, культура, язык. Сб. материалов студенческой международной научно-практической конференции* (18 мая 2021 г., Москва) / Отв. ред. Н.Н. Запольская. М., 2021. С. 40–41; *Бабоша И.А. Польская эмиграция 1830-х – 1860-х гг. как фактор развития агентурной деятельности Третьего отделения* // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры*. 25–26 мая 2021 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 63–69; *Бабоша И.А. Юлиан Балашевич – польский агент на службе Третьего отделения* // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021»*. М., 2021; *Бабоша И.А. Польская эмиграция 1830-1860-х гг. в представлениях сотрудников Третьего отделения* // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020»*. М., 2020; *Babosha I. Polska Emigracja w latach 1856-1862 w ramach corocznych raportów Trzeciego Oddziału* // *Славия: история, культура, язык. Сб. материалов студенческой международной научно-практической конференции* (28 мая 2019 г., Москва) / Отв. ред. Н.Н. Запольская. М., 2019. С. 4–6.

штабах гвардейского корпуса и 2-й армии, а также у генерал-лейтенанта И.О. Витта, начальника южных военных поселений в 1820-х годах²³⁵.

В автономном Царстве Польском действовала собственная система политического сыска, также лишенная единого центра. В 1816 г. польский генерал от кавалерии Александр Рожнецкий организовал военную полицию, занимавшуюся как внутриармейскими делами, так и разведкой в польских землях Австрии и Пруссии. В том же году он сформировал корпус жандармерии, главной обязанностью которого было уведомление властей о злоупотреблениях чиновников и политических преступлениях. Своя тайная полиция была у вице-президента Варшавы Матеуша Любовидзкого. Для координации деятельности вышеупомянутых учреждений комиссар при Государственном совете Царства Польского Н.Н. Новосильцев в 1821 г. создал коллегиальный орган – Центральное бюро полиции Варшавы и Царства Польского, наибольшее влияние в котором имели Рожнецкий и Любовидзкий²³⁶.

В канцелярии главнокомандующего армией Царства Польского великого князя Константина Павловича существовало отдельное учреждение политического сыска – Высшая тайная полиция во главе с его близким соратником генералом Д.Д. Курутой. В этом органе было три отделения. Первое отделение, в 1823–1831 гг. возглавляемое Матеушем Шлеем, следило за высшими слоями общества и обстановкой в Галиции, а также выполняло функции контрразведки, ведя наблюдения за вышеупомянутыми Н.Н. Новосильцевым и А. Рожнецким. Второе отделение под руководством Генрика Макротта (с 1821 г.) занималось слежкой за низшими слоями общества и запрещенным в 1820 г. масонством, докладывало о происшествиях в Варшаве и случаях нарушения воинской субординации²³⁷. Наконец, третье отделение Высшей тайной полиции во главе с полковником, а

²³⁵ Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 108.

²³⁶ Karpińska M. Policje tajne w Królestwie Kongresowym // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1985. Т. 76. № 4. S. 682–684.

²³⁷ Ibid. S. 680–681.

впоследствии генерал-майором бароном Петром Андреевичем Зассом (1781–1830), погибшим во время Ноябрьского восстания, осуществляло дипломатический шпионаж в Саксонии, южной Германии, Швейцарии, Италии, Франции и Англии. Барон Засс, среди прочего, должен был наблюдать и за самим Константином Павловичем, пересылая полученную информацию непосредственно Николаю I²³⁸. Похожие функции выполняла также дипломатическая канцелярия Константина Павловича во главе с П.О. Маренгеймом, которая занималась налаживанием контактов с иностранными полицейскими ведомствами и перлюстрацией корреспонденции²³⁹.

Таким образом, сыскные учреждения на подвластных российской монархии территориях действовали независимо друг от друга и почти не координировали свои усилия в борьбе против угроз государственной безопасности²⁴⁰. Кроме того, ни одно из них не имело специальных органов на местах, поэтому политический сыск опирался преимущественно на местную власть во главе с губернаторами²⁴¹. Не удивительно, что тайная полиция не смогла предотвратить ни политический кризис 1825 г., связанный с деятельностью декабристских обществ, ни организацию восстания 29 ноября 1830 г. в Царстве Польском.

После декабристского восстания 1825 г. власти Российской империи пришли к выводу о необходимости реформирования системы полицейского сыска. Возглавить преобразования предстояло генералу-адъютанту графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу (1782–1844), ставшему близким соратником нового императора Николая Павловича. В своей «Записке о высшей полиции» (январь 1826 г.) он подчеркнул, что события 14 декабря 1825 г. «продемонстрировали

²³⁸ *Wincenciuk P.* Policje tajne w Królestwie Polskim (1815-1830) i dzieje ich spuścizny aktowej // *Miscellanea Historico–Archivistica*. Warszawa, 2012. Т. 19. S. 206.

²³⁹ *Ibid.* S. 207.

²⁴⁰ *Деревнина Т.Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. Дис. ... к.и.н. М., 1973. С. 44.

²⁴¹ *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826 – 1880 гг.). М., 1982. С. 15–16.

ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно скорее в исполнение»²⁴².

В основу работы нового органа тайной полиции Бенкендорф предложил положить три принципа. Во-первых, подчинение полиции строгой централизации. Во-вторых, чтобы она «обнимала все пункты империи». И, наконец, чтобы эта полиция обладала высоким нравственным авторитетом²⁴³. Современный российский исследователь Г.Н. Бибииков, комментируя последний из выдвинутых Бенкендорфом принципов, привел весьма меткое замечание известного советского историка Н.Я. Эйдельмана: «...нужно не тайное, всеми презираемое сообщество шпионов, а официально провозглашенное, «всеми уважаемое», но при этом, разумеется, достаточно мощное и централизованное»²⁴⁴.

Поскольку Николай I стремился поставить бюрократический аппарат империи под личный контроль, новый орган тайной полиции был оформлен в качестве одного из отделений императорской канцелярии (указом от 3 июля 1826 г.), а не министерства, как это было при Александре I. Предполагалось, что это находившееся вне министерской системы учреждение позволит навести в стране порядок и разрушить «чиновничье средостение» между верховной властью и населением²⁴⁵.

III отделение представляло собой небольшой «аналитический штаб» политической полиции – первоначально там служило всего лишь 16 чиновников. При этом 15 из них перешли из упраздненной Особой канцелярии Министерства внутренних дел. Опыт работы этих сотрудников в тайном ведомстве в среднем составлял 10 лет. Получив определенную должность в III отделении, они обычно занимали ее вплоть до конца жизни – текучка кадров в этом ведомстве была крайне низкой. Численность сотрудников на всем протяжении существования III отделения продолжала оставаться незначительной. В 1841 г. штат возрос до 30

²⁴² Цит. по: Бибииков Г.Н. Указ. соч. С. 123.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М., 2005. С. 10.

человек²⁴⁶, на момент упразднения этого учреждения кадровый состав насчитывал всего лишь 55 чиновников²⁴⁷.

III отделение было многопрофильным органом, а функции зарубежного полицейского сыска для него изначально не были приоритетными. Среди экспедиций, на которые делилось данное ведомство, за время его существования так и не появится специального, «заграничного» отдела. Разведкой и сыском занималась, например, первая экспедиция, компетенции которой охватывали весьма широкий круг вопросов государственной безопасности. В записке А.Х. Бенкендорфа «О делении на 4 экспедиции» от 14 июля 1826 г. среди полномочий данного подразделения указаны, например, «наблюдения за общим мнением и народным духом», а также обнаружение тайных обществ, заговоров и злоупотреблений в правительственных учреждениях. Единственной функцией первой экспедиции, касавшейся зарубежного направления, был «сбор информации о положении в России и мире»²⁴⁸.

Во главе III отделения стоял главный начальник. Бенкендорф пребывал на этом посту с 1826 г. вплоть до своей смерти в 1844 году. Он занимался вопросами общего руководства, кадровой политикой, а также отчитывался о работе ведомства лично перед императором²⁴⁹. Более специализированные функции, связанные непосредственно с организацией агентурной работы и полицейского надзора, выполнял управляющий канцелярией III отделения – заместитель главного начальника. Помощниками управляющего были «чиновники по особым поручениям», которые заведовали конкретной сферой сыскной деятельности, например, заграничной агентурой²⁵⁰.

Вторым столпом (после III отделения) системы полицейского сыска Бенкендорфа стал Корпус жандармов – воинское подразделение, которое в

²⁴⁶ Бибииков Г.Н. Указ. соч. С. 131–132.

²⁴⁷ Щербакова Е.И., Сидорова М.В. Предисловие // Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869. Сборник документов. М., 2006. С. 6.

²⁴⁸ Цит. по: Бибииков Г.Н. Указ. соч. С. 130.

²⁴⁹ Бибииков Г.Н. Указ. соч. С. 302.

²⁵⁰ Там же. С. 135.

литературе обычно называют «явным», исполнительным органом III отделения²⁵¹. Стоит подчеркнуть, что формально взаимодействие этих двух подразделений обеспечивалось только через фигуру главного начальника III отделения, который по совместительству являлся и шефом жандармов²⁵².

Первые жандармские подразделения были организованы еще в 1810-х гг. при Александре I по французскому образцу. Однако в то время, как в России, так и в других европейских странах, жандармы представляли собой полицию с военным статусом в подчинении военного министерства. Жандармерия в мирное время дополняла гражданскую полицию. Она охраняла важные государственные объекты, вела розыск дезертиров, подавляла крестьянские выступления и т.п. Во время войны ее можно было использовать в качестве военной полиции или же напрямую задействовать в боевых действиях. Новизна реформы Бенкендорфа заключалась в том, что российские жандармские штаб-офицеры, направляемые в каждую губернию, обладали более широким кругом полномочий, чем их западноевропейские коллеги, и теперь составляли часть политической полиции²⁵³.

Новые жандармы отличались как от шпионов-осведомителей, так и от обычных полицейских (последними заведовало министерство внутренних дел). Будучи независимыми от губернской администрации, они, в то же время, не имели исполнительных полномочий и не могли отдавать приказы местным властям. Жандармы должны были действовать открыто, завоевывая доверие и уважение губернского общества. Их основная обязанность состояла в информировании вышестоящего начальства обо всех заслуживающих внимания происшествиях, преступлениях, обнаруженных случаях злоупотребления служебным положением, судебного произвола, жестокого обращения помещиков с крестьянами. Авторитет жандармских штаб-офицеров опирался на возможности прямой связи с шефом жандармов в Петербурге, который был ближайшим доверенным лицом императора. По выражению Бенкендорфа, они должны были быть «...как

²⁵¹ Щербакова Е.И., Сидорова М.В. Указ. соч. С. 7.

²⁵² Бибиков Г.Н. Указ. соч. С. 209.

²⁵³ Там же. С. 189.

посланники в иноземных державах: по возможности все видеть, все знать и ни во что не вмешиваться...»²⁵⁴.

Внутри коренных российских губерний жандармерия действительно выполняла функции «исполнительного» органа III отделения. Однако в бывших польских землях под владычеством Российской империи ситуация была сложнее. В губерниях Западного края жандармский округ удалось создать уже в 1827 году. В то же время, в автономном Царстве Польском с 1816 г., как отмечалось ранее, существовала собственная жандармерия, подчиняющаяся местным властям, а не Петербургу²⁵⁵. Бенкендорфа явно раздражало, что III отделение и Корпус жандармов не имели власти в этом регионе. В ежегодном отчете III отделения за 1827 г. он сетовал на то, что в Царстве Польском «до сих пор не имеется никаких органов высшего надзора»²⁵⁶. Кроме того, в том же документе он подверг острой критике российскую администрацию Царства Польского: «Власть там продолжает оставаться в руках презренных субъектов, возвысившихся путем лихоимства и ценою несчастья населения». Бенкендорф обратил внимание, что жители края были недовольны стилем управления местных властей: «Вот рассуждения и речи, которыми обмениваются между собой поляки относительно положения этих провинций. Никакого правосудия. Бесконечные преследования польского национализма, который окрашивают в самые отвратительные цвета карбонаризма»²⁵⁷.

Однако замечания шефа жандармов в адрес польской администрации под началом вел. кн. Константина Павловича так и не были учтены в период до Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском. В своих записках, составленных уже после подавления восстания, Бенкендорф подчеркнул, что Николай I был поставлен перед трудным выбором: «Надо было либо ссориться с

²⁵⁴ Там же. С. 160–162.

²⁵⁵ Там же. С. 202.

²⁵⁶ Россия под надзором. С. 26.

²⁵⁷ Там же.

братом [вел. кн. Константином Павловичем], либо навсегда упасть во мнении своих польских подданных»²⁵⁸.

Впрочем, трудно сказать, смог ли бы Бенкендорф тогда эффективно реформировать политический сыск Царства Польского, чтобы погасить недовольство польского общества и предотвратить Ноябрьское восстание 1830–1831 годов. На тот момент Александр Христофорович еще был мало знаком с обстановкой в Царстве Польском и Западном крае. Известна его помета 1828 г. на записке о состоянии бывших польских губерний за авторством заключенного в Петропавловскую крепость декабриста А.О. Корниловича: «Там есть очень хорошие идеи, но я недостаточно знаком с польскими делами, чтобы судить о том, что можно сделать»²⁵⁹.

Таким образом, к началу Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. задуманная Бенкендорфом реформа не была реализована в полной мере. Политическим сыском на бывших территориях Речи Посполитой заведовали два независимых друг от друга актора – тайная полиция Царства Польского под руководством вел. кн. Константина Павловича и III отделение во главе с А.Х. Бенкендорфом. Взаимодействие между этими структурами было минимальным. Накануне восстания так и не был создан центральный «штаб» полиции, который бы координировал надзор за революционными заговорами в польских землях.

2. Эволюция органов заграничного сыска польских земель после подавления восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском

В октябре 1831 г., уже после смерти вел. кн. Константина Павловича в июне этого года и подавления польского восстания, Николай I принял решение о проведении реформы полицейского управления в Царстве Польском. Проекты реформы подготовили Бенкендорф и генерал-фельдмаршал светлейший князь

²⁵⁸ Цит. по Бибииков Г.Н. Указ. соч. С. 307.

²⁵⁹ Цит. по: Там же. С. 306.

Варшавский Иван Федорович Паскевич (1782–1856), другой близкий соратник императора, который в 1832 г. был назначен наместником Царства Польского²⁶⁰.

План Бенкендорфа предусматривал распространение общероссийской системы жандармерии на Царство Польское. Согласно этому плану, на его территории создавался третий округ Корпуса жандармов по образцу внутренних российских губерний. В каждое воеводство Царства Польского определялся жандармский штаб-офицер со своей командой. Генерал во главе местного округа Корпуса жандармов должен был собирать сведения о положении в Царстве Польском от жандармских штаб-офицеров и передавать их в III отделение. Бенкендорф полагал, что такой механизм позволит получать оперативную секретную информацию из этого региона, не прибегая к услугам агентурной сети²⁶¹.

Паскевич в отличие от Бенкендорфа считал, что организация местной полицейской и жандармской системы должна быть отличной от общеимперской и подчиняться лично наместнику. В его проекте главный упор был сделан на организацию тайной агентурной сети. Паскевич выразил сомнение в эффективности использования жандармов для нужд тайной полиции и вместо этого предложил составить из них полицию исполнительную²⁶². Г.Н. Бибиков полагает, что мнение Паскевича было основано на том, что Польша, «в которой силой оружия было подавлено восстание, требовала более жесткого и изощренного контроля со стороны правительства»²⁶³.

В феврале 1832 г. Николай I принял компромиссный вариант реформы, учитывавший пожелания обоих сановников. Полиция Царства Польского должна была подчиняться наместнику Паскевичу. При этом в регионе одновременно организовывался третий жандармский округ, начальник которого отчитывался не

²⁶⁰ Там же. С. 201.

²⁶¹ Там же. С. 202–204.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же. С. 205.

только перед наместником, но и перед главным начальником III отделения²⁶⁴. Окончательно полномочия между ведомствами Паскевича и Бенкендорфа были разграничены в июле 1843 г., когда император официально утвердил положение о третьем округе жандармов. Начальник третьего округа был обязан испрашивать мнения шефа жандармов о кадровых назначениях в Царстве Польском и докладывать ему обо всех секретных известиях²⁶⁵.

Таким образом, организация тайной полиции в Царстве Польском при Паскевиче не была полностью подведена под общеимперский стандарт. В определенном смысле она напоминала усеченную версию системы политического сыска при вел. кн. Константине Павловиче с характерным для нее многообразием различных военно-полицейских подразделений. Центральное положение занимали фигура наместника с его канцелярией. В эту систему также входили полицейские органы 1-й действующей армии во главе с военным губернатором Варшавы (в 1831–1832 гг. этот пост занимал И.О. Витт, бывший начальник южных военных поселений), полицейские органы Комиссии внутренних дел Административного совета под началом польского генерала Юзефа Раутенштрауха, а также жандармерия упомянутого выше третьего жандармского округа²⁶⁶.

Достижение определенного *modus vivendi* между руководством Царства Польского и III отделением не исключало межведомственных противоречий. В ежегодных отчетах III отделения Бенкендорф иногда критиковал политику Паскевича (как он это делал ранее в отношении администрации вел. кн. Константина Павловича в 1820-х гг.), возводя главную ответственность за просчеты на окружение князя Варшавского, а не на него самого. В отчете за 1836 г. шеф жандармов отметил следующее: «О наместнике Царства отзываются с похвалою; говорят, что его справедливость, беспристрастие и добрые намерения не

²⁶⁴ Там же. С. 205–206.

²⁶⁵ Там же. С. 207–209.

²⁶⁶ *Носов Б.В.* Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 134.

подлежат никакому сомнению, но что по слабости своего характера и по неведению его гражданского управления, он совершенно вверил себя людям, которые беспрерывно его доверенность употребляют во зло»²⁶⁷. В отличие от рассмотренных выше отчетов конца 1820-х гг., в которых начальник III отделения жаловался на неких абстрактных «презренных субъектов» в администрации Константина Павловича, в отчете 1836 г. были указаны конкретные «лихоимцы». В их число вошли управляющий канцелярией фельдмаршала Бруевич, начальник квартирной комиссии полковник Игнатъев, капитан Массон и «некто Козачковский, употребляемые по части секретной полиции», генерал Феньш, взявший на откуп «все кабаки Варшавы», а также обер-полицмейстер Варшавы А.Я. Стороженко («...этот человек есть один из главных лихоимцев, и следствия, им производимые, только лишь служат к увеличению зла») ²⁶⁸. Любопытно, что в отчете также приводились сомнения в политической благонадежности чиновников из окружения И.Ф. Паскевича на основании того факта, что многие из них являлись уроженцами литовско-белорусских губерний Западного края: «Большая часть чиновников, окружающих фельдмаршала, суть уроженцы Белоруссии или Литвы, и потому чиновники сии и по политическим их понятиям весьма неблагонадежны»²⁶⁹.

Однако стоит отметить, что среди этих критических замечаний в адрес политики Паскевича больше нет жалоб на отсутствие «органов высшего надзора» в Царстве Польском, которые были в отчетах Бенкендорфа 1820-х гг. во времена администрации Константина Павловича. Шеф жандармов был явно удовлетворен тем, что начальник третьего округа жандармов делился с ним секретными сведениями тайной полиции Царства Польского.

Следует подчеркнуть, что канал передачи секретной информации между III отделением и Царством Польском теперь осуществлялся не только через посредничество третьего жандармского округа. Согласно найденным нами в фонде

²⁶⁷ Россия под надзором. С. 147.

²⁶⁸ Там же. С. 147–148.

²⁶⁹ Там же.

109 ГА РФ ранее не упоминавшимся в историографии документам, после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. военные губернаторы Варшавы также пересылали агентурные донесения главному начальнику III отделения²⁷⁰. Важность этого сотрудничества демонстрирует тот момент, что военный губернатор Варшавы являлся по сути первым заместителем наместника. Он руководил военной администрацией, следственными комиссиями, тайной полицией. У него были свои канцелярия и штаб²⁷¹.

В свете упомянутых выше фактов крайне примечательно, что в ежегодных отчетах III отделения среди критикуемых чиновников из администрации Паскевича ни разу не упоминались ни начальники третьего жандармского округа, ни варшавские военные губернаторы. По всей видимости, Бенкендорф высоко ценил сотрудничество с данными деятелями.

Таким образом, новая система политического сыска в Царстве Польском под руководством Паскевича после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. сохранила независимость от III отделения. В то же время, ведомство Бенкендорфа приобрело формальные и неформальные каналы обмена агентурными сведениями с частью руководства местной тайной полицией.

²⁷⁰ Отчеты с 30 октября (11 ноября) 1831 по 6 (18) марта 1839 г. ГА РФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 2а. Д. 165–195. О том, что Бенкендорфу удалось наладить сотрудничество с военными губернаторами Варшавы, недвусмысленно свидетельствует формулировка обращения в начале этих донесений: *«Военный Губернатор г. Варшавы, Генерал от кавалерии граф Витт, свидетельствуя совершенное свое почтение Его высокопревосходительству Александру Христофоровичу Бенкендорфу, имеет честь при сем препроводить сведения...»* [курсив мой – И.Б.]. См., например, самый первый отчет от 30 октября (11 ноября) 1831 г.: ГА РФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 2а. Д. 167. Л. 1.

²⁷¹ *Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa, 2019. S. 184–185.*

3. Попытки создания системы транснационального агентурного наблюдения за польской эмиграцией в 1830-х годах. Международная деятельность Секретного комитета высшего политического надзора 1837–1839 годов

Заграничная агентура III отделения, согласно устоявшейся в историографии точке зрения, была создана для надзора за польской эмиграцией, образовавшейся после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском²⁷². Кроме того, в работах И.М. Троцкого, И.В. Оржиховского, П.П. Черкасова и О.В. Заиченко, разделявших эту точку зрения, также высказывалось мнение, что после восстания в этом ведомстве сосредоточилось все руководство российской агентурной сетью за рубежом²⁷³. В начале 1830-х гг. для наблюдения за «польскими выходцами» к штату III отделения присоединились некоторые бывшие сотрудники политического сыска Царства Польского при вел. кн. Константине Павловиче (чиновники по особым поручениям А.А. Сагтынский, К.Ф. Швейцер и др.). Они специализировались на польских делах и организации зарубежной агентуры. И.В. Оржиховский и П.П. Черкасов в тех же работах обратили внимание на этот транзит кадров, говорящий о возросшем значении III отделения как органа внешней разведки после событий 1830–1831 годов.

²⁷² См., например: *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018. С. 103–138 (польский оригинал вышел в 1928 г.); *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 8–9; *Бибииков Г.Н.* Указ. соч. С. 282–287.

²⁷³ *Троцкий И.М.* III отделение при Николае I. М., 1930. С. 59; *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 69; *Черкасов П.П.* Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // *Родина.* 2007. № 9. С. 56–62; *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008. С. 173–175; *Заиченко О.В.* «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // *Новая и новейшая история.* 2023. № 1. С. 33–45.

Тем не менее, эта реформа не означала, что заграничный сыск стал исключительной прерогативой III отделения. Указанной сферой занимались разные ведомства. В частности, информацию о польской эмиграции Николай I мог получать непосредственно из личной переписки с И.Ф. Паскевичем. Князь Варшавский опирался на данные собственной тайной полиции²⁷⁴, которая, как подчеркивалось выше, сохранила независимость от ведомства Бенкендорфа.

Создание механизма обмена агентурными сведениями между тайной полицией Царства Польского и III отделением являлось важным прецедентом межведомственного сотрудничества органов политического сыска на польском направлении. Ко второй половине 1830-х гг. российские сановники стали задумываться об организации единого центра по надзору за польской эмиграцией, при помощи которого можно было бы систематизировать разрозненные агентурные данные разных ведомств.

О попытках учреждения подобного центра наблюдений за «польскими выходцами» свидетельствует обнаруженный нами в ГА РФ источник – протоколы заседаний «Секретного комитета высшего политического надзора» (фр. un Comité secret de haute surveillance politique)²⁷⁵. Эти протоколы велись преимущественно на французском языке, широко используемом в российском делопроизводстве того времени. Источник представлен двумя архивными делами из Ф. 109 ГА РФ, которые при этом хранятся в разных описях (опись 1-ой экспедиции за 1837 г. и опись 2а). Первое дело содержит записи с 21 декабря 1837 г. по февраль-март 1838 г.²⁷⁶, а второе – с февраля-марта 1838 г. по 2 января 1839 года²⁷⁷.

²⁷⁴ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 201.

²⁷⁵ В полной форме это название впервые появляется в письме Бенкендорфа Паскевичу от 16 февраля 1838 г. ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 16. О деятельности этого комитета см. также нашу статью 2024 г.: *Бабоша И.А.* Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 5–17.

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7.

²⁷⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230.

Председателем этого органа был главный начальник III отделения А.Х. Бенкендорф, непосредственное участие в его работе принимали сановники из российского МИД и военного министерства. Комитет поддерживал контакты с наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем, с некоторыми российскими губернаторами и руководителями зарубежных дипмиссий, а также с австрийским канцлером К. Меттернихом. Заседания проходили раз в неделю, в семь часов вечера на квартире у Бенкендорфа²⁷⁸. Помимо журналов заседаний в данных архивных делах представлены справочные записки и фрагменты межведомственной корреспонденции. Документы первых двух типов составлялись только по-французски. Чиновничья переписка представлена как русскоязычными, так и франкоязычными сообщениями. Полноценная стенограмма собраний не велась. В протоколах заседаний перечислялись донесения членов комитета, а в самом конце указывались принятые резолюции. Некоторые из этих докладов приводились в кратком пересказе, в других случаях указывалась только тема сообщения.

Идею создания этого органа выдвинул министр иностранных дел и вице-канцлер Российской империи К.В. Нессельроде. В письме к А.Х. Бенкендорфу от 21 декабря 1837 г. глава внешнеполитического ведомства вкратце изложил основные положения этого проекта. К письму была приложена записка Николаю I с более подробным описанием функций комитета, которая, со слов Нессельроде, была удостоена «Высочайшего утверждения» государя. Император, таким образом, одобрил предложение своего министра. Бенкендорфу, судя по посланию вице-канцлера, оставалось только реализовать этот проект на практике: «Во исполнение Монаршей воли, я спешу сообщить при сем упоминаемую записку Вашему Сиятельству, для зависящего от Вас, Милостивый Государь, в сообразность с оною распоряжения»²⁷⁹.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 15. Письмо А.Х. Бенкендорфа А.А. Фонтону от 11 февраля 1838 г.

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 2. Послание Нессельроде было написано по-русски, а сопроводительная записка к нему – по-французски.

Записка вице-канцлера называлась «О необходимости упорядочить и усилить нашу систему надзора в связи с происками польской эмиграции». Мысль о написании этого документа возникла у него после прочтения депеши австрийского канцлера и министра иностранных дел К. Меттерниха от 7 декабря 1837 г. Агенты Меттерниха из Парижа, Лондона и Брюсселя отмечали увеличение активности польской эмиграции с целью вызвать «новые волнения» в Царстве Польском и соседних провинциях. Вердикт Нессельроде по поводу этого сообщения был таков: «Осторожность советует нам, таким образом, усиливать надзор с нашей стороны по мере того, как наши противники усиливают свою активность»²⁸⁰.

Ключевым недостатком существующей системы зарубежного сыска Нессельроде считал отсутствие «единства». Вице-канцлер, как следует из его дальнейших размышлений, имел в виду, что этой системе не хватало руководящего органа, который бы координировал работу МИД, III отделения и тайной полиции Царства Польского. Взаимодействие этих ведомств сводилось к тому, что российские диппредставительства отправляли донесения Бенкендорфу и наместнику Царства Польского. Отсутствие межведомственного координационного центра не позволяло эффективно проверять достоверность присылаемой из-за рубежа информации и вести контроль за действиями агентов. МИД был не в состоянии самостоятельно отслеживать активность польских эмигрантов непосредственно на территории самой России²⁸¹.

Нессельроде заключил, что необходимо создать «центр действий», в который бы стекались все сведения из-за рубежа в сфере интересов высшей полиции и который бы направлял агентам указания по надзору за тайными путями сообщения польских эмигрантов. Во главе органа обязательно должен был стоять «верховный руководитель высшей полиции в Санкт-Петербурге» (то есть шеф III отделения, Бенкендорф). Кроме того, секретный комитет включал бы начальника канцелярии

²⁸⁰ Там же. Л. 3. Здесь и далее перевод на русский с французского оригинала.

²⁸¹ Там же. Л. 4.

III отделения в подчинении Бенкендорфа, «доверенного служащего» МИД, а также «сотрудника, которого выберет военное министерство»²⁸².

Сформированный в таком составе «комитет высшего надзора» должен был выполнять ряд функций. Во-первых, сверять между собой сведения как из-за рубежа, так и изнутри страны, а также из Царства Польского. Во-вторых, направлять деятельность дипломатических миссий, снабжая их данными из России (чтобы они поставляли актуальную для российских органов власти информацию). В-третьих, вести статистику численности эмиграции и ее ресурсов, составлять поименные списки эмигрантов. И, наконец, «изо дня в день» следить за передвижениями главных «эmissаров пропаганды», знать, под какими именами и под каким прикрытием они «плетут заговоры». Предполагалось, что входящие в комитет чиновники будут служить посредниками между «центром высшей полиции» и главами министерств²⁸³.

Формирование комитета началось вскоре после появления упомянутой записки Нессельроде от 21 декабря 1837 года. Уже в письме от 24 декабря Бенкендорф сообщил главе МИД, что от III отделения в комитет он назначил действительного статского советника Адама Сагтынского (1785–1866)²⁸⁴. Этот выбор был очевиден. Сагтынский, происходивший из польской шляхты, хорошо знал польские дела и полицейский сыск. В 1819–1830 гг. он служил в Главном штабе при вел. кн. Константине Павловиче, главнокомандующем армии Царства Польского. С 1834 г. работал в III отделении чиновником «по особым поручениям», фактически являясь руководителем заграничной агентуры этого ведомства²⁸⁵. В письме Паскевичу от 16 февраля 1838 г. Бенкендорф сообщал, что Сагтынскому поручили вести протокол заседаний этого органа²⁸⁶.

²⁸² Там же. Л. 5–6.

²⁸³ Там же. Л. 6–7.

²⁸⁴ Там же. Л. 10.

²⁸⁵ *Черкасов П.П.* Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // *Родина*. 2007. № 9. С. 57.

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 4.

Другие кадровые решения не заставили себя долго ждать. Военный министр А.И. Чернышев уведомил Бенкендорфа в послании от 25 декабря, что членом комитета от военного министерства будет статс-секретарь Максим Максимович Брискорн (1788–1872), директор канцелярии этого ведомства²⁸⁷. Привлечение военного министерства к деятельности этого органа также закономерно, поскольку А.И. Чернышев занимался военной разведкой еще с наполеоновских войн. Он располагал своими агентами при российских посольствах, которые доставляли сведения о вооруженных силах различных стран²⁸⁸. В большинстве своем польские эмигранты являлись профессиональными военными. Часть из них поступала на службу в иностранные армии²⁸⁹, а для организации повстанческих экспедиций эмиграция нуждалась в поставках вооружения²⁹⁰. Логично, что военное министерство могло отслеживать каналы этих поставок и обладало данными о послужном списке польских военных.

Представителем от МИД стал тайный советник Антон Антонович Фонтон (1780–1864)²⁹¹, выходец из династии французских драгоманов (переводчиков с восточных языков), перешедших на русскую службу²⁹². Он являлся неперменным членом Совета министерства иностранных дел – высшего руководящего подразделения ведомства²⁹³.

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 109. 1-ая эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 12.

²⁸⁸ Иванов О.К. «Корреспонденты» А.И. Чернышева // История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / под ред. Е.М. Примакова. М., 2014. С. 144–151.

²⁸⁹ Литературу и новейшие данные о военно-дипломатических проектах польской эмиграции см.: Pezda J. Emigracyjne gry dyplomatyczne // Polacy i świat, kultura i zmiana: studia historyczne i antropologiczne ofiarowane profesor Halinie Florkowskiej-Frančić. Kraków, 2016. S. 65–74.

²⁹⁰ Поставками вооружения для польского национального движения занималась, например, купеческая семья Бохенек из Вольного города Кракова. См.: Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w „dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź, 2018. S. 57, 78.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 5.

²⁹² Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 48–49.

²⁹³ Там же. С. 30.

Итак, в комитет вошли высокопоставленные чиновники разных министерств. Межведомственный характер этой структуры свидетельствует о том, что проблема польской эмиграции была поставлена на особый контроль.

Создание подобных межведомственных органов являлось стандартной практикой для российского самодержавия. При Александре I в 1807 г. был учрежден «Комитет охранения общей безопасности», призванный возглавить политический сыск в стране, «предупреждать пагубные замыслы внешних врагов государства» и «предписывать порядок следствий и наблюдать за производством оных»²⁹⁴. В николаевскую эпоху создавались межведомственные комитеты, занимавшиеся проблемами определенных регионов (например, Особые комитеты по китайским и японским делам и т.д.)²⁹⁵. Уникальной чертой именно этого комитета была направленность на борьбу с революционной и повстанческой деятельностью польской эмиграции, общая численность которой к 1839 г. составляла до 8 тыс. человек²⁹⁶ и которая действовала как внутри страны, так и за ее пределами. Фактически в документах комитета отражена активность только демократического крыла эмиграции, а не всего движения в целом. Польские политические эмигранты являлись врагами самодержавия независимо от своей политической позиции, поэтому, судя по всему, комитет не посчитал нужным акцентировать внимание на том, что фигурировавшие в донесениях эмиссары отправлялись именно демократическими группировками.

В тот период с аналогичным вызовом сталкивались и другие европейские державы. Например, в 1833 г. под крылом Меттерниха для надзора за немецким, венгерским, польским и итальянским революционными движениями было создано Информационное бюро в г. Майнц во главе с К. Ноз²⁹⁷. Префектура парижской

²⁹⁴ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 11–12.

²⁹⁵ Кудрявцева Е.П. Указ. соч. С. 55–56.

²⁹⁶ Zdrada J. Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. Warszawa, 1987. S. 11.

²⁹⁷ Рахмиров П.Ю. Князь Меттерних. Пермь, 2005. С. 274–276; Aliprantis C. The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach // Central Europe. London, 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 20–35.

полиции в правление Луи-Филиппа Орлеанского боролась с влиятельной республиканской оппозицией, которая в противостоянии с правительством использовала политических изгнанников со всей Европы, включая поляков²⁹⁸.

В письме Бенкендорфа Паскевичу от 16 февраля 1838 г. содержалась также справочная записка с примечательной характеристикой французской политики в отношении польского движения. Наиболее беспокойных эмигрантов экстрадировали из Франции, других – распределяли по территории страны и помещали под частичный надзор полиции. Кроме того, правительство уменьшило размер выдаваемых им денежных пособий. Любопытно отметить, что все эти меры, согласно записке, принимались для сдерживания подрывной активности эмигрантов только в отношении Франции. Ничего не делалось, чтобы препятствовать их заговорам против других держав²⁹⁹.

Таким образом, в ту эпоху польское национальное движение наряду с другими национально-революционными движениями было трансграничным явлением, фактором внутренней и внешней политики ряда европейских государств. Массы политических беженцев были опасной стихией, которую не могла (а зачастую и не хотела) полностью контролировать ни одна из держав. Власти Российской империи осознавали, что для противодействия этой угрозе необходима скоординированная работа всего государственного аппарата, а не отдельного учреждения.

Последняя запись в данном архивном деле датируется 2 января 1839 года. Сообщается, что работа комитета завершилась в конце апреля 1838 г. в связи с долгим отсутствием его членов. Бенкендорф пребывал в длительных заграничных поездках, а Сагтынский его сопровождал. Фонтон получил полугодичный отпуск. О Брискорне не говорилось ничего³⁰⁰.

Кроме того, там же было обращено внимание на два важных события, которые произошли в этот восьмимесячный интервал. Во-первых, в мае 1838 г.

²⁹⁸ *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 132–138.

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 18.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 22.

произошел арест польского революционера Шимона Конарского близ Вильно (см. подробнее гл. 2). Во-вторых, был установлен «постоянный надзор в Париже, благодаря которому правительство стало получать точные сведения об интригах и предприятиях польских эмигрантов»³⁰¹.

Трудно однозначно определить, что конкретно подразумевалось под «постоянным надзором» во втором сообщении. В нем не было никаких дополнительных комментариев. Не ясно, в каком формате продолжил свое существование «комитет высшего политического надзора» (и существовал ли он в последующее время). В любом случае, опыт межведомственной кооперации в сфере политического сыска не прошел даром. Об этом могут свидетельствовать некоторые косвенные наблюдения.

Начиная с 1839 г. характер освещения польских сюжетов в ежегодных отчетах III отделения значительно изменился. Если в донесениях 1832–1838 гг. польская эмиграция описывалась общими фразами без конкретных сведений³⁰², то с 1839 г. ей стали посвящаться полноценные информационные сводки с указанием разных источников.

Так, например, в отчете 1839 г. кратко изложены донесения агентов Бакье и Дюрана, депеши послов Палена и Татищева из Парижа и Вены, сообщения посланника в Штутгарте барона Ф.И. Бруннова (1797–1875), вице-канцлера Нессельроде, наместника Царства Польского Паскевича, виленского генерал-губернатора Н.А. Долгорукова (1792–1847) и австрийского канцлера Меттерниха³⁰³. По содержанию и объему выжимки из этих донесений напоминают протокольные записи комитета (анализ этих материалов см. гл. 2).

Таким образом, к 1839 г. III отделение, в том числе благодаря работе «Секретного комитета высшего политического надзора», научилось сводить воедино данные о польской эмиграции из разных агентурных источников.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Россия под надзором. С. 90, 103, 120, 131, 164, 183.

³⁰³ Там же. С. 194–197.

Подводя итог, отметим, во-первых, что до подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. влияние III отделения на польскую политику Российской империи было ограниченным. На польском направлении ведущую роль играла тайная полиция Царства Польского под руководством вел. кн. Константина Павловича, которая сохраняла независимость от ведомства Бенкендорфа.

Во-вторых, после подавления восстания 1830–1831 гг. и образования польской политической эмиграции значение польского фактора в деятельности III отделения существенно возросло. Ведомство Бенкендорфа обзавелось собственной заграничной агентурой для наблюдения за «польскими выходцами» и наладило сотрудничество в этой сфере с тайной полицией Царства Польского во главе с новым наместником И.Ф. Паскевичем.

В-третьих, во второй половине 1830-х гг. был создан межведомственный механизм надзора за польской эмиграцией в лице «Секретного комитета высшего политического надзора». Этот комитет являлся не полноценным государственным учреждением, а совещательной площадкой, в рамках которой представители разных ведомств делились сведениями по вопросам заграничного политического сыска. Структура российского полицейского надзора оставалась децентрализованной и по-прежнему представляла собой совокупность отдельных военно-административных и дипломатических органов.

Таким образом, под влиянием польского фактора на базе III отделения была создана не централизованная служба внешней разведки, сосредоточившая все руководство заграничной агентурой, как отмечали некоторые исследователи³⁰⁴, а скорее межведомственная и межгосударственная система обмена агентурными данными. Главными звеньями этой системы стали III отделение СЕИВК, тайная полиция Царства Польского под руководством И.Ф. Паскевича и Министерство иностранных дел.

³⁰⁴ *Троцкий И. М.* Указ. соч. С. 59; *Оржеховский И. В.* Указ. соч. С. 69; *Черкасов П. П.* Третий человек в III отделении. С. 56–62; *Черкасов П. П.* Русский агент во Франции. С. 173–175; *Заиченко О.В.* Указ соч. С. 33–45.

Глава 2. Польская эмиграция в контексте системы агентурного надзора 1831–1855 гг.

1. Специфика агентурной работы на польском направлении в 1831– 1855 гг.

В полицейских документах как эпохи Николая I (1831–1855 гг.), так и царствования Александра II (1855–1881 гг.) нет определения понятия «агент». Под «агентом» могло подразумеваться любое лицо, которое выполняло секретные поручения для российского правительства, будь то многолетний и проверенный сотрудник вроде дослужившегося до чина тайного советника Я.Н. Толстого или же ненадежный рядовой осведомитель. Большинство таких осведомителей были перебежчиками из числа самих польских эмигрантов, которые пошли на сотрудничество с российской тайной полицией по причине материальных трудностей³⁰⁵.

Значительная часть агентурных сведений дошла до нас не в форме оригинальных донесений тех или иных агентов, а в составе кратких отчетов представителей военной администрации и зарубежных дипломатических миссий. Поэтому имена многих заграничных агентов остаются неизвестными, и назвать их точное число весьма затруднительно. Даже самые выдающиеся из них, такие как Антоний Вернер-Куберский и Франтишек Наполеон Шостаковский, оставили после себя крайне мало биографических сведений. Подавляющее большинство сохранившихся агентурных донесений представляют собой чистые информационные сводки, в которых нет, например, личной точки зрения агентов

³⁰⁵ См. подробнее: *Marchlewicz K.* Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r. // *Przegląd Historyczny.* 2020. Т. CXI. Zesz. 2. S. 243–255; *Gerber R.* Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // *Potocki A.* Raporty szpiega. Т. 1. Warszawa, 1973. S. 5–78.

или инструкций со стороны начальства, то есть тех элементов, которые позволяют реконструировать «внутреннюю кухню» агентурной работы.

Известное исключение представляет собой деятельность Якова Николаевича Толстого (1791–1867) – русского журналиста и литератора, ветерана войны 1812 г. и друга А.С. Пушкина, который находился на службе в качестве парижского резидента III отделения с 1837 по 1866 г. Его жизненный путь известен довольно хорошо. Он происходил из тверских помещиков, принадлежавших к нетитулованной ветви рода Толстых, окончил Пажеский корпус – элитное военно-учебное заведение. С 1817 г. служил старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба Е.И.В. А.А. Закревском. В 1823 г. Толстой отправился в длительный зарубежный отпуск для лечения последствий ранения ноги, полученного на войне.

Восстание 14 (26) декабря 1825 г. застало его за границей. Яков Николаевич изначально был близок к декабристским кругам, но еще в 1822 г. он порвал все связи с тайными обществами. Следствие установило непричастность Толстого к заговорщикам, однако Николай I приказал, чтобы ему велели подать рапорт об увольнении и немедленно вернуться в Россию, а также установить над ним тайный надзор. Благодаря заступничеству министра императорского двора (и бывшего начальника Главного штаба) князя П.М. Волконского (1776–1852) Якову Николаевичу было разрешено остаться за границей для излечения болезни на неопределенный период. Но ему так официально и не простили его прошлые контакты с будущими декабристами.

Шанс на реабилитацию Толстой получил благодаря своей журналистской деятельности и гражданской позиции. Желая доказать свою полезность родине, Яков Николаевич еще со второй половины 1820-х гг. занялся опровержением антироссийских публикаций в западных печатных изданиях. После поражения восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском в симпатизировавшей полякам французской прессе поднялась мощная волна антироссийских настроений. Столкнувшись с русофобией во Франции, Толстой пришел к выводу, что французское общество «больно» и окончательно изжил в себе прежние

либеральные симпатии. Он стал мечтать о возвращении на государственную службу, решив, что целесообразным для него будет служить там же, в Париже (в «очаге антирусских настроений»), который он хорошо знал и в котором имел знакомство с влиятельными людьми³⁰⁶.

Служебному рвению Толстого также способствовало тяжелое материальное положение. После Июльской революции 1830 г. Николай I предписал своим подданным покинуть Францию. Погрязшему в долгах Толстому это сделать не удалось. Узнав из газет об упомянутом выше приказе императора, некоторые французские кредиторы Якова Николаевича уведомили префекта французской полиции о необходимости задержать выдачу паспорта русскому должнику. Поскольку Толстой так и не вернулся на родину, российское правительство в 1835 г. взяло в опеку его тверское имение, тем самым лишив его одного из основных источников доходов³⁰⁷.

В 1835 г. Толстой написал и опубликовал в Париже от своего имени хвалебное жизнеописание фельдмаршала И.Ф. Паскевича, которого французская пресса яростно критиковала за «жестокое» подавление польского восстания 1830–1831 гг. и его политику в Царстве Польском. Светлейший князь Варшавский был польщен стараниями Толстого и замолвил за него слово перед А.Х. Бенкендорфом и самим императором. За Якова Николаевича похлопотал также назначенный в марте 1835 г. на должность российский посол в Париже граф Петр Петрович Пален (1777–1864), отец которого в 1801 г. возглавил заговор против Павла I. Дипломат на личном опыте убедился в благонадежности Толстого и даже сделал его своим неофициальным советником по вопросам прессы. Рекомендации влиятельных сановников убедили Николая I простить Якову Николаевичу его прегрешения.

³⁰⁶ Подробнее о биографии Толстого до начала 1830-х гг. см: *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008. С. 11–141.

³⁰⁷ *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб иностранная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 33–34.

Императорская казна выплатила часть долгов Толстого, что открыло ему дорогу домой³⁰⁸.

Пален отправил Якова Николаевича в Петербург с рекомендательным письмом к Бенкендорфу, искавшему опытные кадры для агентурной работы за границей. В этом послании от 8 (20) ноября 1836 г. посол изложил смысл миссии, которую предполагалось поручить Толстому. Пален отметил, что пророссийские статьи работавшего на III отделение французского журналиста Шарля Дюрана «не достигают обычно цели», поскольку общественное мнение воспринимает его как «наемного агента правительства, который пишет не по убеждению, а за определенную плату». Российский же агент, открыто назначенный на подобную должность, «погиб бы под ударами» всемогущей французской прессы. Чтобы подобного не произошло, Пален предложил, чтобы миссия русского агента, «не получив огласки, прикрывалась бы служебными обязанностями, представляющими известную с ней аналогию».

Толстой, которого можно было бы назначить на «безобидную, но почетную должность» (в будущем это будет пост корреспондента министерства народного просвещения, своего рода атташе по культурным и научным связям) и которого парижские журналисты привыкли видеть выступающим в интересах России в течение 12 лет, «не покажется подозрительным и сможет, если предоставить ему для этого средства, с успехом бороться с заблуждениями и клеветой, которые не перестают распространять о нас»³⁰⁹.

Глава III отделения принял предложение Палена. По поручению Бенкендорфа Яков Николаевич составил записку о характере его будущей деятельности в Париже, датированную 11 апреля 1837 г. План Толстого можно резюмировать следующим образом. С противниками нужно вести осторожную полемику, писать статьи, основанные на фактах, «без всяких колкостей и самовосхваления, с легкой и приличной шуткой». Опровержения эти нужно

³⁰⁸ Черкасов П.П. Указ. соч. С. 134–142.

³⁰⁹ Там же. С. 143.

оформлять либо в форме публикаций в лояльных газетах (за вознаграждение), либо же публиковать самостоятельно в виде отдельных брошюр³¹⁰. Особенное внимание новоиспеченный агент обратил на польский вопрос: «Польша является кульминационным пунктом, привлекающим внимание и возбуждающим воинственное настроение наших противников, она доставляет наибольшее количество поводов для политического бесстыдства, она – наиболее обильный источник, откуда завидующие нам черпают свои гнусные оскорбления»³¹¹.

По возвращении в Париж Толстой получит письменную инструкцию, датированную 20 июля (1 августа) 1838 г. Из содержания этой инструкции, на первый взгляд, следует, что основной задачей агента являлась сыскная работа в среде польской эмиграции. В качестве обязанности номер 1 указано «...следить и наблюдать со всей возможной (бдительностью) неусыпностью за движениями политических эмигрантов вообще и польских, в особенности, для того чтобы держать наше Правительство в курсе замыслов и действий, которые они могли бы замышлять, будь то против Августейшей особы Императора, будь то против спокойствия России и польских провинций, составляющих ее часть»³¹². И только под номерами 2, 3 и 4 отмечены обязанности, связанные со слежкой за русскими подданными во Франции, информированием российского правительства об интригах французского правительства, а также деятельностью по раскрытию «сокровенного смысла политики Луи-Филиппа по отношению к самой Франции и [тактику] партий, которые держат ее в неустойчивом состоянии соответственно. Важность четвертой задачи объяснялась тем, что сведения о политике Орлеанской монархии дадут «знание [той] свободы действий, которая предоставляется демагогам, – свободы действий, которой они не преминут воспользоваться, чтобы распространить свои преступные замыслы на Польшу и Россию»³¹³.

³¹⁰ Там же. С. 165–173.

³¹¹ Там же. С. 169–170.

³¹² Цит. по: Там же. С. 179.

³¹³ Там же.

В действительности основное внимание Толстой уделял выполнению только последнего из перечисленных пунктов. Проблематика польской эмиграции и польского вопроса интересовала его в той степени, в какой они влияли на политику западного правительства и западного общественного мнения.

Первые исследователи Толстого оценивали его агентурную деятельность весьма высоко. Е.В. Тарле отмечал, что в переписке Толстого «...разбросано немало тонких и проницательных замечаний, обличающих местами очень отчетливое и ясное понимание происходящих перед ним событий...»³¹⁴. Е. Зайдель и С. Красный подчеркнули, что в его донесениях за 1848 г. «...поразительно схвачен смысл революционных событий. Автору ясны движущие силы революции, характер классовых противоречий, разъедающих французскую общественность»³¹⁵. Я. Кухажевский, пользуясь публикацией последних двух авторов, перенес в свою работу и их оценку агента, убрав только марксистскую терминологию. По мнению польского историка, пересылаемые А.Ф. Орлову в 1848 г. донесения Толстого свидетельствуют о том, «как глубоко запустил он во французскую почву разведывательный зонд после двадцати пяти лет пребывания своего в Париже. Он дает совершенно верный, порой проницательный анализ событий и людей...»³¹⁶.

В современной историографии высказываются более критические и нюансированные оценки в отношении Толстого. О.Ю. Абакумов «с определенной долей иронии» относит его к «джентльменскому» этапу российского политического сыска во Франции³¹⁷. Примером такого «джентльменства» был случай, когда Толстой выступил резко против использования силовых методов для

³¹⁴ Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение // Литературное наследство. Т.31/32. М., 1937. С. 36.

³¹⁵ Зайдель Е. Красный С. Предисловие // Революция 1848 г. во Франции. Донесения Якова Толстого. Л., 1926.

³¹⁶ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. М., 2018. С. 215.

³¹⁷ Абакумов О.Ю. «...Чтоб иностранная зараза не проникла в наши пределы». С. 76.

уничтожения типографии А.И. Герцена³¹⁸. Исследователь полагает, что «никаких особых заслуг у него не было», что он не был «шпионом столетия», как его окрестил французский историк Мишель Кадо. В то же время Абакумов отмечает, что «прозвучавшая невысокая оценка многолетнего итога пребывания в стране «секретного агента» свидетельствовала не о неспособности литератора-шпиона, а о завышенных ожиданиях руководителей III отделения и об осознании ими новых задач, для решения которых необходимо было задуматься о перестройке самой системы надзора»³¹⁹.

Во многом верную оценку О.Ю. Абакумова следует несколько уточнить и дополнить. III отделение не столько предъявляло к Толстому завышенные ожидания, сколько пыталось поручить ему несвойственные его «специализации» функции организатора политического сыска, среди которых фигурировал надзор за польскими эмигрантами и революционерами. Главной стихией Толстого была, прежде всего, дипломатическая разведка, которая подразумевала работу с влиятельными западными государственными деятелями и лидерами общественного мнения, анализ политики западных правительств и прессы. И как однозначно следует из упомянутых выше письма Палена к Бенкендорфу и докладной записки Толстого, именно эти сферы должны были занимать приоритетное место в деятельности агента.

Пункт о наблюдении за политическими эмигрантами появился уже в инструкции 1838 г., что вероятно было связано с особенно высокой активностью польских эмиссаров в этот период. III отделение остро нуждалось в сведениях о маршрутах перемещений польских революционеров, стремившихся пробраться в пределы Российской империи. Логично предположить, что высшая полиция решила временно сконцентрировать всех своих сотрудников на выполнение этой насущной задачи. Но на постоянной основе политическим сыском среди польской эмиграции занимались другие лица, в частности, вышеупомянутые Вернер и

³¹⁸ Там же. С. 72.

³¹⁹ Там же. С. 76.

Шостаковский. В этой связи более точной представляется точка зрения П.П. Черкасова, рассматривающего Толстого, прежде всего, как «пионера в использовании методов пропаганды и контрпропаганды во внешнеполитических интересах России»³²⁰.

Таким образом, пример Я.Н. Толстого демонстрирует, что российская «высшая полиция» николаевской эпохи могла выполнять функции как внешней разведки, так и политического сыска. При этом агентурный надзор за польской эмиграцией сочетал в себе оба компонента. С одной стороны, польские изгнанники были предметом попечения западных правительств и западного общественного мнения. Изучение этих аспектов обычно входит в компетенции внешней разведки. С другой стороны, польские эмигранты с точки зрения российского законодательства являлись политическими преступниками, ведущими подрывную деятельность на территориях бывшей Речи Посполитой. Борьба с подобными элементами является традиционной задачей политического сыска.

2. Подрывная деятельность польских революционеров и их союзников в агентурных отчетах 1830-х гг.

Как известно, в польской эмиграции после 1831 г. существовало два главных течения – консервативное (иногда именуемое «либерально-консервативным» или «аристократическим») и демократическое.

Консерваторы группировались вокруг князя Адама Чарторыйского (1770–1861). Это были сторонники конституционной монархии, выступавшие против радикальных аграрных преобразований и за сохранение крупной земельной собственности. Консервативное направление ориентировалось на поддержку западных правительств³²¹.

³²⁰ Черкасов П.П. Указ. соч. С. 422.

³²¹ Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. С. 15–19, С.

Демократы исповедовали революционно-республиканские взгляды. Они декларировали, что опираются не на руководство западных держав (как консерваторы), а на союз с другими европейскими народами под лозунгом «За вашу и нашу свободу!» В отличие от группировки Чарторыйского, у них не было единой организации и лидерства. Демократический лагерь постоянно раздирали идеологические противоречия.

Более «умеренные» демократы во главе с известным историком Иоахимом Лелевелем (1786–1861) предлагали не создавать жесткую организационную структуру и строго очерченную политическую программу. По их мнению, это позволило бы объединить как можно большее число эмигрантов разных убеждений для борьбы за национальную независимость. С этой целью в декабре 1831 г. был организован Польский национальный комитет (ПНК) под председательством Лелевеля³²². В 1838–1846 гг. сторонники Лелевеля группировались в рамках «Объединения польской эмиграции» (ОПЭ)³²³.

Однако более радикальные демократы были недовольны, что в программу ПНК не были включены положения об уравнивании крестьян в правах со шляхтой и наделении их земельной собственностью. Уже в марте 1832 г. они покинули комитет Лелевеля и основали Польское демократическое общество (ПДО)³²⁴. Но и ПДО также не избежало раскола: в октябре 1835 г. от него отделилась портсмутская секция (Громада Люда Польского «Грудзёнж»), которая вовсе отрицала частную собственность на землю³²⁵. Само же ПДО эволюционировало в сторону либерально-центристских взглядов, что отразилось в Большом манифесте ПДО, основным автором которого был Виктор Хельтман. С середины 1830-х гг. менее

276; *Zdrada J.* Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. Warszawa, 1987. S. 50–67.

³²² *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 20–21; *Zdrada J.* Op. cit. S. 16.

³²³ Польск. Zjednoczenie emigracji polskiej (сокр. ZEP). См. подробнее: *Cygler B.* Zjednoczenie emigracji polskiej 1837–1846. Gdańsk, 1963.

³²⁴ Польск. Towarzystwo demokratyczne polskie (сокр. TDP). *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 23–35; *Zdrada J.* Op. cit. S. 34–38. См. подробнее *Kalembka S.* Towarzystwo demokratyczne polskie w latach 1832–1846. Toruń, 1966.

³²⁵ *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 71–81; *Zdrada J.* Op. cit. S. 39–42.

многочисленные сторонники Лелевеля уже занимали более радикальные позиции, нежели ПДО и его коллегиальный орган Централизация³²⁶.

В 1830-х гг. главную роль в организации повстанческой борьбы на территории бывшей Речи Посполитой играли сторонники Лелевеля. Весной 1833 г. состоялась неудачная экспедиция полковника Юзефа Заливского³²⁷. В 1835–1838 гг. в польских землях широко развернулась подпольно-агитационная деятельность под руководством Шимона Конарского³²⁸.

Первые сведения о судьбе некоторых бежавших за границу членов политического руководства восстания появились в отчете военного губернатора Варшавы И.О. Витта в III отделение от 24 ноября (6 декабря) 1831 г. Политическая полиция Царства Польского сообщила, что Бонаventura Немоевский, Теофиль Моравский и Анджей Плихта прибыли в Париж³²⁹. Немоевский – последний председатель повстанческого правительства, Моравский и Плихта были в нем министрами. Первые двое также входили в группу «калишан» – либеральных политиков из Калишского воеводства. На тот момент сведения о судьбе высокопоставленных повстанцев могли представлять интерес для разведки. 6 ноября 1831 г. они участвовали в создании Временного комитета польской эмиграции в Париже – первого представительного органа польских выходцев на чужбине. Предполагалось, что он станет правопреемником сейма Царства Польского. Однако комитет показался слишком умеренным для радикально-демократического лагеря эмиграции³³⁰.

Радикалы из бывшего Патриотического общества во главе с М. Мохнацким были возмущены заявлением Б. Немоевского маркизу Ж. Лафайету о том, что

³²⁶ *Kalembka S.* Op. cit. S. 98–129.

³²⁷ *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 37–40; *Zdrada J.* Op. cit. S. 23–24.

³²⁸ *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 58–61, С. 92–93; *Zdrada J.* Op. cit. S. 29–33.

³²⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 165. Л. 22. О донесениях варшавских военных губернаторов в III отделение см. также нашу статью: *Бабюша И. А.* Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в III отделение) // *Славянский альманах.* 2023. № 3–4. С. 34–52.

³³⁰ *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция. С. 19.

«поляки, ищущие убежища во Франции, не преследуют никаких политических целей» и даже не намерены отмечать годовщину восстания 29 ноября 1830 г. В итоге большинство демократов перешло в комитеты под руководством Лелевеля и генерала Юзефа Дверницкого, которые решительно выступали за восстановление Польши в границах 1772 г. Проект Б. Немоевского провалился³³¹.

В дальнейших отчетах варшавского тайного сыска «калишане» были оттеснены на второй план более интересными для политического сыска радикалами. В падении популярности Б. Немоевского и его соратников полиция могла убедиться из перехваченного письма от 28 января 1832 г. графа Адама Гуровского (одного из лидеров демократического лагеря, а затем ренегата)³³² неизвестному адресату в деревню Вышина близ г. Конины (Калишское воеводство Царства Польского). «Красный граф» Гуровский отметил, что Бонавентура Немоевский и Теодор Моравский (брат упомянутого выше Теофиля) – «...сумасшедшие, эгоисты, интриганы, они хотели бы доминировать еще и здесь и привести к потере оставшейся части от того, что они не сумели растерять в Польше»³³³.

В донесениях политической полиции Царства Польского не приводилось полноценного описания эмигрантских группировок. Линии расхождения между лагерями обозначались лишь общими штрихами. Примечательно, что авторы отчетов отождествляли те или иные общества с предводителями эмиграции, а не с их политическими программами. Например, в донесении 20 марта (1 апреля) 1833 г. сообщалось о разладе между партиями князя Адама Чарторыйского и Лелевеля, последствия которого чувствовались в самой Польше. Эти партии имели разные представления о будущем устройстве Польши, и каждая из них стремилась расправиться с противником. Согласно этому донесению, Лелевель и его

³³¹ Там же.

³³² См. о нем подробнее в первой (и пока единственной) части монументальной монографии Х. Глембоцкого: *Głębocki H.* «Diabeł Asmodeusz» i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012.

³³³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 166. Л. 50.

сторонники из радикально-демократического лагеря желали «безжалостно уничтожить» всех высших сановников и офицеров Царства Польского, оставшихся в стране после подавления восстания. Либерально-консервативная партия Чарторыйского, наоборот, призывала к «умеренности» и примирению с прошлым³³⁴. В этом рапорте также обращает на себя внимание то, что агентура делала акцент не на идеологической программе Чарторыйского и Лелевеля (оба были врагами самодержавия), а на средствах борьбы, к которым могли прибегнуть возглавляемые ими общества. Очевидно, что варшавская полиция интересовалась, в первую очередь, конкретными шагами, которых можно было ожидать от этих партий.

Наблюдения за разногласиями в среде «польских выходцев» создавали у тайной полиции Царства Польского впечатление о скором и неминуемом разложении эмиграции под бременем внутренних противоречий. В донесении 9 (21) октября 1833 г. указывалось, что вражда между партиями Лелевеля и Чарторыйского «вышла на более высокий уровень». Чарторыйского, генерала Ю. Бема и их сторонников демократы стали публично называть русскими шпионами. В связи с этим авторы отчета подытожили, что «с каждым днем польская эмиграция во Франции все больше тяготеет к распаду» и что все больше увеличивается число тех эмигрантов, кто хочет уехать в Америку³³⁵. При уровне развития коммуникации того времени отъезд за океан означал отказ от активной борьбы.

Надежды на распад польской эмиграции подкреплялись сведениями из перлюстрированной корреспонденции. В донесении Н.П. Панкратьева от 26 мая (7 июня) 1834 г. отмечалось: «...переписка польских выходцев полностью поменяла свой тон. С недавнего времени среди эмигрантов «царит великое уныние». Со дня на день все больше эмигрантов выказывают желание воспользоваться благами амнистии, и кажется, что постепенно большинство из них было бы очень радо рассмотреть возможность возвращения на родину, поскольку уже Адам Гуровский,

³³⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 173. Л. 122.

³³⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 176. Л. 3.

один из главных поборников польской национальности, <...> обратился в русское посольство за помилованием»³³⁶.

Оптимистические прогнозы политической полиции не сбылись. Эмиграция, несмотря ни на что, сохранилась. Вплоть до 1860–1870-х гг. она оставалась одним из главных объектов полицейского надзора³³⁷. «Национальная измена» А. Гуровского была скорее исключением и являлась следствием его духовной эволюции и личностного кризиса³³⁸. Другие лидеры эмиграции не последовали примеру «красного графа».

Кроме Западной Европы агентурный надзор варшавской полиции распространялся на пограничье Царства Польского. Особое внимание в 1830-х гг. привлекала Краковская республика, служившая перевалочным пунктом для эмигрантов между Западом и польскими землями.

В отчете 17 (29) июля 1832 г. сообщалось о деятельности краковского купца Леона Бохенека³³⁹. Он снабжал беглых студентов-повстанцев фальшивыми паспортами граждан Кракова, которые позволяли переправиться во Францию, Венгрию и различные австрийские провинции. Кроме того, живший близ прусского консульства Бохенек мог обеспечивать потенциальных эмигрантов паспортами в Пруссию, откуда можно было свободно выехать дальше на запад. По слухам, которые передал агент, прусский консул даже указывал коммерсанту

³³⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 178. Л. 46.

³³⁷ Об этой эпохе см.: *Бабоша И.А.* Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // *Родина*. 2022. № 10. С. 106–109.

³³⁸ Гуровский весной – зимой 1834 г. пришел к выводу, что исповедуемые им идеи социализма и универсализма невозможно совместить с независимостью Польши. См. подробнее: *Głębocki H.* «Diabeł Asmodeusz». S. 322–325.

³³⁹ Представитель этой купеческой семьи из Кракова был упомянут не случайно. Его отец Ян поставлял оружие повстанцам во время Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Сам он также поддерживал контакты с эмигрантами Чарторыйского. См. подробнее: *Żurawski vel Grajewski R.* Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w «dyplomacji» Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź, 2018. S. 57, 78.

места, где приграничный контроль был менее тщателен. Также отмечалось, что купец получал крупные пожертвования из-за границы на содержание студентов³⁴⁰.

В письме 10 (22) октября 1832 г. некий краковский агент указал еще один способ получения поддельных паспортов для отправки во Францию. Студентов за 30 флоринов могли зачислить в ремесленные цеха, которые выдавали сертификат об окончании обучения у мастера. С помощью этого сертификата будущий эмигрант мог приобрести удостоверение ремесленника, позволявшее, в свою очередь, обзавестись паспортом Кракова³⁴¹.

В донесениях напрямую не указывалось, как тайный сыск предполагал бороться с такими нелегальными способами пересечения границы. Возможно, что именно на этот случай в каждом отчете составлялись упомянутые выше списки прибывших в Варшаву из-за границы и, наоборот, отправляющихся за рубеж. Там отмечались род деятельности путешественников (варианты: «лекарь», «купец», «кузнец», «граф», «помещик» и проч.) и названия владений, из которых они приехали или в которые направлялись (Познань, «немецкое», Париж – «французское» и т.п.)³⁴². Под именами тех или иных ремесленников в таблицах гипотетически могли скрываться эмиссары-нелегалы.

Политическая полиция Царства Польского следила также за ситуацией в польских владениях Австрии и Пруссии и анализировала их политику в отношении польской эмиграции. Пруссия представляла как относительно нейтральная сторона. Прусские власти свободно пропускали «польских выходцев» через свою территорию, как в приведенном выше случае с прусским консулом в Кракове. В то же время, они специально не потворствовали деятельности эмиграции. Толерантное отношение прусского правительства к польским эмигрантам во

³⁴⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 170. Л. 81.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 171. Л. 85.

³⁴² См., например, список от 30 июля по 6 августа 1832 г. Там же. Л. 3.

многим объяснялось давлением местного общественного мнения, в то время расположенного к Польше³⁴³.

Габсбургская монархия занимала двойственную позицию. В отчете о ситуации в Галиции генерал-майора Ф.К. Нессельроде от 30 января (11 февраля) 1833 г. отмечалось, что приказ австрийских властей, предписывавший всем эмигрантам покинуть страну, носил демонстративный характер. В действительности политическим беженцам (на тот момент – 8 тыс. чел.) предоставлялась возможность продлить свое пребывание в австрийских владениях и даже получить пособие. Для этого было достаточно сделать формальный запрос российскому правительству с прошением о предоставлении амнистии³⁴⁴.

Местные поляки (то есть австрийские подданные) свободно делали пожертвования в пользу беглых сородичей. Например, было отмечено, что 70 эмигрантов получили 1 тыс. дукатов от графини Малаховской³⁴⁵. Эрцгерцог Фердинанд (будущий император Фердинанд I в 1835–1848 гг.) ежедневно принимал у себя представителей высших слоев эмиграции³⁴⁶.

В этом же отчете Нессельроде прогнозировал, что, если события будут развиваться таким образом и далее, а восточный вопрос будет вызывать все более серьезное беспокойство у Австрии, то ее польская политика станет более решительной и не ограничится оказанием тайной помощи. В заключительной части донесения указывалось, что австрийские власти могут воспользоваться эмиграцией как «мощным оружием для создания новых проблем» в Царстве Польском, где уже «зреют подрывные элементы»³⁴⁷.

³⁴³ См. подробнее об австрийском и прусском взглядах на проблему польской эмиграции в 1830-х гг.: *Кауштанова О.С.* Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 384–385.

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 173. Л. 30.

³⁴⁵ Там же. Л. 33.

³⁴⁶ Там же. Л. 32.

³⁴⁷ Там же. Л. 35.

Отчет Нессельроде был написан за полгода до заключения 6 (18) сентября 1833 г. русско-австрийской конвенции в Мюнхенграце. Она предусматривала взаимную гарантию границ польских владений и оказание вооруженного содействия в случае возникновения беспорядков, обещание выдачи государственных преступников и учреждения строго надзора над участниками польского восстания 1830 г.³⁴⁸ Примечательно, что после заключения этой конвенции в отчетах больше не встречается подобных тревожных сообщений.

Отношения польской эмиграции с западными державами развивались не менее противоречиво. В отчете III отделения за 1833 г. утверждалось, что великие державы, включая даже Францию, «..не только не покровительствуют единоземцам их, там укрывающимся, и не содействуют злобным их замыслам, но еще всячески стараются удалить из своих владений сии скопища презрительных людей, яко вредных и нестерпимых»³⁴⁹. В ранее приведенном донесении варшавской полиции от 20 марта (1 апреля) 1833 г. указывалось, что углубление разногласий между партиями Лелевеля и Чарторыйского приводит к тому, что эмигранты все более теряют уважение в глазах французов и что постоянно стоит вопрос об их высылке из Франции. Также упоминался слух, что в случае необходимости они найдут прибежище в Англии³⁵⁰.

Французские власти действительно были недовольны сотрудничеством польских радикальных демократов и французских республиканцев, которые стремились свергнуть режим Июльской монархии. Кроме того, само правительство Луи-Филиппа не желало значительного ухудшения отношений с Россией и периодически применяло репрессивные меры к наиболее радикальным эмигрантами. Например, 28 марта (9 апреля) 1833 г. был принят закон, ограничивавший передвижения эмигрантов по стране и запрещавший им селиться близко к восточной границе, чтобы затруднить им возможность участия в

³⁴⁸ См. подробнее: *Капитанова О.С.* Указ. соч. С. 398.

³⁴⁹ Там же. С. 104.

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 173. Л. 122.

европейских революциях и заговорах³⁵¹. 15 июля того же года Лелевелю было приказано покинуть Францию³⁵². В результате этих запретительных мер часть радикально-демократической эмиграции будет постоянно концентрироваться либо в Англии, либо в Бельгии, где действовало более либеральное по отношению к политическим изгнанникам законодательство³⁵³. Руководящие центры упомянутого ранее «Объединения польской эмиграции» Лелевеля разместятся как раз в этих странах.

Политический сыск фиксировал и другие способы «обезвреживания» польских эмигрантов. В частности, французское правительство активно вербовало поляков в иностранный легион, участвующий в завоевании Алжира (1830–1847)³⁵⁴. Однако из перлюстрированной варшавской полицией переписки между эмигрантами и их сородичами в Польше следовало, что далеко не все поляки готовы были воевать за интересы чужого государства. В одном из таких перлюстрированных писем завербованные в иностранный легион эмигранты именовались «злостными наемниками, недостойными имени поляка»³⁵⁵.

Большинство «польских выходцев» продолжало проживать во Франции. Высылка не касалась не замеченных в антиправительственной и вообще в какой-либо политической деятельности эмигрантов, а также некоторых представителей демократического лагеря, которые умели договариваться с французскими властями (см. п. 5 этой главы и гл. 3).

Вопреки первоначальным оптимистическим прогнозам западная поддержка польских эмигрантов не иссякла. Уже в отчете III отделения за 1838 г. Бенкендорф отметил, что польские эмигранты возбуждали в Западных губерниях

³⁵¹ Каштанова О.С. Указ. соч. С. 395.

³⁵² Кеневич С. Лелевель. М., 1970. С. 67.

³⁵³ О миграционной политике Соединенного Королевства в 1826–1905 гг. см. подробнее: *Marchlewicz K. Wielka Emigracja na Wyspach Brytyjskich (1831–1863)*. Poznań, 2008. S. 43–48.

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп.2а. Д. 170. Л. 94. Донесение 24 июля (9 августа) 1832 г.

³⁵⁵ См. например, письмо без подписи 9 октября 1832 г. некоему Ульриху в Варшаву. Там же. Д. 171. Л. 87.

«неприятный дух к правительству», «пользуясь покровительством в неприятных нам державах (ныне преимущественно в Англии, Франции и Бельгии)»³⁵⁶. Очевидно, что в случае политической необходимости западные страны были готовы «закрывать глаза» на издержки, связанные с покровительством эмиграции.

Не случайно, что именно в это время агент III отделения в Париже Яков Николаевич Толстой обратил особенное внимание на необходимость опровергать сочувствующие польской эмиграции публикации французской прессы. Как отмечалось в предыдущем параграфе, местные газеты рисовали крайне негативный образ политики российской администрации в польских землях. В донесении от 12 (24) апреля 1838 г. Толстой написал Бенкендорфу, что собирался поместить в ряд французских журналов перевод статьи из российской «Северной пчелы» о реальном положении дел в Царстве Польском под управлением Паскевича. Он отметил, что в этой публикации было бы хорошо обратить внимание «сторонников польского мятежа» на то, что существует разница между «массой польского населения, которая без враждебности и предубеждения соглашается воспользоваться плодами попечения правительства, которое работает ради ее благополучия», и обычно неугомонной шляхтой. Агент подчеркнул, что подавшаяся в политическую эмиграцию шляхта являлась всего лишь «небольшой фракцией поджигателей»³⁵⁷. Таким образом, с точки зрения Толстого, западному общественному мнению нужно было объяснить, что польская эмиграция представляла собой маргинальную группу, которая не могла претендовать на роль представителя интересов всей польской нации.

Во второй половине 1830-х гг. российская высшая полиция фиксировала значительный рост подрывной активности радикально-демократического крыла польской эмиграции. Руководство Российской империи крайне нуждалось в сведениях о конкретных планах радикалов, которые можно было выведать только

³⁵⁶ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. С. 184.

³⁵⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 188. Л. 100–101.

войдя в их ближайшее окружение. Не случайно, что в отчетах варшавских военных губернаторов этого периода появляются донесения агентов под прикрытием – Франтишека Наполеона Шостаковского и Антония Вернера-Куберского, которые заручились доверием революционеров³⁵⁸.

Вернер передавал крайне важную для политического сыска информацию о планах покушений на европейских монархов. Агент был близко знаком с некоторыми членами «Молодой Европы» – международной революционной организации во главе с известным итальянским революционером Джузеппе Мадзини, основанной 15 апреля 1834 г. в швейцарском Берне. В «Молодую Европу» входили итальянское, немецкое и польское подразделения – «Молодая Италия», «Молодая Германия» и «Молодая Польша». Председателем центрального комитета «Молодой Польши» с декабря 1835 г. являлся упомянутый выше Лелевель³⁵⁹. Деятельность Вернера высоко ценил сам Николай I, неоднократно отмечавший важность его сведений в переписке с Паскевичем 1836–1839 гг.³⁶⁰

Вернер расположил к себе Юзефа Наполеона Чапского, одного из членов «Молодой Польши», и получил от него ряд писем с конфиденциальной информацией. В отрывке из донесения 6 (18) августа 1836 г. капитана Массона, который курировал Вернера, указывалось, что письмо Чапского Вернеру от 29 июля того же года содержало инкриминирующие строки: «Скажи, Николай будет присутствовать на коронации Фердинанда? Если да, это значительно укоротит дорогу»³⁶¹. Революционеры надеялись, что смогут застать царя уже в Вене, на церемонии коронации будущего австрийского императора Фердинанда I. Тогда бы им не пришлось отправляться в более длительную и рискованную экспедицию на

³⁵⁸ Биографические справки о Вернере-Куберском и Шостаковском см. в очерке Р. Гербера: *Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 7–8.*

³⁵⁹ *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 55–59.

³⁶⁰ *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 201.

³⁶¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 185. Л. 40.

территорию России. В конце донесения указано, что последнее письмо Чапского «тщательно сохранено» в качестве доказательства его вины³⁶².

Однако поездка Чапского не удалась. Согласно донесению Вернера в отчете 27 октября (8 ноября) 1836 г., революционер, прибыв в Страсбург по английскому паспорту, «серьезно заболел» и отменил план поездки в Россию. Но в Страсбурге Вернер заговорщика не обнаружил и, руководствуясь некими «надежными сведениями», отправился искать его в Женеву³⁶³. В донесении 8 ноября агент Вернер указал, что Чапский действительно заболел чахоткой и оказался в Женеве. При встрече доверявший Вернеру Чапский сообщил, что хотел перебраться в Англию с паспортом на имя Тейлора. По пути туда он собирался обойти стороной Париж. Чапский опасался, что Шнайдера, одного из его соратников, принявшего участие в страсбургском заговоре Луи-Наполеона 30 октября³⁶⁴, могли арестовать. А это, в свою очередь, могло скомпрометировать самого Чапского³⁶⁵.

Будучи в Женеве, Вернер проанализировал настроение других заговорщиков: «На данный момент кажется, что Польша и Россия были полностью забыты находящимися здесь революционерами. Все их взоры обращены ко Франции, где, как они полагают, готовится какое-то катастрофическое событие». Таким образом, агент убедился, что заговорщики из «Молодой Европы» охладели к польско-русскому направлению. Один из коллег Чапского, итальянец Карачелли, на расспросы Вернера о планах российской экспедиции заявил, что его внезапно отозвали для участия в восстании, готовящемся во Франции и Италии. Итальянец намеревался отправиться в Париж с паспортом на имя Роберти. Вернер заключил, что в действительности отказ эмиссара от первоначального проекта был вызван скорее страхом³⁶⁶.

³⁶² Там же. Л. 41.

³⁶³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 186. Л. 15–16.

³⁶⁴ «Страсбургский заговор» 30 октября 1836 г. – первая попытка будущего Наполеона III захватить власть во Франции.

³⁶⁵ Там же. Л. 32–33.

³⁶⁶ Там же. Л. 34.

Боязнь компрометации и неудачи – вполне логичная причина отказа от покушения. При этом надо отметить, что Франция времен Июльской монархии с ее сильной республиканской оппозицией являлась богатым полем для революционной активности³⁶⁷. Упомянутая выше неудачная экспедиция будущего Наполеона III была всего лишь одним из вариантов такой деятельности. Возможно, в глазах заговорщиков риски, связанные с подготовкой убийства монарха, превышали выгоды, которые можно было бы извлечь из французских событий.

Однако если революционеры и «забыли» о Польше и России, то ненадолго. В начале 1838 г. благодаря упомянутому выше агенту Шостаковскому варшавская полиция узнала, что весной этого года демократический лагерь польской эмиграции готовился развернуть масштабную деятельность на территории бывших земель Речи Посполитой. Шостаковский состоял в недавно организованном под руководством Лелевеля «Объединении польской эмиграции». В рамках этой организации «брюссельский отшельник» пытался сплотить всех польских эмигрантов революционно-демократических взглядов.

В отчете от 13 (28) января 1838 г. сообщались сведения Шостаковского о программном заседании «Общества космополитов» в Лондоне от 24–27 декабря 1837 г. Под этим наименованием явно имелось в виду вышеупомянутое «Объединение...» Лелевеля. «Космополитический» компонент названия, объясняется, по-видимому, тем, что общество исповедовало революционные взгляды, а также присутствием на заседании радикалов из разных европейских стран: 40 поляков (среди заметных участников перечислены сам Лелевель, Ю. Дверницкий, А. Пулаский, Т. Кремповецкий, З. Свентославский, собственно Шостаковский и др.), а также «некоторого числа итальянцев, французов и немцев»³⁶⁸.

В отчете также говорилось о повестке данного заседания «Общества космополитов». В первую очередь, революционеры признали возможность ведения

³⁶⁷ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 132–133.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 191. Л. 9.

длительной партизанской войны на землях бывшей Речи Посполитой (в силу «искренней и непоколебимой веры в будущее восстановление Польши, питавшей каждого поляка», а также «географических особенностей» страны). Кроме того, отмечалась необходимость привлечения к освободительной войне «сельского слоя», евреев и духовенства. Крестьянам обещали выплату «большой суммы» и земельные наделы, а клиру гарантировали право на осуществление образовательной деятельности среди молодежи и сохранность церковного имущества³⁶⁹.

По итогам встречи было решено организовать экспедицию в польские земли из 50 человек в апреле 1838 г. или «раньше». Подсчитали, что на 23 декабря к обществу присоединились 475 членов³⁷⁰, а его денежный фонд составил 3955 флоринов (за счет пожертвований, а также продажи учебников Лелевеля по истории Польши для детей). Прогнозировалось, что к весне эта сумма возрастет до 10 тыс. флоринов, которой должно хватить на отправку упомянутых 50 эмиссаров: как предполагалось, по прибытии на место им «уже больше ничего не потребуется». Конкретные пункты назначения для участников экспедиции предполагалось определить позднее, когда будут собраны деньги. Было решено также немедленно отправить 6 эмиссаров (включая Шостаковского) в другие центры эмиграции (север, юг, восток Франции и остальную часть Англии), чтобы уведомить местных сторонников объединения о текущих планах³⁷¹. Согласно отчету от 6 (18 марта) 1838 г., данные Шостаковского «по большей части» подтвердил другой агент – упомянутый выше Вернер³⁷².

Разумно предположить, что внимание полиции в этом донесении привлекли, прежде всего, сведения о подготовке крупной экспедиции в бывшие земли Речи Посполитой. Именно там, пользуясь поддержкой своих сородичей, эмиссары могли

³⁶⁹ Там же. Л. 10.

³⁷⁰ На рубеже 1830–1840-х гг. «Объединение польской эмиграции» достигнет максимальной численности в 2,5 тыс. человек. См. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция... С. 83.

³⁷¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 191. Л. 13–16.

³⁷² Там же. Л. 50.

напрямую вести подрывную деятельность против властей России, Австрии и Пруссии.

Не удивительно, что именно в первой половине 1838 г. развернул свою работу упомянутый выше межведомственный и совещательный орган – «Секретный комитет высшего политического надзора» (см. п. 3 гл. 1). Известия об отправке большой группы агентов польской эмиграции явно встревожили российское руководство. Формат межведомственного совещания позволял сверять данные из разных источников и оперативно принимать необходимые меры предосторожности. Особенное беспокойство вызывали донесения о том, что некоторые эмигранты замыслили цареубийство подобно вышеупомянутому Чапскому. На втором заседании комитета 21 февраля 1838 г. неперменный член Совета МИД А. А. Фонтон представил две депеши российских дипломатических миссий в Париже и Дрездене, согласно которым польский эмиссар Адольф Залеский выехал из Парижа в Россию с целью покушения на Николая I. Дрезденское диппредставительство уведомило об этом прусскую полицию и Паскевича. Тем не менее, комитет, опасаясь, что Залеский может ускользнуть от полиции Пруссии и Царства Польского, решил переслать эти сведения литовскому генерал-губернатору и генерал-губернатору остзейских провинций (по совместительству рижскому военному губернатору)³⁷³.

На заседание 28 февраля поступили уже уточненные сведения дрезденской миссии о предполагаемом маршруте Залеского. Эмиссар хотел проникнуть в Россию через территорию Австрии и Молдавии. Поэтому комитет постановил теперь предупредить одесского и киевского генерал-губернаторов³⁷⁴.

7 марта Фонтон представил депешу российского посла во Франции П.П. Палена, благодаря которой были установлены сразу несколько важных деталей. «Новые откровения» некоего Зенона Вишневого подтвердили информацию об отъезде Залеского из Парижа с поручением убить Николая I. Предполагаемый

³⁷³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 6.

³⁷⁴ Там же. Л. 9.

цареубийца должен был ехать под именем «Жан Гика. Кроме того, с аналогичной миссией из Лондона выехал другой польский эмигрант – Сперчиньский. Также было отмечено, что эмиссары Конарский и Шемиот «продолжают пребывать то в России, то в Польше». Наконец, обращалось внимание на то, что предводитель виленского дворянства Шумский поддерживает контакты с польскими эмигрантами³⁷⁵.

Перечисленные выше личности неслучайно упомянуты в рамках одного донесения. Ш. Конарский являлся руководителем революционной организации «Содружество польского народа», созданной им в 1835 г. совместно с братьями Адольфом (1810–1853) и Леоном Залескими (ок. 1810–1841)³⁷⁶. Адам Сперчиньский тоже входил в круг соратников Конарского³⁷⁷.

Примечательно, что фамилия «Гика», под которой собирался путешествовать Адольф Залеский, принадлежала известному валахско-молдавскому боярскому роду. Под французским именем «Жан» вероятно подразумевался его румынский эквивалент «Ион». В 1830–1840-х гг. польские эмигранты активно сотрудничали с румынскими деятелями Дунайских княжеств. Между прочим, именно в то время жил и настоящий Ион Гика (1816–1897) – обучившийся во Франции революционер, будущий премьер-министр Румынии³⁷⁸. Возможно, и у самого Залеского имелись контакты в румынской среде. Недаром в предыдущем донесении указывалось, что эмиссар будет пробираться в Россию через Молдавию. Заговорщик мог использовать этот псевдоним, чтобы притвориться возвращающимся из-за границы местным жителем и, не вызывая подозрений, пересечь границу.

Упомянутый в самом начале Зенон Вишневецкий, скорее всего, также был выходцем из революционно-демократического лагеря польской эмиграции. На

³⁷⁵ Там же. Л. 10.

³⁷⁶ Łopuszański B., Smirnow A. Wstęp // *Konarski S. Dziennik z lat 1831–1834*. Wrocław, 1973. S. XIII.

³⁷⁷ *Lukasiewicz W. Szymon Konarski*. Warszawa, 1948. S. 109.

³⁷⁸ Подробнее о польско-румынских связях в этот период см.: *Cosma E. Diplomatic and military agents of the Polish Emigration in the Romanian principalities (1833–1849)* // *Istrazivanja. Journal of Historical Researches*. № 30. Novi Sad, 2019. P. 111–140.

начало апреля 1836 г. человек с таким именем и фамилией состоял в секции «Батиньоль» (по названию одноименного квартала Парижа) Польского демократического общества³⁷⁹. Из депеши Палена остается неясным, служил ли Вишневецкий полицейским осведомителем или же он просто проговорился в присутствии какого-нибудь агента.

Наконец, предводитель дворянства Виленской губернии и участник восстания 1830–1831 гг. Станислав Шумский (1790–1871) не только поддерживал контакты с эмигрантами, но и сам являлся участником заговора Конарского и даже оставил воспоминания о своем повстанческом опыте³⁸⁰.

Активность Конарского и его союзников давно обратила на себя внимание российского правительства. С декабря 1835 г. эмиссар развернул широкую подпольно-агитационную деятельность в западных губерниях Российской империи. Уже с начала 1836 г. царские власти получали сообщения о пребывании этого конспиратора на российской территории и вели его розыск³⁸¹. Важно отметить, что Конарский также являлся близким соратником Лелевеля в рамках «Молодой Польши». В 1835 г. именно Лелевель послал его в Польшу с целью объединить тайные кружки по всей стране³⁸². Не исключено, что запланированная в конце декабря 1837 г. экспедиция, о которой сообщил Шостаковский, должна была оказать содействие подрывной деятельности Конарского.

Пример деятельности «Содружества польского народа» продемонстрировал проблему, о которой писал вице-канцлер К.В. Нессельроде в своей записке 21 декабря 1837 г. Надзор за предполагаемым маршрутом всего лишь одного польского эмиссара требовал внимания сразу нескольких акторов. Вне границ империи этим занимались зарубежные посольства, которые время от времени координировали свои действия с властями Австрии и Пруссии. В пограничных

³⁷⁹ *Pac L.* Konfederacja Narodu Polskiego: z dziejów Wielkiej Emigracji: część II // *Przegląd Historyczny*. 1936. Т. 33. № 1. S. 144.

³⁸⁰ *Szostakowski S.* Emisariusze polscy w Prusach Wschodnich (1833–1841) // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. Olsztyn, 1981. № 2–4. S. 249.

³⁸¹ *Łopuszański B., Smirnow A.* Op. cit. S. XV–XVI.

³⁸² *Фалькович С. М.* Указ. соч. С. 60–61.

губерниях России необходимо было содействие местных властей. Наконец, очевидно, что о ходе наблюдений должно было знать III отделение как центральный орган тайной полиции. Выпадение хотя бы одного элемента из этой цепочки могло означать, что деятельность опасных заговорщиков останется незамеченной.

Кроме того, важно учитывать небольшую по современным меркам скорость коммуникаций во второй четверти XIX в. Например, курьерские почтовые сообщения шли из Европы в Россию около двух недель³⁸³. Польским офицерам, которые в декабре 1831 г. отправлялись в эмиграцию, потребовалось около 50 дней, чтобы от границ Восточной Пруссии добраться до французского Страсбурга³⁸⁴.

К этому надо добавить непредвиденные задержки в пути, возможность получения противоречивой информации и риск натолкнуться на «ложный след». Поэтому решение проводить заседания комитета раз в неделю представляется логичным шагом для оперативного реагирования на регулярно поступающие данные.

Дальнейшая история наблюдений за перемещениями Залеского раскрывает сложности организации подобного рода надзора. На заседание 28 марта поступила депеша русского посланника в Пруссии А.И. Рибопьера, согласно которой местные власти на пути из г. Эрфурта в Саксонию по ошибке задержали однофамильца эмиссара – Яна Залеского³⁸⁵. Им оказался варшавский купец, который возвращался из Парижа. Проведя допрос негоцианта, прусские следователи сочли его «неопасным». Кроме того, коммерсант (Ян Залеский), еще находясь во французской столице, слышал, что революционер (Адольф Залеский) отправился в Галицию, «где все еще должен пребывать». Комитет заключил, что было бы полезно сообщить эти сведения австрийскому правительству³⁸⁶.

³⁸³ Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 230.

³⁸⁴ Zdrada J. Op. cit. S. 5.

³⁸⁵ В протоколе заседания он обозначен как «Жан» (фр. Jean).

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 16.

Через две недели (11 апреля) вместе с депешей русского посла в Вене Д.П. Татищева пришел ответ от Меттерниха. Австрийский канцлер предположил, что опасный эмиссар уже некоторое время мог находиться в Галиции и даже оказаться среди недавно арестованных за «политические махинации»³⁸⁷. Татищев по предложению Меттерниха выслал генерал-адъютанту Шипову письмо с просьбой отправить кого-нибудь лично знающего Залеского из Варшавы во Львов, чтобы установить, действительно ли он находился среди задержанных австрийскими властями³⁸⁸.

Генерал-адъютант Сергей Павлович Шипов (1790–1876) на тот момент входил в Административный совет Царства Польского и занимал пост председателя правительственной комиссии внутренних, духовных дел и народного просвещения³⁸⁹. В 1839–1840 гг. он будет военным губернатором Варшавы – по сути первым заместителем наместника Царства Польского, который руководил военной администрацией, следственными комиссиями и местной тайной полицией³⁹⁰. Кроме того, Царство Польское, где находился Шипов, граничило с австрийской Галицией. Опыт Шипова в польских делах и возможность быстро добраться до пункта назначения делали его подходящей кандидатурой для этого поручения.

Но на следующем заседании 18 апреля ситуация с Залеским так и не прояснилась. Рибопьер прислал сообщение от прусского министра внутренних дел и полиции Густава фон Рохова (1792–1847), которое полностью повторяло полученные неделей ранее сведения Меттерниха. Рохов тоже располагал данными, что Залеский мог оказаться среди задержанных в Галиции «за политические махинации»³⁹¹. В свою очередь, судьба послания Татищева Шипову по-прежнему оставалась неизвестной. Комитет не придумал ничего лучше, чем отправить запрос

³⁸⁷ Там же. Л. 18–19.

³⁸⁸ Там же. Л. 19.

³⁸⁹ *Kulik M.* Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa, 2019. S. 231–232.

³⁹⁰ *Ibid.* S. 185–186.

³⁹¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 20.

начальнику Шипова Паскевичу с целью узнать, была ли удовлетворена просьба Татищева³⁹².

На этом моменте протоколы заседаний комитета, а вместе с ними и история Адольфа Залеского в 1838 г. обрываются. Тем не менее, судя по тому, что уже к концу этого же года и в 1839 г. появились сообщения об очередных попытках Залеского проникнуть на территорию России, ни одна из сторон этого противостояния не сумела достичь своих целей. Царский сыск не смог поймать Залеского, а польскому революционеру не удалось совершить покушение на Николая I. Возможно, что Залеский отказался от своего плана, узнав об аресте упомянутого выше руководителя «Содружества польского народа» Шимона Конарского 27 мая 1838 г.³⁹³. Революционер обоснованно мог опасаться, что подполье было скомпрометировано и что в сложившихся обстоятельствах дальнейшее продвижение в пределы Российской империи было бы рискованным.

В ежегодном отчете III отделения за 1838 г. констатировалось, что замыслы и всех остальных польских эмиссаров также провалились (включая, по-видимому, и планируемую Лелевелем экспедицию, о которой сообщал упомянутый выше агент Шостаковский): «Заграничные польские комитеты, как видно из поступивших миссий наших и агентов высшего наблюдения сведений, отправили от себя в начале весны большее число эмиссаров, которые должны были проникнуть как в Западные наши губернии, так и в Царство Польское, а некоторые и в здешнюю столицу, с преступным против Священной Особы Государя императора намерениями; однако же, сколько известно ни один из них не проник в наши пределы»³⁹⁴.

Несмотря на то, что арест Конарского свел на нет конспиративные замыслы польских радикалов в 1838 г., его соратники в эмиграции в скором времени попытались возобновить активную борьбу против России. Уже в отчете варшавской полиции 29 декабря 1838 (10 января 1839 г.) появились новые сведения

³⁹² Там же. Л. 21.

³⁹³ Łopuszański B., Smirnow A. Op. cit. S. XVI.

³⁹⁴ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. С. 184.

о планах цареубийства. В этот раз замыслам польских заговорщиков напрямую содействовали их итальянские и немецкие союзники. Агент Вернер, находясь в Страсбурге, узнал у немецкого революционера Раушенплатта, что Дж. Мадзини размышлял об отправке нескольких эмиссаров через Австрию и Венгрию в Россию для покушения на Николая I. Вернер вызвался сопровождать эмиссаров, и Раушенплатт присоединил его к кампании, состоявшей из Карла Фишера, члена «Молодой Германии» (возглавлял экспедицию), Бервини (уроженца Пьемонта), Зибера (предположительно сына начальника пражского монетного двора), а также упомянутых выше польских эмиссаров Адольфа Залеского и Юзефа Наполеона Чапского. В качестве орудия цареубийства Бервини и Зибер готовили «адскую машину»³⁹⁵.

В отношениях с Фишером Вернеру было предписано придерживаться особой линии поведения. Агенту велели «позволить ему пользоваться полной свободой действий и не препятствовать его отъезду в Венгрию, чтобы воодушевить этим видимым успехом других заговорщиков на отправку в путь», а также «не пренебрегать любыми средствами, чтобы завоевать полное доверие Фишера». С помощью этой меры предполагалось выведать более основательные сведения о тайных планах заговорщиков³⁹⁶.

Инструкция Вернеру явно предусматривала не просто сбор информации, а внедрение в революционную организацию с целью пресечения ее преступной деятельности. Означает ли это, что в николаевскую эпоху российская полиция освоила методы политической провокации? Польские историки Я. Кухажевский и Х. Глембоцкий полагали, что царский политический сыск уже располагал к тому времени шпионско-провокационным аппаратом³⁹⁷. П.П. Черкасов и О.Ю. Абакумов считают, что метод провокации российская полиция стала осваивать только к началу 1860-х гг. Они ссылаются на позицию парижского резидента III отделения

³⁹⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 194. Л. 32–33.

³⁹⁶ Там же. Л. 37.

³⁹⁷ *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 132; *Głębocki H.* «Diabeł Asmodeusz»... S. 304.

Я.Н. Толстого, который выступал против вмешательства агентов в деятельность польской эмиграции³⁹⁸.

Представляется, что случай Вернера нельзя экстраполировать на всю практику политического сыска России. В указанной выше работе О.Ю. Абакумова показано, что еще в начале 1860-х гг. кроме Толстого скепсис к методу провокации испытывали также некоторые чиновники III отделения. Рассмотренные нами примеры явно говорят о том, что организация заграничной агентуры в 1830-х гг. оставалась децентрализованной и слабо институализированной. Профессиональная подготовка агентов и единые стандарты ведения агентурной деятельности отсутствовали. Агентуру курировали представители военной администрации и дипломатических миссий через неформальные каналы. Следовательно, невозможно уверенно утверждать, насколько характерен был тот или иной метод для сыскной системы в целом. Ясно одно: в 1830-х гг. полиция Царства Польского могла позволить себе содержание как рядовых информаторов, так и штучных агентов-провокаторов, внедренных в польскую эмиграцию.

В течение 1839 г. информация Вернера о составе этой экспедиции уточнялась. В ежегодном отчете III отделения за этот год приводилась выдержка из нового донесения агента, которое прислала уже не варшавская полиция, а российский посол в Австрии Д.П. Татищев. Среди участников экспедиции вместо Залеского и Чапского теперь был указан итальянец Карачелли (под именем Сицци), о котором Вернер уже сообщал в упомянутом выше рапорте 27 октября (8 ноября) 1836 г.³⁹⁹ По-видимому, эмиссары к моменту составления нового донесения (точной даты не указано) уже добрались до австрийской столицы, поэтому агент решил передать более актуальные разведанные непосредственно послу Татищеву.

В том же ежегодном отчете III отделения за 1839 г. сообщалась уточненная информация об Адольфе Залеском, приведенная по донесению из Парижа посла П.П. Палена. Эмиссар выехал в Россию в составе уже другой группы польских

³⁹⁸ Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». С. 5, 32, 76, 130, 142; Черкасов П. П. Русский агент во Франции. С. 413–414.

³⁹⁹ Россия под надзором. С. 196.

эмигрантов, в которую также входил Шемиот, ранее фигурировавший в указанных выше записях секретного комитета. Эту группу отправили лично Лелевель и генерал Юзеф Дверницкий (деятель либеральных взглядов, сотрудничавший с лелевелистами)⁴⁰⁰. В сообщении наместника Царства Польского Паскевича говорилось, среди прочего, об отправке еще одного из ранее упомянутых на заседаниях комитета соратников Конарского – Адама Сперчиньского⁴⁰¹.

Однако, как следует из заключения Бенкендорфа в ежегодном отчете III отделения за 1839 г., взять реванш демократической эмиграции так и не удалось: «С одной стороны, последовавшая в начале 1839 года [27 февраля – *И. Б.*] казнь польского эмиссара Канарского произвела сильное влияние на пребывающих за границу польских выходцев и участников злоумышлений их против России, представляя пример грозный для тех, кои вознамерились бы идти по его следам; с другой – деятельные внешние сношения [т.е. обмен агентурными данными с Австрией и Пруссией – *И. Б.*], самое бдительное наблюдение за всеми происками злоумышленников и строжайший надзор за прибывающими в пределы государства в большом количестве иностранцами, в особенности в летнее время, с усердною помощью генерал-губернаторов на границе империи и обер-полицмейстеров в обеих столицах предваряли таковые покушения о останавливали их в самом начале, так что год от году репутация нашей полиции утверждается»⁴⁰².

Таким образом, Бенкендорф пришел к выводу об эффективности межведомственной и межгосударственной системы полицейского сыска, которая сложилась к концу 1830-х гг. и увенчалась созданием «Секретного комитета высшего политического надзора».

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Там же. С. 197.

⁴⁰² Россия под надзором. С. 197.

3. Стабилизация системы агентурного надзора за польской эмиграцией в 1840-х гг.

Созданная А.Х. Бенкендорфом совместно с наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем и министром иностранных дел К.В. Нессельроде система безопасности продолжала исправно функционировать и после смерти Александра Христофоровича в 1844 г. Новый глава III отделения граф Алексей Федорович Орлов (1786–1861) в ежегодном обзоре за 1844 г. подчеркнул, что «...с 1839 года, в который последовала казнь эмиссара Конарского не происходило от злоумышлений выходцев ни одного важного случая, и все слухи об эмиссарах оканчиваются большею частью одними слухами»⁴⁰³. Хотя в отчете за 1845 г. Орлов признал, что польские эмигранты не оставили своих заговорщических планов, он заверил императора, что ситуация находится под полным контролем: «Нет сомнения, что польские выходцы изыскивают все средства вторгнуться в пределы России, но здесь путь им от строгих мер, принимаемых нашим правительством, столько затруднен, что эмиссары остаются при одних своих замыслах»⁴⁰⁴.

Действительно, в оставшуюся часть николаевского правления польские эмигранты не смогли организовать в российской части бывших земель Речи Посполитой подрывных мероприятий, сравнимых по масштабам с экспедицией Юзефа Заливского 1833 г. или с подпольной активностью Конарского в 1835–1838 гг. Тем не менее, из приведенного выше высказывания Орлова следует, что угрозу со стороны эмиграции высшая полиция могла купировать лишь при помощи «строгих мер», под которыми явно понимался приграничный контроль, надзор за прибывающими в Россию иностранцами, а также наблюдение за польскими эмиссарами при помощи заграничной агентуры. Эти меры позволили выстроить систему защиты от диверсионных акций «польских выходцев», но их было недостаточно, чтобы нанести удар по эмиграционным центрам принятия решений.

⁴⁰³ Там же. С. 351.

⁴⁰⁴ Там же. С. 368.

Хотя бы небольшое ослабление «строгих мер», если исходить из хода размышлений самого Орлова, сделали бы угрозу эмигрантов снова реальной. Высшая полиция внедряла некоторых агентов непосредственно в среду польских революционеров, но использовала их только для того, чтобы обезвредить конкретных заговорщиков (как это было в случае Вернера), а не проводить ответные подрывные акции на территории западных государств против эмиграции с целью ее уничтожения. Николаевские сановники, наблюдая за ссорами между эмигрантами и их непростыми отношениями с западными обществами и правительствами, предполагали, что эмиграция разрушится сама.

Однако эмиграция оказалась более жизнеспособной. После провала революционных выступлений 1830-х гг. армия «польских выходцев» лишь продолжала увеличиваться. Если в 1837 г. она насчитывала 7 тыс. человек, то в 1839 г. составляла уже 8 тыс., а к 1845 г. увеличилась до 8,5 тыс.⁴⁰⁵ Эмигранты, стараясь учитывать опыт предыдущих неудач, обращались к новым формам политической деятельности. В 1840-х гг. на вершину политического олимпа демократического лагеря польской эмиграции поднялось «Польское демократическое общество»⁴⁰⁶, несколько потеснив «Объединение польской эмиграции». В отличие от ОПЭ, ПДО было построено на принципах жесткой вертикали власти и строгой партийной дисциплины, а также обладало четкой идеологической программой (один из главных пунктов – безусловное наделение крестьян землей). «Польским демократическим обществом» единолично управляла «Централизация» – выборный орган из пяти членов, который переизбирался каждый год. В то же время, ОПЭ представляло собой конгломерат разношерстных группировок. У него имелись авторитетные лидеры вроде Лелевеля, но они не могли держать под контролем такое идеологически и политически неоднородное объединение⁴⁰⁷.

⁴⁰⁵ Фалькович С.М. Указ. соч. С. 101.

⁴⁰⁶ Польск. Towarzystwo demokratyczne polskie (сокр. TDP).

⁴⁰⁷ Особенности двух радикально-демократических организаций хорошо подмечены в заключительных разделах монографий польских историков Б.

Новую расстановку сил среди радикально-демократических группировок польской эмиграции не обошло вниманием и III отделение. В ежегодном отчете за 1845 г. подчеркивалось, что ПДО отличалось от других эмиграционных обществ «наибольшею деятельностью и постоянством». Среди его «главных поверенных» были названы Теофил Вишневецкий, Иоанн [Ян] Алциато и Виктор Гельтман [Хельтман]⁴⁰⁸. При этом отмечалось, что ОПЭ (названное в отчете «Обществом соединения») клонилось к упадку: «Общество это с 1838 г. находится в постоянном разладе, так что члены не могли даже согласиться насчет избрания пяти лиц, долженствующих составить комитет их, и наименовали только трех: Лелевеля, [Валентия] Зверковского и Одинского [правильно: Антония Одынецкого – И.Б.]. Вследствие этого общество мало-помалу разваливается»⁴⁰⁹.

Конспиративная деятельность ПДО не представляла непосредственной угрозы польским владениям России вследствие действующих там «строгих мер». Однако того же нельзя было сказать об австрийских и прусских территориях бывшей Речи Посполитой. В ежегодном отчете 1845 г. сообщалось о неутешительном состоянии местного полицейского надзора: «Хотя австрийское и прусское правительство принимают меры против злонамерений поляков, но меры сии несравненно слабее, нежели в России. Оттого Галиция и Великое герцогство Познанское представляют почти свободное поприще для действий эмиссаров и местных жителей из польских уроженцев»⁴¹⁰.

Последствия этой политики не заставили себя долго ждать – революционные выступления польских борцов за независимость в 1846 г. и во время «Весны народов» 1848–1849 гг. бушевали в Австрии и Пруссии, но практически не

Циглера и С. Калембки: *Cygler B. Zjednoczenie emigracji polskiej 1837–1846*. Gdańsk, 1963. S. 161–163; *Kalembka S. Towarzystwo demokratyczne polskie w latach 1832–1846*. Toruń, 1966. S. 257–261. О борьбе между ОПЭ и ПДО см. также: *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 82–105.

⁴⁰⁸ Россия под надзором. С. 365.

⁴⁰⁹ Там же. Эта информация верна. Проблемы с выборами руководства ОПЭ начались еще в 1841 г. В данном триумvirате первую скрипку играли Лелевель и Зверковский. См. *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 96–101.

⁴¹⁰ Россия под надзором. С. 368.

затронули пределов Российской империи. Подобная беспечность не должна была вызывать удивления у российской высшей полиции. Российское руководство прекрасно понимало, что партнерство с монархиями Габсбургов и Гогенцоллернов в польских делах носило крайне ситуативный характер.

Из приведенных в предыдущем параграфе донесений варшавских военных губернаторов однозначно следовало, что в начале 1830-х гг. прусские сановники попустительствовали активности польских эмиссаров, а часть австрийской политической элиты и вовсе делала откровенные реверансы в сторону эмигрантов. Ко второй половине 1830-х гг. австрийское и прусское правительства, по-видимому, испугавшись размахов революционной деятельности поляков и их международных союзников, вместе с Россией организовали межгосударственную систему обмена агентурной информацией, одним из центральных звеньев которой и стал упомянутый выше «Секретный комитет высшего политического надзора».

К 1840-м гг. планы Гогенцоллернов и Габсбургов вновь переменились. В Пруссии в 1840-х г. взошел на престол новый монарх – Фридрих Вильгельм IV, который взял курс на либерализацию режима и сделал некоторые уступки в польском вопросе. В ежегодном отчете III отделения за 1841 г. фиксировалось, что прусский король позволил «некоторым польским выходцам водвориться в Познани»⁴¹¹. ПДО не преминуло возможностью воспользоваться смягчением прусской политики и отправило в Великую Польшу эмиссара Валерия (Валериана) Бреаньского (1805–1866) с целью подготовки нового восстания. Бреаньский вместе с местными активистами организовал там разветвленную конспиративную сеть, имевшую вполне легальное прикрытие в лице различных агрономических, стрелецких и охотничьих обществ⁴¹². Плоды этой деятельности вскоре привлекли внимание российской заграничной агентуры. В ежегодном отчете III отделения за 1842 г. приводились данные посланного Паскевичем агента о существовании в герцогстве Познанском двух комитетов, пересылавших денежные пособия

⁴¹¹ Там же. С. 251.

⁴¹² *Kalembka S. Towarzystwo demokratyczne polskie. S. 237.*

польской эмиграции (один в Познани, другой – в Шамотулах). Первый комитет скрывался под вывеской «торгового заведения», а второй – «ученого учреждения». Эти общества выписывали из-за границы «возмутительные сочинения» и переправляли их в Царство Польское и «даже в Россию»⁴¹³. Более того, Прусская почтовая контора подозревалась в содействии польским контрабандистам в Краковской республике, поскольку кондукторы прусских дилижансов привозили в Краков заграничные агитационные материалы⁴¹⁴.

Вполне возможно, причиной подобной политики со стороны Австрии и Пруссии являлась не простая беспечность, а политический расчет. С одной стороны, такой курс безусловно создавал угрозу безопасности собственных владений. С другой стороны, это позволяло держать в напряжении Россию и разыграть против нее «польскую карту» на дипломатических переговорах. Кроме того, расчет австрийского и прусского руководства мог заключаться в том, чтобы под контролем полиции позволить конспирации развиваться до определенного уровня, а в случае реальной угрозы ликвидировать ее одним ударом. В 1846 г. восстание в Великом герцогстве Познанском было задавлено в зародыше, поскольку прусская полиция успела арестовать его главных зачинщиков. В австрийской Западной Галиции планы заговорщиков были нарушены из-за восстания польских крестьян под руководством Якуба Шели против польских же помещиков (эти трагические события вошли в историю как «Галицийская резня»). Австрийские власти фактически попустительствовали восставшим, не став защищать землевладельцев и их семьи⁴¹⁵. Наконец, во время «Весны народов» 1848–1849 гг. революционное выступление в Познанщине было оперативно

⁴¹³ Россия под надзором. С. 284.

⁴¹⁴ Там же. С. 284–285.

⁴¹⁵ С.М. Фалькович охарактеризовала австрийскую политику следующим образом: «Австрийские власти вели умелую пропаганду среди крестьян Галиции, и в результате они воспрепятствовали планам шляхетских конспираторов, а затем разгорелась направленная против помещиков крестьянская война под руководством Якуба Шели». *Фалькович С.М. Указ. соч. С. 110.*

подавлено вооруженным путем весной 1848 г., а польское движение в Галиции до полноценного восстания так и не разрослось⁴¹⁶.

Весьма любопытно, что в ежегодном отчете III отделения за 1846 г. А.Ф. Орлов крайне негативно оценивал роль австрийских властей во время «Галицийской резни»: «Не прибегая к *государственным* мерам [курсив мой – И.Б.], австрийское правительство старалось восстановить крестьян на мятежников, и это распоряжение оказалось слишком пагубным. <...> крестьяне ... обратили свою жестокость не только на виновных, но и на мирных помещиков»⁴¹⁷. Под «государственными мерами» в этом фрагменте Орлов вероятно подразумевал комплекс традиционных охранительных мероприятий по поддержанию общественного порядка. Мысль главы III отделения явно заключалась в том, что государственная власть должна поддерживать мир между классами и сословиями, наказывать виновных и оберегать мирных граждан. При этом государство не имеет права использовать средства, которые могут привести к дестабилизации существующего общественного порядка. Австрийское же правительство спровоцировало классовый конфликт и, с точки зрения Орлова, тем самым взяло на вооружение методы революционного движения, которое Николай I считал своим главным врагом. Казус «Галицийской резни» хорошо демонстрирует, что *концепция* полицейского надзора николаевской эпохи не предполагала использования метода политической провокации – власть не должна провоцировать преступления, чтобы предотвратить другие преступления. При этом, как уже подчеркивалось в предыдущем параграфе, это не отменяет факта, что провокаторские приемы могли состоять на вооружении *конкретных агентов*.

Деятельность консервативного лагеря во главе с Адамом Чарторыйским до начала 1840-х гг. привлекала внимание высшей полиции гораздо меньше, чем

⁴¹⁶ См. подробнее: Макарова Г.В., Фалькович С.М. Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. Макарова Г.В. и Фалькович С.М. М., 2001. С. 190–304.

⁴¹⁷ Россия под надзором. С. 384.

активность более радикальных группировок. Чарторыйский тоже высылал эмиссаров в Польшу, однако цели перед ними стояли более скромные, чем у радикалов. Князь Адам полагал, что создание полноценной конспиративной организации (подобной, например, «Содружеству польского народа» Конарского) было бы преждевременным и что восстание являлось делом далекого будущего. Главной задачей эмиссаров он считал, прежде всего, ведение патриотической пропаганды среди разных слоев населения с целью поддержания национального самосознания⁴¹⁸. В 1830-х гг. основные надежды Чарторыйский возлагал на акции военно-дипломатического характера – попытки создать польские легионы и заручиться поддержкой западных стран⁴¹⁹. Во время Восточного кризиса 1839–1841 гг. лидер консервативного лагеря эмиграции призывал к созданию международной коалиции против России, которая бы состояла из Великобритании, Франции, а также всех «угнетенных народов» «от Балтики до Черного моря, и от Черного моря до Каспийского»⁴²⁰.

Однако Восточный кризис так и не перерос в общеевропейскую войну против российского самодержавия. Князь Адам пришел к выводу, что одного только сотрудничества с английским и французским правительствами недостаточно для достижения польской независимости. В 1840-х гг. Чарторыйский попытался реализовать собственные геополитические проекты, ключевым звеном которых являлся Балканский полуостров. Он организовал разветвленную агентурную сеть с центром в Константинополе, основной задачей которой была поддержка зарождающихся национальных движений славянских и неславянских народов Османской империи с целью настроить их против Российской империи⁴²¹.

Развитию агентурной деятельности консервативного лагеря весьма поспособствовало значительное улучшение материального положения князя

⁴¹⁸ *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski 1770–1861. Warszawa, 1994. S. 378–379.

⁴¹⁹ *Hahn H.* Dyplomacja bez listów uwierzytelniających: Polityka zagraniczna Adama Jerzego Czartoryskiego 1830–1840. Warszawa, 1987. S. 324–325.

⁴²⁰ *Skowronek J.* Op. cit. S. 400–401.

⁴²¹ *Hahn H.* Op. cit. S. 327–331.

Адама во второй половине 1830-х гг. благодаря удачным вложениям в ценные бумаги на различных европейских биржах. На новые доходы семейство Чарторыйских купило в 1843 г. особняк «Отель Ламбер» на о. Св. Людовика в центре Парижа, который стал штаб-квартирой их политической группировки и дал название всему консервативному лагерю польской эмиграции⁴²².

Российская заграничная агентура не могла не заметить, что Отель Ламбер превратился в весьма солидную по меркам большинства политических эмиграций организацию. В отчете III отделения за 1844 г. подчеркивалось, что Чарторыйский «придавал своим действиям вид как бы государственного управления». Это выражалось, во-первых, в четком разделении полномочий между соратниками князя: «Владислав Замойский [племянник Чарторыйского и его правая рука – *И. Б.*] заведывает делами партии, наблюдает за духом эмигрантов и за посылаемыми в разные страны агентами; Нарцис Олизар употребляется для убеждения к принятию династических идей тех выходцев, которые желают демократического или республиканского правления». Кроме того, в руки российского заграничного сыска попали письма агентов Чарторыйского, в которых те «считали себя состоявшими в государственной службе, получали жалование, деньги на разъезды, выходят в отставку, – словом, действовали как бы члены благоустроенного общества»⁴²³.

Весьма подробное освещение деятельности Отеля Ламбер в отчетах III отделения сведения середины 1840-х гг. наводит на мысль о том, что случаи перехвата переписки эмиссаров Чарторыйского были далеко не единичными и что российская заграничная агентура довольно глубоко проникла в планы консервативного лагеря польской эмиграции. В отчете за 1842 г. сообщалось, что Михал Чайковский (1804–1886, один из известнейших агентов Чарторыйского) «наладил контакты с живущими в Царьграде сербами» и был «весьма хорошо» принят французским посольством [очевидно, что там же – в Константинополе – *И. Б.*]. Кроме того, он «вкрался в милость у некоторых пашей, которым внушает

⁴²² *Skowronek J. Op. cit. S. 334–339.*

⁴²³ Там же. С. 348.

недоверчивость к политике России относительно Турции». «С сею же целью» Чайковский завел связи с казаками-некрасовцами (потомками донских казаков-участников Булавинского восстания 1707–1709, сбежавших в Османскую империю)⁴²⁴.

В отчете за 1843 г. отмечалось, что Чарторыйский из собранных его агентами сведений о положении дел в Османской империи заключил, что «Турция недолго будет существовать как независимое государство», что виды благорасположенных к Польше Франции и Англии совершенно противоположны видам неприязненных к ней России и Австрии, а также, что подведомственные Турции славянские народы, *«враждебные ей как разноверцы, дружат полякам как соплеменники и ожидают только каких-либо важных переворотов, чтобы провозгласить свою и польскую независимость [курсив мой – И. Б.]»*. «Чарторижский пронырствует, – сообщается в отчете, чтобы уничтожить влияние России и Австрии на турецких славян и приготовить их так, чтобы они смогли составить авангард против России, если бы она вторглась в пределы Турции, тогда как в тылу ее возникло бы польское восстание». Там же приведены донесения российских агентов из Парижа, согласно которым князь Адам находился в «беспрерывных сношениях с французскими министрами, а английское правительство, в свою очередь, «не вовсе еще охладело к полякам»⁴²⁵.

Кроме того, в том же отчете за 1843 г. перечислялись и некоторые источники финансирования Отеля Ламбер: деньги, собираемые по подписке французскими католическими священниками, «довольно значительные» суммы, ежегодно присылаемые государственными деятелями либерального толка из Англии – Бомоном, Русселем, Дадли-Стюартом и герцогом Суссекским, а также средства, собираемые с французских филантропов чрез содействие конгрегации ордена лазаристов в пользу основанной М. Чайковским польской колонии рядом с Константинополем (Адамполя). III отделение пришло к заключению, что

⁴²⁴ Там же. С. 284.

⁴²⁵ Там же. С. 312.

Чарторыйский «исподволь и понемногу готовит копейку про черный день [подчеркнуто в тексте – *И. Б.*]»⁴²⁶.

Тем не менее, масштабы славянских проектов Чарторыйского явно не соответствовали реальным возможностям Отеля Ламбер. Если на балканском направлении имелись отдельные успехи⁴²⁷, то попытки сагитировать проживающие на территории Российской империи этнические группы славянского происхождения обычно терпели полное фиаско. В отчете III отделения за 1845 г. сообщалось о том, что Михал Чайковский отправил некоего галицийского уроженца Свидзинского возбуждать донских и черноморских казаков «к неудовольствию» против российского правительства и склонять их к союзу с «польскими выходцами». Но эмиссар оказался «более жалкою жертвою, нежели опасным орудием <...> все, к кому Свидзинский ни обращался с злоумышленными намеками, были столь далеки от политических интриг, что даже не понимали его; а первый, выразумевший цель послания Свидзинского, генерал-майор Греков, предал его в распоряжение правительства»⁴²⁸.

В первую половину 1840-х гг. особенно активно развивалась эмигрантская пресса⁴²⁹. На страницах газет и журналов демократического и консервативного лагерей польской эмиграции велись бурные дискуссии по поводу идеологии и будущего политического устройства независимой Польши. Как уже отмечалось ранее, польские эмигранты вели агитацию среди своих оставшихся на родине соотечественников, посылая им «возмутительные сочинения». В связи с этим руководство III отделения решило присмотреться к издательской активности «польских выходцев». Осенью 1841 г. заместитель Бенкендорфа Леонтий

⁴²⁶ Там же. С. 312–313.

⁴²⁷ Например, хорошо известно, что «Начертание», внешнеполитическая программа Сербского княжества, была отчасти составлена под влиянием идей Чарторыйского и его агентов. См. подробнее: *Skowronek J.* Op. cit. S. 410–411; *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 74–76.

⁴²⁸ Россия под надзором. С. 368.

⁴²⁹ *Kalembka S.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie. S. 194.

Васильевич Дубельт (1792–1862) попросил Я.Н. Толстого составить обзор эмигрантской прессы. В письме от 6 (18) ноября 1841 г. Яков Николаевич представил Дубельту «Список польских журналов, выходящих во Франции и Бельгии». В списке было отмечено семь изданий с пометками, уточняющими либо место, где они печатаются, либо их идеологическую направленность. Среди «монархических» или «династических» изданий консервативного лагеря Чарторыйского агент выделил *Dziennik Narodowy* и *Trzeci Maj*. Во вторую группу, «унионистскую» или «объединительную» (фр. *unioniste*), вошли брюссельский *Orzeł Biały* и парижская *Nowa Polska* – печатные органы возглавляемого Лелевелем «Объединения польской эмиграции». Без конкретных идеологических маркировок остались 4 газеты. Во-первых, два издания под названием *Demokrata* (одно, выходящее в Пуатье, другое – как указано в письме, «раз в три месяца», в Париже). Во-вторых, парижская сатирическая *Pszonka* и пуатьерская *Les circulaires de l'union* – единственная газета из перечня, названная в донесении по-французски⁴³⁰.

В случае пуатьерского *Demokrata* речь идет, скорее всего, о новообразованной газете Казимежа Томкевича, бывшего редактора *Demokrata Polski*, главного печатного органа «Польского демократического общества» (ПДО). Томкевич откололся от ПДО и примкнул к «Объединению польской эмиграции» Лелевеля⁴³¹. В свою очередь, второй *Demokrata*, по-видимому, являлся оригинальным изданием под названием *Demokrata Polski*, оставшимся верным ПДО и ставшим его центральным органом. Известно, что после разрыва с Томкевичем редакция этой газеты в апреле 1841 г. переехала в Париж⁴³². Судя по всему, ни Яков Николаевич, ни его осведомитель не успели уловить тонкую разницу между двумя демократическими, но при этом враждующими между собой газетами.

Наконец, вышеотмеченная *Les circulaires de l'union*, наверное, являлась одной из газет «Объединения польской эмиграции» Лелевеля (поскольку в ее названии

⁴³⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 191. Л. 29.

⁴³¹ Фалькович С.М. Указ. соч. С. 93.

⁴³² Там же.

есть слово «union», т.е. от фр. «союз» или «объединение»), созданной, однако, для информирования французского населения, не владеющего польским языком.

Толстой довольно скептически относился к идее мониторинга прессы «польских выходцев». В донесении заместителю Бенкендорфа Леонтию Васильевичу Дубельту 1 (13) января 1842 г. Яков Николаевич спросил, следует ли ему продолжать высылать дальше номера газеты *Dziennik Narodowy*. «Это, впрочем, – продолжил Толстой, единственный польский журнал, который выходит здесь достаточно регулярно...». Существование остальных газет, появляющихся лишь время от времени, по мнению Толстого, являлось «мимолетным и недолговечным»⁴³³.

В дальнейших отчетах Яков Николаевич практически ничего больше не сообщал о польских газетах. Судя по всему, он полагал, что «газеты-однодневки» явно не стоили особого внимания высшего надзора. Дубельт и Бенкендорф (а после 1844 г. – и Орлов), по-видимому, с ним согласились.

Примечательно, что российский политический сыск совершенно не пытался вести идеологическую работу среди польской эмиграции и довольно равнодушно относился к идеям «славянской солидарности» и панславизма. В отчете III отделения за 1845 г. среди эмиграционных обществ упоминалась весьма специфическая «политико-религиозная секта», во главе с одиозным польским мистиком Анджеем Товяньским (1799–1878/1879), который искал «безумцев, предающих себя в пожизненное рабство для слепого и беспрекословного исполнения его повелений». В число таких «безумцев» некоторое время входил и великий польский поэт Адам Мицкевич. В отчете отмечалось, что общество Товяньского все более сближалось с «так называемым панславянизмом» и «не питало против России такой непримиримой вражды, как другие [общества]». Компромиссное отношение к России давало эмигрантам повод подозревать Товяньского в работе на российскую тайную полицию: «От этого демагоги бранят всегда и везде товянщину, а самого основателя провозгласили русским

⁴³³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 191. Л. 1.

шпионом»⁴³⁴. В этом комментарии явно обращает на себя внимание то, что понятие «панславизм» однозначно ассоциируется с некой чуждой для российского самодержавия идеологией, характерной для политических сектантов. При этом любопытно, что именно тогда, в 1840-х гг., европейская пресса стала активно спекулировать на угрозе «русского панславизма»⁴³⁵. Кроме того, из текста отчета следует, что Товяньский не был русским агентом и что деятели польской эмиграции могли иметь несколько преувеличенное представление о возможностях и целях русского политического сыска. Пропаганда идей в духе «славянской взаимности» теоретически могли бы стать инструментом раскола эмиграции, ее перевербовки и перевоспитания. Однако высшая полиция стремилась не перевоспитывать эмигрантов, а только держать их как можно дальше от своих границ.

Спекуляции на тему «так называемого панславизма» не были интересны и Толстому. В донесении 1 (13) января 1843 г. он писал Бенкендорфу, что к нему обратился некий незнакомый ему поляк, граф Вацлав Яблоновский, с предложением основать журнал, который будет заниматься «обсуждением интересов славян». Толстой отказался от сотрудничества с графом по двум причинам.

В первую очередь, этот проект являлся «утопией, созданной пылким воображением поляков»⁴³⁶. Использование «панславизма» для обработки общественного мнения в пророссийском духе означало с точки зрения николаевской концепции полицейского надзора переход на весьма зыбкую почву революционной «демагогии». Яблоновский, бывший приверженец Чарторыйского, принадлежал к пророссийскому и панславистскому меньшинству польской эмиграции, считавшему, что Польша должна прийти к политическому

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. М., 2016. №5. С. 6–7.; См. подробнее: Она же. Панславизм: реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М.: 2023. С. 156–162.

⁴³⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 195. Л. 18.

компромиссу с Россией. Польский граф считал, что Польша должна признать над собой и над всем славянским миром верховенство династии Романовых. Самодержавие же, по мнению Яблоновского, должно было взамен гарантировать Польше автономию и либеральное устройство⁴³⁷.

Кроме того, Толстой посчитал предложение польского панслависта нереализуемым чисто с материальной точки зрения: самые успешные польские журналы, спонсируемые Чарторыйским и Замойским, собирали максимум до 300 подписчиков и при этом все равно через определенное время разорялись. Обладавший богатым опытом в сфере журналистики Яков Николаевич отметил, что для нормальной работы журналу во Франции нужно не менее 2000 подписчиков⁴³⁸.

Скепсис к панславистским идеям польского графа проявлял не только Толстой. В архиве III отделения сохранилось дело, посвященное контактам Яблоновского с российским посольством в Париже. От 1840-х гг. до начала 1860-х гг. польский панславист регулярно высылал свои предложения на имя российских императоров – сначала Николая I, а затем и его сына Александра II. Во всех случаях он получал отказ⁴³⁹. По-видимому, поддержку таких панславистов и использование панславизма с целью обработки западного общественного мнения в пророссийском духе российское руководство считало политически нецелесообразной авантюрой. Николаевское самодержавие выступало за сохранение статус-кво и равновесия сил на европейском континенте, в то время как идея панславизма предполагала отторжение славянских земель Австрии и Османской империи в пользу России⁴⁴⁰.

Таким образом, агентурная разработка «пророссийских» польских эмигрантов вроде Товяньского и Яблоновского не представляла интереса для

⁴³⁷ *Kuk L.* Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej): geneza, uwarunkowania, podstawowe koncepcje. Toruń, 1996. S. 202–212.

⁴³⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 195. Л. 18.

⁴³⁹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848. Ед. хр. 815.

⁴⁴⁰ *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849. Warszawa, 1994. S. 271–272.

политического сыска николаевской эпохи. Польские панслависты в лучшем случае представляли безобидными чудаками, а в худшем – сомнительными авантюристами.

Толстой обращал серьезное внимание только на тех эмигрантов, которые распространяли откровенно недостоверную информацию в западной прессе. В 1840-х гг. консервативный лагерь польской эмиграции стал активно спекулировать на теме преследования униатского духовенства в Российской империи. Главным рупором католической пропаганды среди «польских выходцев» являлась группировка «Змартвыхвстаньцев», которая в ежегодном отчете III отделения за 1845 г. была обозначена как «общество Резюррекционистов»⁴⁴¹. Группировка состояла преимущественно из польского духовенства, которое владело монастырями в Париже и в Риме, обладало «денежными средствами более всех других партий», организовывало благотворительные учреждения для соотечественников, а также имело обширные сношения с римским, польским и французским духовенством⁴⁴².

Лидеры этого общества, аббат Рылло и ксендз Еловицкий, на рубеже 1845–1846 гг. организовали во французских газетах пропагандистскую кампанию вокруг фальшивой истории о том, что православная церковная иерархия во главе с митрополитом Иосифом (Семашко) жестоко преследовала монахинь базилианского⁴⁴³ монастыря под Минском. Объявившейся в Париже «аббатисе» этого монастыря, Макрене Мечиславской, якобы удалось «спастись». Влияние пропаганды было настолько сильно, что Толстому отказали в публикации опровержения этой фальшивки даже в дружественных изданиях «La Presse» и «La France». Накал страстей немного утих только после того, как агенту удалось поместить свою разоблачительную публикацию в протестантском журнале «Sémeur», который боролся с нетерпимостью по отношению к протестантам во

⁴⁴¹ От фр. Resurrection – Воскресение. Также известны как «змартвыхвстаньцы» (польск. *Zmartwychwstańcy* – буквально «воскресенцы»).

⁴⁴² Россия под надзором. С. 367.

⁴⁴³ Базилиане – униатский монашеский орден в составе католической церкви, живущий по уставу св. Василия Великого.

Франции. Очевидно, что протестанты были заинтересованы в том, чтобы дискредитировать католических ультраклерикалов⁴⁴⁴.

В донесении 17 февраля (1 марта) 1846 г. Толстой весьма метко подвел итоги этой пропагандистской кампании: «...мы увидели, как религиозный элемент приходит на помощь наиболее радикальным доктринам...»⁴⁴⁵. Из сообщения Якова Николаевича III отделения получило любопытные сведения о том, что антироссийские и пропольские акции во Франции поддерживали две политические силы, которые, казалось бы, находились на разных полюсах. С одной стороны находились радикальные католики-консерваторы во главе с графом Шарлем де Монталамбером (1810–1870), для которых поляки были интересны как преследуемые братья по вере. С другой стороны, за поляков выступали радикальные республиканцы, традиционные враги консервативных монархий, выступавшие за перестройку Европы на основе «принципа национальностей».

В ежегодном отчете III отделения за 1847 г. впервые фиксируется факт сотрудничества еще немногочисленных русских изгнанников и польских эмигрантов. На заседании 29 ноября 1847 г. по случаю годовщины восстания 1830–1831 гг. выступил Михаил Александрович Бакунин: «Представляя положение России в мнимом угнетении, изливая клеветы на Ваше Императорское Величество, он приглашает поляков оставить вражду к русским, и соединясь с ними, действовать заодно против Вашего Величества. Речь его была сопровождена шумными одобрениями поляков!». По запросу российского посольства французские власти изгнали его из Парижа⁴⁴⁶. Это было первое публичное

⁴⁴⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 197. Л. 1–4. Толстой – Орлову, 17 февраля/1 марта 1846 г.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 37.

⁴⁴⁶ Россия под надзором. С. 395. Это сообщение о речи Бакунина явно взято непосредственно из донесения Я.Н. Толстого 6 (18) декабря 1847 г. См.: ГА РФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 4а. Д. 198. Л. 80. Ни в донесении Толстого, ни в отчете III отделения не уточнялось, на заседании какой польской группировки выступал русский революционер. По случаю годовщины восстания было три самостоятельных собрания – консервативного «Отеля Лямбер», ПДО и умеренно демократического комитета генерала Ю. Дверницкого. Бакунин выступал на

выступление Бакунина, которое приобрело всеевропейскую известность – русский революционер по своей популярности встал в один ряд с фигурами вроде Л. Мерославского и Дж. Мадзини⁴⁴⁷. К 1847 г. Бакунин уже имел личное знакомство с большинством лидеров эмиграции, включая не только, например, близкого ему по воззрениям Лелевеля, но и консерватора Чарторыйского⁴⁴⁸.

Таким образом, в 1840-х гг. система агентурного надзора за польской эмиграцией вполне удовлетворяла запросы российского руководства. Приоритетной задачей российского политического сыска было обеспечение безопасности польских владений Российской империи от проникновения диверсионных групп и потенциальных царубийц. И с этой задачей высшая полиция успешно справлялась. Однако деятельность польской эмиграции создавала многочисленные «точки напряженности» вокруг границ Российского государства, а ее существование оставалась фактом, с которым приходилось считаться.

4. Польская эмиграция накануне и во время Крымской войны в донесениях Я.Н. Толстого

Подавление европейских революций 1849–1849 гг., в которых эмиграция принимала деятельное участие, на время привело к спаду революционно-повстанческой активности. В отчете III отделения за 1852 г. отмечалось, что «политические вопросы, возмущавшие спокойствие Западной Европы, видимо

последнем мероприятии. ПДО не приглашало на такие церемонии иностранцев, в то время как открытый к сотрудничеству с представителями самых разных идеологий и национальностей генерал Дверницкий собирал у себя весьма пеструю по составу публику. См.: *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001. С. 186.

⁴⁴⁷ *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч. С. 185.

⁴⁴⁸ Там же. С. 180.

теряют свое прежнее значение, и народы, утомленные волнениями, начали оставлять свои заблуждения и обращаться к прежним занятиям»⁴⁴⁹.

Тем не менее, эмиграция не отказалась от борьбы за возрождение польской независимости. Деятели польского национального движения сохраняли надежду, что им удастся сыграть на противоречиях и конфликтах между великими державами. И одним из таких крупных конфликтов, вызывающих воодушевление политических изгнанников, стала назревающая в первой половине 1850-х гг. Крымская война⁴⁵⁰. Россия, владевшая большей частью бывших земель Речи Посполитой, вступала в открытую схватку с западными державами, приютившими польских эмигрантов.

Донесения Я.Н. Толстого о политическом курсе Франции и Великобритании в этот период были особенно актуальными. Еще на исходе лета 1849 г. он приобрел в качестве осведомителя парижского журналиста Паскаля – военного секретаря самого президента Луи Наполеона (с декабря 1852 г. – императора Наполеона III)⁴⁵¹. У него имелся ценный информатор и в британских кругах в лице директора Колониального банка Форбса Кэмпбелла⁴⁵². В начале февраля 1854 г., незадолго до разрыва дипломатических отношений России с Францией и Великобританией, Толстой вместе с русским посольством перебрался в Брюссель, столицу Бельгии, занимавшей нейтралитет во время Крымской войны. Тем не менее, ему удалось сохранить связь с частью своих парижских агентов и корреспондентов⁴⁵³.

Уже в 1850 г. Толстой стал получать тревожные сведения о польской политике режима Луи Наполеона, недавно пришедшего к власти. В донесении 15 (27) марта он отметил, что префект парижской полиции Пьер Карлье (1794–1858) приказал удалить из города большое число иностранцев, то есть революционеров-

⁴⁴⁹ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 433.

⁴⁵⁰ *Kalembka S. Wielka Emigracja, Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831–1862.* Toruń, 1971. S. 384.

⁴⁵¹ Черкасов П.П. Указ. соч. С. 324.

⁴⁵² Там же. С. 320.

⁴⁵³ Абакумов О.Ю. Указ. соч. С. 53; Черкасов П.П. Указ. соч. С. 380.

эмигрантов, наводнивших Париж после «Весны народов» 1848–1849 гг. При этом некоторых из этих людей, с точки зрения агента представляющих угрозу для политической стабильности, префект велел не трогать. «Достаточно назвать Мерославского⁴⁵⁴ и графа [Ксаверия] Браницкого⁴⁵⁵, чтобы убедиться, что эти меры не были полными», – возмущался Толстой. Браницкого не депортировали под предлогом наличия у того собственности во Франции, хотя закон, как подчеркнул агент, позволял высылать любых иностранцев (французское гражданство граф получит только в 1854 г.). Яков Николаевич отметил, что Браницкий «очень богат» и «давал много денег эмигрантам, социалистам и прудонистам». В частности, по донесению Толстого, он ежемесячно отправлял газете Прудона «Голос народа» 10000 франков и «совсем недавно» переслал сумму в 100000 франков польским эмигрантам в Лондоне⁴⁵⁶.

В дальнейшем Толстой выяснил причины столь избирательного отношения французской полиции к некоторым польским революционерам и их покровителям. В донесении 2 (14 мая) 1853 г. он отметил, что многие поляки работают при дворе Жерома Бонапарта (1784–1860), младшего брата Наполеона I и экс-короля Вестфалии. Сын Жерома, Жозеф (он же принц Наполеон, двоюродный брат Наполеона III, известный по прозвищу «Плон-Плон»⁴⁵⁷, 1822–1891) жил в компании Л. Мерославского, Ю. Высоцкого⁴⁵⁸ и «других». «Красным генералам»

⁴⁵⁴ Людвик Мерославский (1814–1878) – известный польский революционер и военачальник, теоретик военного искусства и литератор, один из лидеров Польского демократического общества (ПДО). Подробнее о нем см.: *Żychowski M. Generał klęski: Ludwik Mierosławski. Warszawa, 1965.*

⁴⁵⁵ Браницкий Франтишек Ксаверий (1816–1879) – польский граф и меценат из известного магнатского рода Браницких, служил адъютантом генерал-фельдмаршала и наместника Царства Польского И.Ф. Паскевича. В 1844 г. эмигрировал. Один из основателей французского Земельного банка (фр. *Crédit Foncier*), существующего по сей день.

⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп.4а. Д. 200. Л. 31–32.

⁴⁵⁷ Испорч. от «Наполеон».

⁴⁵⁸ Высоцкий Юзеф (1809–1873) – известный повстанческий предводитель, близкий соратник Л. Мерославского. О его деятельности во время Крымской войны см. подробнее: *Skatuba P. Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod*

Мерославскому и Высоцкому принц поручил составление статистических заметок и обзоров мнений и нравов жителей польских провинций Российской империи⁴⁵⁹. Упомянутый выше граф Браницкий также пользовался «специальным расположением» Жозефа Бонапарта⁴⁶⁰.

Особые отношения Бонапартов с Мерославским, Высоцким и Браницким сложились на фоне раскола в Польском демократическом обществе. 6 июня 1849 г. в Париже прошла манифестация лево-демократических и социалистических сил против президента Луи Наполеона. В ответ на это выступление французское правительство приказало распустить политические общества и остановить издание радикально-демократических журналов. Под удар попало и ПДО и с его изданием *Demokrata Polski*; общество участвовало в демонстрации против президента совместно с французскими радикалами.

Выступавшие против бонапартизма деятели ПДО во главе со Станиславом Ворцелем и Войцехом Дарашем переместили свою деятельность в Лондон. Там они сблизились с Дж. Мадзини, В. Гюго (яростным обличителем Наполеона III), А.И. Герценом и другими известными революционерами, организовавшими «Центральный комитет европейской демократии». В то же время, правое крыло ПДО во главе с Мерославским и его верившими в «наполеоновскую легенду» сторонниками встало на сторону бонапартистского режима и подружилось с «красным принцем» Жеромом, известным своими симпатиями к революционному движению и к полякам⁴⁶¹.

Замечание Толстого о том, что Мерославский и Высоцкий привлекались к составлению статистического описания польских владений России, весьма любопытно. Мерославский еще в 1830-х гг. снискал себе среди польских

dowództwem generała Józefa Wysockiego w latach 1853–1855 // *Bezpieczeństwo. Teoria i praktyka*. Kraków, 2010. Nr 3–4. S. 211–218.

⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп.4а. Д. 203. Л. 75.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 76.

⁴⁶¹ *Żychowski M.* Op. cit. S. 416–418; *Ziółek J.* Emigracja polska po 1848 roku. *Działalność polityczna* // *Roczniki humanistyczne*. Lublin, 1996. T. XLIV. Zesz. 2. S. 187–193; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 141–145.

эмигрантов славу теоретика военного искусства своими трудами об истории восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском. Современники особенно подчеркивали его знания в области военной географии⁴⁶². Случай Мерославского показывает, что для французского руководства польская эмиграция могла представлять интерес в качестве источника экспертных знаний на случай войны с Россией.

Избирательность польской политики французской Второй империи хорошо показывает случай, который Толстой привел в донесении 10 (22) октября 1851 г. Группа польских и венгерских эмигрантов в Париже во главе с графом Кросновским⁴⁶³ выразила желание отправиться в английский г. Саутгемптон, чтобы устроить приветствие Лайошу Кошуту, герою Венгерской революции 1848–1849 гг. и вручить ему в знак признательности позолоченную чашу. Однако префект парижской полиции Карлье решительно положил конец этому проекту. Он заявил, что, несомненно, не может препятствовать им покинуть Францию, но при этом имеет все полномочия, чтобы помешать им вернуться⁴⁶⁴.

Таким образом, как выяснил Толстой, режим Наполеона III жестко подавлял эмигрантов, сотрудничавших с его противниками, но при этом весьма благосклонно относился к «послушной», пробонапартистской части «польских выходцев».

Еще более настороженно Яков Николаевич комментировал отношение британского правительства к политическим эмигрантам. В донесении 1 (13) сентября 1850 г. он сообщил тревожные новости об активности европейских революционеров, нашедших прибежище в Лондоне. Итальянский революционер Дж. Мадзини и французский левый республиканец А. Ледрю-Роллен призвали демократов «всего мира» делать пожертвования на формирование некоего денежного капитала, который «подобно рычагу Архимеда перевернет мир». Ранее

⁴⁶² *Żychowski M. Op. cit. S. 136–138.*

⁴⁶³ Кросновский Адольф (1794–1873) – польский эмигрант и публицист, участник Ноябрьского восстания 1830–1831 гг.

⁴⁶⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 201. Л. 102.

упомянутый граф и банкир Браницкий вложил в этот проект 20 тыс. фунтов стерлингов⁴⁶⁵.

Агента удивляло, что английское правительство «погрузилось в безрассудную апатию» и никак не препятствовало деятельности радикалов. «Деньги, двигатель всего в этом мире, – рассуждал Толстой, – если попадут в кровавые руки разрушителей могут привести к уничтожению общества». Знакомый лондонский солиситор (юрисконсульт) Якова Николаевича заверил его, что у английского правительства есть возможность запустить предусмотренную законом процедуру и арестовать формируемый революционерами капитал. Однако этот же знакомый Толстого был убежден, что «министерство вигов⁴⁶⁶ этого не сделает» и что «Англия шагает навстречу революционной бездне с ужасающей скоростью»⁴⁶⁷.

Иммиграционная политика Великобритании была одной из самых либеральных в мире, и на Туманный Альбион стекались наиболее радикальные политические изгнанники со всей Европы, которых не могли терпеть в других государствах⁴⁶⁸. Недоумение Толстого по поводу «апатии» британского правительства объяснялось тем, что он был свидетелем февральской революции 1848 г. во Франции и похожих потрясений в других европейских странах во время «Весны народов». С его точки зрения и жизненного опыта было логично предполагать, что такая же судьба постигнет и Англию, если она не перестанет потворствовать революционному элементу. Тактику режима Наполеона III (одних радикалов нейтрализовать, других использовать), как следует из приведенных выше донесений, он понимал, но не одобрял. Британская же политика "открытых дверей" казалась ему иррациональной и губительной.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 200. Л. 127

⁴⁶⁶ В 1846–1852 гг. должность премьер-министра Великобритании занимал Джон Рассел (1792–1878), лидер партии вигов.

⁴⁶⁷ Там же. Д. 200. Л. 127–128.

⁴⁶⁸ О миграционном законодательстве Соединенного Королевства в 1826–1905 гг. см. подробнее: *Marchlewicz K. Wielka Emigracja na Wyspach Brytyjskich (1831–1863). S. 43–48.*

Похожие тенденции в польской политике Франции и Великобритании Толстой наблюдал и после вступления этих держав в Крымскую войну на стороне Турции. В донесении 25 апреля (7 мая) 1854 г. он сообщил о консультациях французского и британского правительств по поводу возможности формирования польского легиона для участия в боевых действиях против Российской империи на стороне западных союзников. Английский кабинет, «для которого все средства хороши», считал, что поляков и вообще всех врагов России надо вербовать в массовом порядке вне зависимости от их политической ориентации. В то же время, французское руководство не хотело, чтобы «взбалмошные» поляки революционно-республиканских взглядов входили в состав иностранных частей на стороне Запада. Французы стремились удалить «демагогический элемент» из этих частей и даже думали их «отсортировать», чтобы укомплектовать будущий легион более умеренными представителями консервативного лагеря Чарторыйского. «Как бы то ни было, – заключил Толстой – существует вероятность, что будет организован корпус из польских выходцев»⁴⁶⁹. Таким образом, агент вновь обратил внимание на то, что французы готовы были поддерживать только политически надежных, с их точки зрения эмигрантов, в то время как англичане не проявляли такой щепетильности.

Во время Крымской войны союзники действительно пытались создавать подразделения из поляков. Однако полноценных легионов, которые бы официально назывались «польскими» и выступали бы под польскими знаменами, так и не было сформировано. В османской армии с конца 1853 г. существовал 1-й полк султанских казаков под руководством Михала Чайковского (Садыка-паши), агента консервативного лагеря Чарторыйского. В октябре 1854 г. был организован 2-й полк султанских казаков под командованием другого близкого соратника князя Адама – графа Владислава Замойского (1803–1868). В ноябре 1855 г. его преобразовали в дивизию султанских казаков. Однако в реальных боевых

⁴⁶⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 205. Л. 82.

действиях успело поучаствовать только формирование Чайковского⁴⁷⁰. Демократическому крылу польской эмиграции не удалось образовать собственных подразделений, поскольку западные союзники не поддержали проект «красного генерала» Ю. Высоцкого по созданию польских легионов⁴⁷¹.

«Польская карта» так и не была полноценно задействована во время Крымской войны. С одной стороны, деятельность польской эмиграции заметно активизировалась. В ежегодном отчете III отделения за 1854 г. фиксировалось, что «с нападением на Россию вооруженных неприятелей польские выходцы рассылали эмиссаров, направляя их напрямую в Царство Польское»⁴⁷². В то же время, польское национальное движение не получило каких-либо официальных гарантий воссоздания польской государственности от западных союзников, что не благоприятствовало новому полноценному восстанию против России. В приведенном выше отчете явно прослеживается мысль, что реальная угроза безопасности польских владений Российской империи отсутствовала: «В жителях Царства Польского война возбудила преступные чувства и мечты <...> Но при благоразумно принятых мерах правительством спокойствие до сего времени и там не нарушалось»⁴⁷³.

Из дальнейших донесений Толстого следовало, что страны, противостоящие России, не планировали воссоздавать польское государство. В донесении 7 (19) июня 1854 г. агент сообщил о весьма примечательной встрече принца Наполеона с группой революционно-демократических деятелей из Княжества Валахия. Императорский кузен не стал обещать им поддержку со своей стороны ввиду ее заведомой «неэффективности». Некий поляк из свиты «красного принца» объяснил валашским делегатам, что «даже для Польши ничего не будет сделано». Толстой подчеркнул, что маршал Арман Леруа де Сент-Арно (1798–1854), возглавлявший

⁴⁷⁰ *Karownik K. Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853-1856 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. Warszawa, 2012. T. 13. Nr 4. S. 215–233.*

⁴⁷¹ *Skaluba P. Op. cit. S. 216.; Капитанова О.С. Указ. соч. С. 429.*

⁴⁷² Россия под надзором. С. 438.

⁴⁷³ Там же. С. 439.

французские экспедиционные силы в Крыму вплоть до своей гибели 29 сентября этого же года, «высказался в том же ключе о Польше». Французский военачальник отметил, что вмешательство в польский вопрос зависит от позиции Австрии и Пруссии. «Только если обе эти державы встанут на сторону России, мы сможем заняться вопросом, остались ли еще у белого орла какие-нибудь перья [подчеркнуто в оригинале – *И. Б.*]», – заключил маршал⁴⁷⁴.

Очевидно, что под «белым орлом» подразумевалась Польша. Великобритания и Франция опасались, что официальная поддержка польского национального движения может поставить под сомнение статус польских земель под владычеством Австрии и Пруссии и вынудить эти державы встать на сторону России. Не случайно, что на Венской конференции 20 ноября (2 декабря) того же 1854 г., завершившейся подписанием тройственного союза между Англией, Францией и Австрией, польский вопрос был обойден молчанием⁴⁷⁵.

Примечательно, что в упомянутом выше донесении от 7 (19) июня 1854 г. Толстой мимоходом упомянул о наличии неких «разногласий» между маршалом Сент-Арно и принцем Наполеоном по вопросу организации польского легиона⁴⁷⁶. Логично предположить, что суть разногласий заключалась в том, что «Плон-Плон» стремился поддержать национальные требования поляков, в то время как маршал призывал воздержаться от активного вмешательства в польский вопрос. Следует отметить, что у «красного принца» имелись даже планы принять на себя польскую корону, о чем он сообщил во время личной беседы с «красным генералом» Ю. Высоцким в Константинополе 5 января 1855 г.⁴⁷⁷ По всей видимости, во французских правящих кругах победила взвешенная точка зрения Сент-Арно, предлагавшего опереться на Австрию, а не императорского кузена, мечтавшего о возрождении польского государства под скипетром Бонапартов.

⁴⁷⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 205. Л. 107.

⁴⁷⁵ *Капитанова О. С.* Указ. соч. С. 432.

⁴⁷⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 205. Л. 105.

⁴⁷⁷ *Żychowski M.* Op. cit. S. 437–438;

Таким образом, русский резидент сигнализировал своему руководству в III отделении, что полноценная поддержка польского национального движения не будет играть существенной роли в текущих планах Франции и Великобритании. Западные союзники явно рассматривали «польскую карту» в качестве запасного средства давления на Россию. Говорить всерьез о восстановлении Польши они были готовы только в случае возникновения крайне неблагоприятной для них военно-дипломатической ситуации. Очевидно, что в данном конфликте им было выгоднее и безопаснее заручиться благорасположением Габсбургской монархии.

Еще задолго до завершения Крымской войны (март 1856 г.) в донесении от 27 ноября (9 декабря) 1854 г. Толстой отметил, что парижские поляки «стали думать о том, как бы сделать так, чтобы польский вопрос был включен в повестку дня будущей мирной конференции»⁴⁷⁸. П.П. Черкасов полагает, что именно благодаря этим сведениям российская делегация на Парижском конгрессе 1856 г. во главе с шефом III отделения А.Ф. Орловым (1786–1861) была подготовлена к планам западных держав навязать России обсуждение польского вопроса. Орлов категорически отказался его обсуждать, заявив, что судьба Польши находится в исключительной компетенции российского императора⁴⁷⁹. Здесь следовало бы уточнить, что информированность российской делегации была обусловлена не только благодаря этому сообщению Толстого от 27 ноября (9 декабря) 1854 г, но и целому ряду его предыдущих и последующих донесений о политике правящих кругов Франции и Великобритании в области польского вопроса.

Данные, которые Толстой получал от собственных информаторов, по-видимому, только укрепляли его убежденность в первоначальном прогнозе. В донесении 28 декабря 1854 / 9 января 1855 г. он привел сведения одного из своих парижских корреспондентов о том, что некоторые предводители польской эмиграции проводили частые встречи с французским министром иностранных дел Друэном де Люисом (1805–1881). Глава МИД даже вселял в них надежду на

⁴⁷⁸ Цит. по: *Черкасов П.П.* Указ. соч. С. 391.

⁴⁷⁹ Там же. С. 408.

возможность тайной аудиенции с Наполеоном III. «Если верить некоторым неосторожным высказываниям, – цитирует своего информатора Толстой, – будет обсуждаться вопрос о необходимых ресурсах для организации восстания в Польше в мае. Говорят, что Австрия не будет этому препятствовать и пожертвует Галицией с целью получить определенные компенсации»⁴⁸⁰.

В июне-июле 1854 г. А. Чарторыйский и Вл. Замойский предлагали похожий компромисс австрийскому руководству и Наполеону III. Согласно их плану, Австрия предоставляла Галиции независимость и обязывалась содействовать освобождению остальных польских земель. В обмен на это ей должны были отойти Дунайские княжества (Молдавия и Валахия), а член династии Габсбургов занял бы трон в возрожденной Польше⁴⁸¹.

Однако осведомитель Толстого подчеркнул, что эти проекты существуют только «в частных разговорах и на бумаге», что русские войска «занимают Польшу и смогут ее удержать». Он высказал уверенность, что поляки, «столько раз становившиеся жертвами обещаний эгоистической политики Запада, в конце концов, ясно это увидят и не позволят себя обманывать»⁴⁸².

Планы компромисса с Австрией в итоге не продвинулись дальше слухов, кулуарных бесед и намеков. Как отмечалось выше, союзный договор Австрии, Великобритании и Франции в декабре 1854 г. не предусматривал каких-либо уступок польской стороне. В свою очередь, польский вопрос так и не был включен в официальную программу Парижского мирного конгресса в марте 1856 г.⁴⁸³

Подводя итог главе, отметим, во-первых, что российский заграничный сыск следил, прежде всего, за проектами цареубийства и планами отправки эмигрантов в польские земли. Эти направления связывались непосредственно с фигурой Лелевеля, демократическим лагерем эмиграции, а также союзными им радикалами

⁴⁸⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 204. Л. 1.

⁴⁸¹ *Капитанова О.С.* Указ. соч. С. 431–432.

⁴⁸² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 204. Л. 1.

⁴⁸³ Там же. С. 434.

из других европейских стран. Примечательно, что именно в этой среде работали важнейшие агенты, Вернер и Шостаковский.

Во-вторых, заграничный сыск почти не интересовался нюансами идеологического противостояния между группировками «польских выходцев». Нет упоминаний о попытках агентов использовать разногласия среди эмиграции с целью посеять в ней рознь. Вероятно, руководители полицейского сыска не видели в этом необходимости, полагая, что эмиграция развалится сама из-за внутренних противоречий. По-видимому, агентуру предполагалось использовать, прежде всего, для предупреждения конкретных диверсий, а не для изоциренных психологических операций.

В-третьих, российская тайная полиция явно располагала развитой сетью осведомителей в приграничных с Царством Польским районах. Ей было известно, по каким каналам эмигранты снабжаются средствами и фальшивыми паспортами в Краковской республике. Она знала о заигрываниях австрийского и прусского руководства с польской эмиграцией и просчитывала риски такой политики для России.

Во-четвертых, российская высшая полиция осознавала, что Франция и Великобритания рассматривали польскую эмиграцию исключительно как инструмент внешнеполитических игр, который в определенных ситуациях мог создавать и неудобства западным государствам. Правительства Луи-Филиппа и Наполеона III подавляло эмигрантов, угрожавших внутривнутриполитической стабильности Франции, но покровительствовало тем, кто был лоялен. Великобритания предоставляла убежище самым радикальным деятелям, но не отдавала явного предпочтения какой-либо из группировок.

Наконец, развитие агентурного надзора за польской эмиграцией в николаевскую эпоху демонстрирует, что российская тайная полиция придерживалась практически исключительно оборонительной стратегии в противостоянии с польской эмиграцией. Ее целью была не столько борьба с «польскими выходцами», сколько недопущение польских эмиссаров в пределы Российской империи, а также точечное опровержение пропольских публикаций в

западных изданиях, которое не переходило в полноценную «информационную войну».

Глава 3. Польская эмиграция в контексте системы агентурного надзора после Крымской войны и до второй половины 1870-х гг.

1. Новые веяния в работе заграничной агентуры в среде польской эмиграции после Крымской войны. Идентичность и национальное самосознание тайных агентов польского происхождения (на примере Ю. Балашевича-Потоцкого)

Система заграничного агентурного надзора на польском направлении в правление Александра II в общих чертах сохранила устройство николаевской эпохи. С институциональной и организационной точек зрения ядро этой системы по-прежнему составляли III отделение, полиция Царства Польского и посольства. Система не предусматривала специальной подготовки сотрудников и какой-либо особой профессиональной иерархии. Как и прежде, сыскными мероприятиями официально руководили военачальники, гражданские чиновники и дипломатические работники. Им подчинялась заграничная агентура, большую часть которой подобно временам царствования Николая I составляли перебежчики из рядов польской эмиграции.

Вместе с тем масштабы деятельности заграничной агентуры, несмотря на сохранение старой организационной структуры политического сыска, в значительной мере изменились. Если в николаевскую эпоху применение политической провокации и вообще ведение активных наступательных против эмиграции имело явно ситуативный характер, то новое поколение агентов конца 1850-х – 1870-х гг. стало активно проводить подрывные операции против политических противников самодержавия. Во второй половине 1850-х гг. агент III отделения Генрик Михаловский препятствовал издательской и пропагандистской работе А.И. Герцена, войдя в круг его доверенных лиц. В 1860–1870-х гг. Адольф Стемповский, цюрихский корреспондент главного редактора «Варшавского

дневника»⁴⁸⁴ Н.И. Павлицева, поставлял дискредитирующие сведения о польской эмиграции для российской прессы. Стемповский известен, главным образом, своей провокацией, приведшей в 1872 г. к аресту С.Г. Нечаева швейцарскими властями⁴⁸⁵. В 1864–1865 гг. под руководством генерал-полицмейстера Царства Польского Ф.Ф. Трепова была организована не имевшая ранее прецедентов операция, в ходе которой завербованный царскими властями бывший участник восстания 1863–1864 гг. А. Звезховский сумел заманить в Варшаву влиятельных лидеров польской эмиграции В. Даниловского, З. Янчевского, М. Улятовского и В. Рудницкого с целью их последующего ареста. Провокатору удалось убедить их в том, что в Царстве Польском существует подпольное Национальное правительство и что край готов к очередному восстанию⁴⁸⁶.

Кроме того, в правление Александра II понемногу стала повышаться престижность агентурной работы. Типичный агент заграничного сыска николаевской эпохи – это ренегат, сомнительная личность «со стороны», которая работает на самодержавие не из чувства гражданского долга, а по причине сложных жизненных обстоятельств (в случае эмиграции таковыми часто являлась нехватка денежных средств). Конечно, и в александровское царствование, как отмечалось выше, большинство агентов составляли перебежчики из революционно-эмиграционных кругов. Однако в эту же эпоху появился уникальный пример деятельности мелкопоместного польско-литовского шляхтича и предпринимателя-антиквара Юлиана Александра Балашевича, говорящий о том, что для определенной части польского и русского общества работа в качестве

⁴⁸⁴ «Варшавский дневник» – официальная газета Царства Польского в 1864–1917 гг., выпускавшаяся на польском и на русском языках. Николай Иванович Павлицев (1802–1879) – русский историк-полонист, журналист и чиновник. Известен как муж Ольги Сергеевны, сестры А.С. Пушкина.

⁴⁸⁵ *Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Raporty szpiega. T. 1. 1973. S. 5–11.*

⁴⁸⁶ *Iwaszkiewicz J. Wielka prowokacja: rzekomy rząd narodowy 1865 r. Warszawa, 1928. 96 s.; Ramotowska F. “Wielka Prowokacja” 1864 r. w świetle nowych źródeł archiwalnych // Przegląd Historyczny. Warszawa. 1973. T. 64. Zesz. 1. S. 85–116.*

заграничного агента тайной полиции из позорного клейма превратилась в перспективное поле деятельности.

Балашевич, в отличие от многих других агентов, не принимал участия в польском национальном движении. Происходил он из Виленской губернии. В 1850-х гг. служил подпоручиком Ростовского гренадерского полка, но уже в 1858 г. «по семейным обстоятельствам» вышел в отставку. Польский историк-архивист Р. Гербер предположил, что реальной причиной увольнения были натянутые отношения с непосредственным командованием, которое, согласно отправленной в III отделение биографической справке, характеризовало Балашевича как «неприлежного офицера». Очевидно, что такая характеристика может свидетельствовать не сколько и не столько о негативных качествах виленского шляхтича, но и о том, что ему просто не удалось «ужиться» с начальством из-за своей неординарной натуры. Не сумев отличиться на военном поприще, отставной подпоручик переехал в Санкт-Петербург и попытался реализовать себя в литературе и публицистике. В 1859 г. Балашевич издавал на русском языке научно-литературный журнал «Орел», но после выпуска четырех номеров вынужден был его закрыть⁴⁸⁷. В 1860 г. в московской типографии В. Готье вышел сборник его польских стихов («Незабудки с берегов Невы») за 1844–1856 гг.⁴⁸⁸ Ни журнал «Орел», ни стихотворный сборник не принесли Балашевичу славы талантливого писателя и журналиста. Однако этот опыт явно пригодился ему в агентурной работе. Общественно-политическая жизнь польской эмиграции во многом строилась вокруг прессы. Используя в том числе этот канал, Балашевич умело провоцировал конфликты между эмиграционными предводителями и пытался перенаправить настроения эмигрантов в нужное для тайной полиции русло. Можно вспомнить, что и для Я.Н. Толстого журналистика являлась одним из ключевых инструментов деятельности (но уже для опровержения пропольских публикаций во

⁴⁸⁷ Ibid. S. 35.

⁴⁸⁸ *Bałaszewicz J. Niezabudki z brzegów Newy. Moskwa: drukarnia W. Gotie, 1860.*

французских изданиях). Но основным родом занятий виленского шляхтича, наряду с агентурной деятельностью, стала торговля антиквариатом (об этом см. далее).

Литературные произведения Балашевича также неопределимы для раскрытия руководящих им мотивов, идентичности и мировоззрения ввиду отсутствия полноценных автобиографических источников. В этой связи особую важность представляет стихотворение «Магнат в столице» (1855 г.)⁴⁸⁹ из упомянутого выше сборника «Незабудки с берегов Невы». Лирический герой, в котором явно угадывался сам автор – бедный, но благородный шляхтич-провинциал, который вступил в заочный конфликт с богатым и высокомерным польским графом, ведущим великосветский образ жизни в петербургских салонах. Оба – и мелкий шляхтич, и граф – как это следует из текста, были выходцами из Литвы. Мелкопоместный дворянин обратился к магнату с предложением о продаже антикварных монет, но получил от него надменный отказ, причем не лично, а через лакея. Шляхтича крайне возмутило заносчивое поведение графа, тем более что деньги ему были нужны не для личной выгоды, а для помощи попавшему в беду земляку. В завершающей стихотворение гневной инвективе лирический герой сослался на старинные обычаи Речи Посполитой, по которым простые шляхтичи были равны князьям и воеводам, поскольку традиционно считалось, что все представители польского благородного сословия имели одинаковые права вне зависимости от титулов и уровня благосостояния. Герой стихотворения подчеркнул, что его шляхетские предки не были богаты, но верно служили своей стране и не прислуживали «горделивым магнатам, угнетателям родины» – с его точки зрения, главным виновникам упадка Польши, получившим свои графские короны незаслуженно (польск. „za przejście wław suchego brodu”)⁴⁹⁰. Это замечание не случайно. Практика получения графских титулов польским дворянством находилась в противоречии с представлением о равенстве всех шляхтичей между собой. Представители высших слоев польской аристократии

⁴⁸⁹ Ibid. S. 1–11.

⁴⁹⁰ Ibid. S. 10.

зачастую получали их от иностранных правителей, то есть явно не за заслуги перед Речью Посполитой. Высокомерным манерам польских графов, кичившихся своим статусом, не имея реальных заслуг перед родиной, лирический герой противопоставил учтивое и обходительное обращение российского самодержца, который готов предоставить аудиенцию даже мелкому шляхтичу (польск. „Ja u monarchy miałem posłuchanie, a tu panisko daje harde zdanie”)⁴⁹¹. В этом стихотворении любопытен также момент с попыткой продать старинные монеты, который явно говорит о том, что уже тогда Балашевич активно интересовался антиквариатом и возможно даже зарабатывал им себе на жизнь.

Польский историк межвоенного времени Ян Кухажевский усмотрел в «Магнате в столице» «беспокойную надменность никчемного человека, который, будучи не способен пробиться трудом и способностями, обманутый в надеждах возвыситься на манер мелкопоместных бездельников, рекрутируемых при помощи влиятельных лиц, обратится в поисках фортуны к чужим, к врагам и продастся им за предательство собственной нации»⁴⁹². «Предателем» по умолчанию считал Балашевича и современник Кухажевского Ярослав Ивашкевич в своем кратком научно-популярном очерке об агенте⁴⁹³. Р. Гербер солидаризировался с мнением Кухажевского и Ивашкевича о «национальной измене» виленского шляхтича, однако не сделал однозначных выводов о мотивах этого поступка. Гербера «поразило», что шпион в своих отчетах постоянно подчеркивал свою преданность российскому монарху и свою «русскость», называл Россию своей родиной и выказывал ненависть «ко всему польскому». Исследователь пришел к выводу, что «личность ренегатов остается психологической загадкой и что объяснить это явление можно только «каким-нибудь извращенным психологическим метастазом»⁴⁹⁴.

⁴⁹¹ Ibid.

⁴⁹² Кухажевский Я. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 279–280.

⁴⁹³ Iwaszkiewicz J. Niebezpieczny prowokator. Mniemany hrabia Albert Potocki // Kurier Literacko-Naukowy. Nr 356. 1928. S. 14–15.

⁴⁹⁴ Gerber R. Op. cit. S. 74.

Однако, чтобы «предать» польскую нацию, нужно сначала присягнуть ей на верность и ощущать себя ее частью. Виленский шляхтич являлся подданным Российской империи и никогда не был аффилирован с какими-либо польскими национальными организациями, не участвовал в подпольной деятельности против царизма и не уезжал в эмиграцию. С его точки зрения, эмигранты и революционеры представляли собой «банду никчемных космополитов, самых никчемных, самых лихих людей», рискующих жизнью «неопытной молодежи»⁴⁹⁵. Из стихотворения «Магнат в столице» следует, что Балашевич гордился славным прошлым своих шляхетских предков, но осознавал себя, прежде всего, как польского подданного Российской империи. Этническое и сословное происхождение составляли важный компонент его идентичности, но в ее основе лежали государственная и династическая лояльность.

Кроме того, истоки русофильской ориентации Балашевича можно обнаружить не только в бытовой обиде на польскую высшую аристократию, но и среди его детско-юношеских впечатлений. В написанном за пять лет до «Магната в столице» стихотворении «Князь Дмитрий Донской» (1850 г.) 19-летний Балашевич в наивно-восторженных тонах охарактеризовал победителя Куликовской битвы как «освободителя» русского народа от «варваров» и «азиатов»⁴⁹⁶. «Освободительная» миссия московского князя в представлении будущего агента III отделения нашла отклик далеко не только у жителей Северо-Восточной Руси: «Народ воскликнул: здравствуй, Вождь! Уничтожим черный род поганский; // И поднялись разом народы от Ильменя вплоть до Вислы... // Славная смерть за свободу спасет народ наш христианский»⁴⁹⁷. Фантазия Балашевича изобразила Дмитрия Донского – далекого предшественника российских царей – в качестве объединительной фигуры для всего христианского мира и всех славян от новгородцев до поляков. Виленскому шляхтичу была дорога память как о деяниях

⁴⁹⁵ Донесение 27 ноября 1862 г. *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. Warszawa, 1973. S. 252.

⁴⁹⁶ *Balaszewicz J.* Op. cit. S. 39–44.

⁴⁹⁷ *Ibid.* S. 41.

московских правителей, так и его польско-литовских предков. И тот, и другой нарративы представляли собой неотъемлемую часть истории России – родного ему государства, объединившего в себе земли Северо-Восточной Руси и Речи Посполитой. Поэтому вполне можно согласиться с Ю.А. Борисёнком, который в примечании к вышеуказанной обличительной тираде Кухажевского отметил, что деятельность Балашевича «...как представляется, ничего общего с предательством не имела – даже из неумелых виршей, дозволенных цензурою, видно, что это польскоязычный гражданин Российской империи, и виды Петербурга для него дороги и священны»⁴⁹⁸. Таким образом, дело отставного подпоручика Балашевича можно рассматривать не только как пример очередного провокатора и авантюриста на службе тайной полиции, но и как историю представителя нового поколения российских подданных, ставившего общегражданскую идентичность выше этнических различий и рассматривавшего агентурную деятельность как вариант общественного служения на благо страны.

Возможность исполнить свой гражданский долг на тайном фронте виленскому шляхтичу представилась уже вскоре после выхода в свет «Незабудок с берегов Невы» в 1860 г. В начале 1860-х гг. в Царстве Польском и западных губерниях Российской империи наряду с публичными манифестациями против царских властей широкий размах приобрела деятельность конспиративных организаций, поддерживаемых из-за рубежа. Весной 1861 г. Балашевичу по собственному почину удалось раздобыть антиправительственные брошюры, распространяемые среди студенчества, а также копии воззвания Л. Мерославского, призывавшего к восстанию на территориях бывшей Речи Посполитой. Чтобы продемонстрировать благородство своих намерений будущему начальству, Балашевич не мог обратиться с этими бумагами напрямую в III отделение, поскольку в этом бы случае он выступил в роли порицаемого в обществе доносчика, а не честного гражданина. Кроме того, виленский шляхтич желал выйти напрямую на высокопоставленных государственных сановников, а не прозябать в

⁴⁹⁸ Кухажевский Я. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 399.

качестве рядового информатора в подчинении простых полицейских чиновников. Поэтому в мае 1861 г. Балашевич понес крамольные документы не в полицию, а на прием к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), сфера деятельности которого, казалось бы, находилась далеко от политического сыска. На вопрос Филарета, почему он обратился «не по адресу», честолюбивый виленский дворянин ответил, что предпочитал действовать «не доносом», а «силой христианского убеждения». Потрясенный полученными сведениями владыка отрекомендовал Балашевича самому Александру II, а тот, оценив смелость мелкопоместного шляхтича, велел допросить его главному начальнику III отделения князю Василию Андреевичу Долгорукову⁴⁹⁹.

Собеседование с князем Долгоруковым прошло успешно. Уже в июле 1861 г. молодого агента отправили в Париж под начало Я.Н. Толстого, к тому моменту почти разменявшего седьмой десяток. Задачей Балашевича было проникнуть в ряды эмиграции и ослабить ее изнутри. Для вхождения в доверие отставной подпоручик принял образ полковника русской армии, польского графа Альберта Генрика Потоцкого, который в действительности умер на Кавказе от холеры еще в 1847 г. Р. Гербер считал это перевоплощение удачным решением, поскольку с покойным Балашевича роднила склонность к авантюризму и интригам. По мнению Гербера, от самозванца настоящего Потоцкого отличала только любовь к Польше. Состоя на российской службе, польский граф, оставался, прежде всего, патриотом своей нации. Во время восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском настоящий Потоцкий, не желая сражаться с соплеменниками, попросил перевести себя в армию на Кавказ⁵⁰⁰.

Нельзя не отметить, что тактика Балашевича была чревата риском провала: за границей могли отыскаться знакомые покойного графа. Тем не менее, этот риск окупился. Реноме польского патриота значительно упростило инфильтрацию в ряды эмиграции. Своего *alter ego* Балашевич представил в качестве посланника

⁴⁹⁹ Gerber R. Op. cit. S. 36–39; Кухажевский Я. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 281–282.

⁵⁰⁰ Gerber R. Op. cit. S. 39–40.

«Защитников народа», якобы созданной в 1859 г. конспиративной организации Виленской губернии, состоявшей из 400 человек⁵⁰¹. Согласно агентурной легенде, фиктивное общество крайне негативно относилось к «красному генералу» Л. Мерославскому. В конце 1850–1860-х гг. III отделение считало Мерославского самым главным и опасным деятелем эмиграции. Он был яркой и харизматичной личностью, кумиром польской молодежи (видимо поэтому его прокламации, активно циркулировавшие среди студентов, привлекли внимание Балашевича). Фигуры такого уровня наряду с почитателями неизбежно приобретают и врагов, тем более что Мерославский обладал весьма неуживчивым характером. На этой слабости и решил сыграть Балашевич-Потоцкий с целью поссорить повстанческого военачальника с остальными группировками польской эмиграции и таким образом нейтрализовать его влияние в национальном движении.

Чтобы имя и легенда «Потоцкого» возымели вес среди эмигрантов, нужно было найти подходящего союзника. Новоиспеченный агент обратил свой взор на широко известного генерала Генрика Дембиньского (1791–1864), ветерана восстания 1830–1831 гг. и венгерской революции 1848–1849 гг., примыкавшего к консервативному лагерю эмиграции. От имени вымышленной организации «Защитников народа» Балашевич-Потоцкий завязал с Дембиньским переписку, в которой всячески льстил пожилому военачальнику и призывал того стать «вождем» национально-освободительного движения⁵⁰². В своем втором письме к Дембиньскому мнимый граф сообщил, что предводители конспиративной организации якобы выбрали генерала своим председателем. Кроме того, «Потоцкий» подчеркивал «абсурдность» планов Мерославского и его сторонников по скорейшей организации нового восстания, указывая на то, что его призывы к борьбе приведут лишь к бессмысленной гибели молодежи и еще больше усилят

⁵⁰¹ Ibid. S. 41.

⁵⁰² Потоцкий – Дембиньскому, неизвестной даты 1861 г. // *Potocki A. Raporty szpiega*. T. 1. S. 79–80.

гнет со стороны «царизма»⁵⁰³. Провокация Балашевича увенчалась успехом. 13 октября 1861 г. Дембиньский предоставил агенту аккредитационное письмо, в котором подтверждалось, что генерал получил от Потоцкого уведомление о том, что его избрали председателем упомянутого выше общества⁵⁰⁴.

Неизвестно, почему в качестве жертвы провокации агент выбрал именно Дембиньского. Кухажевский и Гербер этот момент не рассматривали. Может быть, свою роль сыграло то, что консервативный лагерь эмиграции находился в состоянии транзита власти после смерти князя Адама Чарторыйского 15 июля 1861 г. и поэтому был особенно уязвим к разного рода политическим интригам. Новым главой «Отеля Лямбер» стал его 33-летний сын Владислав (1828–1894), не располагавший влиянием своего отца. На лидерство в консервативном лагере могли претендовать намного более опытные и авторитетные соратники покойного князя, в частности, его племянник Владислав Замойский (1803–1868)⁵⁰⁵. Дембиньский примыкал к «Отелю Лямбер», но не входил в состав высшего руководства этой организации. Возможно, что в отсутствие единого и общепризнанного предводителя консервативного лагеря у пожилого военачальника проснулись властные амбиции. Связь с влиятельной конспиративной группировкой на территории польских земель в его глазах, должно быть, являлась сильным козырем в борьбе за лидерство над эмиграцией.

Кроме того, следует иметь в виду, что Дембиньский вырос в Малой Польше, владения его рода располагались в том же регионе, и образование он получал в Вене, а не в Виленском университете. Следовательно, у пожилого военачальника не было тесных фамильных связей с Северо-Западным краем Российской империи, где, согласно агентурной легенде Балашевича, действовало общество «Защитников народа», и, где, соответственно, минимален был риск наличия знакомых и

⁵⁰³ Потоцкий – Дембиньскому, 10 августа 1861 г. // *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 80–81.

⁵⁰⁴ *Gerber R. Op. cit.* S. 41–42.

⁵⁰⁵ *Wereszycki H. Hotel Lambert i obóz Białych przed wybuchem powstania styczniowego* // *Przegląd Historyczny*. 1959. Nr 3. S. 516.

родственников, которые бы могли сообщить генералу о провокации. Конечно, можно вспомнить о том, что во время Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. корпус под командованием Дембиньского принимал активное участие в боях на территории Литвы. Однако маловероятно, чтобы всего за несколько месяцев боевых действий ему удалось приобрести там близкие контакты, которые бы он к тому же поддерживал на протяжении 30 лет. Балашевич, будучи выходцем из местной литовской шляхты, вероятно знал о том, имелись ли у Дембиньского крепкие связи в этом регионе, и, таким образом, мог учитывать этот фактор при разработке своего агентурного прикрытия.

Особую важность представляет сюжет о том, каким образом Я.Н. Толстой воспринял методы работы Балашевича и как сложились отношения новоиспеченного агента с вышестоящим начальством в III отделении. Кухажевский, а вслед за ним и Гербер, в своих работах ссылались на следующий фрагмент из письма Толстого П.А. Шувалову (на тот момент – заместителю Долгорукова) от 18 сентября 1861 г.: «Казалось бы, что было бы полезнее, если бы господин Балашевич сообщался с польскими выходцами под предлогом археологических занятий как предмета ближе ему известного и чтобы под видом ученого археолога он информировал обо всем, что делается в революционных комитетах и посреди главных заправил эмиграции. До сих пор русское правительство не вмешивалось явно в движение польских демагогов, оно становилось как бы поверх их наглых поисков; агенты также вели себя осторожно, не выступая в качестве их сообщников, чего без опасения делать не следует»⁵⁰⁶.

В этом высказывании Толстой изложил в краткой форме свою точку зрения на вопрос организации агентурной работы и ясно обозначил пункты расхождения с концепцией Балашевича. Агент должен быть не провокатором, внедряющимся в стан врага, а внешним наблюдателем, который для удобства слежения за противником занимается безобидной, не имеющей прямого отношения к политике деятельностью. «Злые происки врагов» можно нейтрализовать путем точечных

⁵⁰⁶ Кухажевский Я. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 283; Gerber R. Op cit. S. 42.

анонимных публикаций в газетах, но нельзя переходить на их территорию и действовать по их правилам. Из данного высказывания следует, что Яков Николаевич продолжал придерживаться позиции, которую он сформулировал еще в 1830-х гг.

Однако скептическую оценку Толстого оба польских историка проинтерпретировали по-разному. Кухажевский, не имевший доступа к советским архивам и поэтому располагавший только этой цитатой, воспринял замечание Толстого как попытку «унять пришельца при посредстве III отделения» и как выражение неприязни к дерзкому и самоуверенному homo novus, наглому выскочке-карьеристу, использующему рискованные провокационные методы «омоложенного» III отделения⁵⁰⁷.

Гербер расставил акценты в этой фразе по-иному. Он подчеркнул, что Толстого «шокировала и беспокоила чрезмерная предприимчивость» Балашевича, и ветеран заграничной агентуры опасался «преждевременного разоблачения» своего нового подопечного⁵⁰⁸. Кроме того, работавший с фондами ЦГАОР (ныне ГА РФ) Гербер принимал во внимание не только вышеизложенную цитату, но и дальнейшую переписку Толстого с вышестоящим начальством за ноябрь и декабрь 1861 г., сохранившуюся в личном деле Балашевича. Историк выяснил, что Яков Николаевич всячески защищал своего нового подопечного и даже просил повысить ему жалование, отмечая его энергичную деятельность и ловкость, с которой он добывал сведения для отчетов. В январе 1862 г. Толстой отметил в письме генералу А.Л. Потапову (новому заместителю Долгорукова), что поручил своему агенту, французу Вольфу, тайно наблюдать за Балашевичем и проверять правильность доставляемых им сведений. Вердикт – информация «Потоцкого» «немного преувеличенная, но в принципе соответствует истине»⁵⁰⁹.

П.П. Черкасов в своей монографии, сконцентрированной в основном на николаевском периоде деятельности Толстого, посвятил проблеме

⁵⁰⁷ Кухажевский Я. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 283.

⁵⁰⁸ Gerber R. Op. cit. S. 42–43.

⁵⁰⁹ Ibid.

взаимоотношений последнего с Балашевичем только небольшой эпизод. Ссылаясь на обобщающую работу журналиста А.Н. Борисова, он отметил, что Яков Николаевич неприязненно относился к используемым Балашевичем методам полицейской провокации и добивался его отзыва⁵¹⁰. В то же время, в работе Борисова отсутствует ссылка на источник данной информации⁵¹¹.

О.Ю. Абакумов, изучавший, как и Р. Гербер, личное дело Балашевича в архиве III отделения, вслед за польским архивистом подтверждает положительные перемены в отношении Я.Н. Толстого к своему новому протеже, также ссылаясь на письмо Якова Николаевича к В.А. Долгорукову от 4 (16 января) 1862 г.⁵¹²

Очевидно, что в связи с указанными выше фактами верны версии Р. Гербера и О.Ю. Абакумова. Кроме того, следует отметить, что известное Кухажевскому первоначальное высказывание Толстого не содержало какой-либо ненависти к Балашевичу или же претензий к его личным и профессиональным качествам. Там лишь высказывалось пожелание, чтобы новоявленный агент пошел по стопам своего старшего коллеги, выбрав в качестве прикрытия профессию антиквара по аналогии с Яковом Николаевичем, официально выступавшим в роли чиновника министерства народного просвещения (этому мудрому совету виленский шляхтич в итоге частично и последовал, но уже ко второй половине 1860-х гг. Толстой, не одобряя стиль работы Балашевича, все же явно признал в нем талантливого работника с большим потенциалом. Он стремился направить этот потенциал в более правильное, по его мнению, русло, а не избавиться от назойливого конкурента.

У самозванного графа Потоцкого действительно были свои недоброжелатели в III отделении. Управляющий III экспедицией А.К. Гедерштерн усомнился в

⁵¹⁰ Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой. 1791-1867. М., 2008. С. 413–414.

⁵¹¹ Борисов А.Н. Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. СПб.; М., 2001. С. 61–63.

⁵¹² Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 140.

«легковерности» Дембиньского, в способности агента ссорить между собой эмигрантские общества и в принципе в достоверности поставляемых им сведений. Чиновник высказал удивление, что «обо всех таковых подвигах» Балашевича «ничего не писал по сие время расторопный агент нашего посольства в Париже, которого донесения в продолжении последних месяцев были очень подробны и касались тех же ссор и раздроблений польской партии». Гедерштерн, ссылаясь на свое «чутье», и вовсе заключил, что агент был «большим плутом и предателем», а также выразил недоумение по поводу того, «каким образом Я.Н. Толстой дал себя перехитрить Балашевичу и стал ходатаем по его бесстыдным домогательствам»⁵¹³.

Управляющий III отделением и заместитель В.А. Долгорукова А.Л. Потапов в своем письме Я.Н. Толстому 19 декабря 1861 г. также скептически отнесся к заявлениям Балашевича о том, что его деятельность провоцировала конфликты среди польских выходцев. Потапов подчеркнул, что подобные ссоры были естественными для поляков: «В истории Польши распри между лицами, стоящими во главе нации, всегда играли большую роль и были причинами разных бедствий». Вердикт Потапова был похожим по содержанию на заключение Гедерштерна, но более мягким по тональности: «Быть может, г. Балашевич действует в видах нашего правительства честно, но об этом трудно судить и удостовериться в том почти невозможно, разве только в таком случае, если бы его изобличила сама эмиграция»⁵¹⁴.

Толстой, несмотря на свою первоначальную оценку, не разделял мнения Гедерштерна и Потапова. Среди его корреспонденции из личного дела Балашевича можно найти свидетельства все более растущей симпатии пожилого резидента к своему молодому протеже. В процитированном Гербером и Абакумовым январском письме 1861 г. Яков Николаевич только подтвердил профпригодность «Потоцкого» и верность приводимых им сведений.

⁵¹³ Цит. по: *Абакумов О.Ю.* Там же. С. 139.

⁵¹⁴ Там же. С. 138.

В письме же от 3 (15 апреля) 1861 г. В.А. Долгорукову Толстой выступил в роли горячего апологета Балашевича, всячески подчеркивавшего его уникальные профессиональные и личностные качества. Пожилой резидент сравнил «Потоцкого» с его предшественником, которого он «уступил посольству», явно не в пользу последнего: «...он лишен смелости и действует со слишком большей осторожностью, кроме того, он не знает польского языка и самые важные вещи не попадают в поле его расследований»⁵¹⁵. О самом же Балашевиче Яков Николаевич высказался с большой теплотой: «Любой кроме него обернулся бы против нас и нанес бы нам большой ущерб своим совершенным знанием России, состоянием умов в нашей стране, которое он изучил досконально. [...] Я не думаю, что этот молодой человек был способен сыграть настолько отвратительную роль. Я хорошо изучил его характер и могу ручаться за его преданность, за благодарность и верность его характера и его чувств на протяжении восьми месяцев, что он провел под моим руководством»⁵¹⁶. Толстой даже отметил, что собирался привлечь Балашевича к работе над публикацией под названием «Тайны о Польше», направленной против сочинений польского этнографа и известного русофоба Франтишека Духиньского о «туранском» и «неславянском» происхождении русских. Толстой планировал пролить свет на «преступления и свирепость польской нации», и, таким образом, «доказать», что именно поляки, а не русские, отошли далее всего от остальных славян в плане национального характера⁵¹⁷.

Откровения парижского резидента III отделения свидетельствуют о том, что за всю его 30-летнюю карьеру у него не было постоянных и надежных информаторов о польском вопросе и о польской эмиграции. Его восторг хорошо объясним в контексте должностных инструкций, которые ему были поручены еще 20 июля 1838 г. Как было отмечено в предыдущей главе, самой первой в списке

⁵¹⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 154. Л. 516 об.

⁵¹⁶ Там же. Л. 517. У О.Ю. Абакумова по поводу этого письма только приведены замечание о том, что «Толстой пытался переубедить свое руководство», а также краткая резолюция Долгорукова. См.: *Абакумов О.Ю. Указ. соч. С. 141.*

⁵¹⁷ Там же. Л. 517.

порученных Толстому задач значилась именно слежка за польской эмиграцией, в то время как «профильные» для него сюжеты шли только следующими пунктами. Судя по всему, фрагментарность сведений Якова Николаевича о «польских выходцах» объяснялась не только и не столько его пренебрежением к этому вопросу, сколько отсутствием компетентных и лояльных сотрудников для его полноценного изучения, поскольку опытные агенты-поляки вроде Вернера-Куберского в 1830-х и 1840-х гг. состояли преимущественно на службе полиции Царства Польского, а не III отделения. Если, как полагал Гедерштерн, Балашевич и был двойным агентом, то это тем более подтверждает его компетентность. Раз он смог «перехитрить» пожилого Толстого, то что ему мешало аналогичным образом обмануть «старика Дембиньского» и широкие круги польской эмиграции?

Несмотря на активное заступничество Толстого, В.А. Долгоруков решил отказаться от услуг Балашевича (впрочем, ненадолго). На упомянутом выше письме Якова Николаевича от 3 (15 апреля) 1861 г. руководитель III отделения начертал: «Все это не дает понятия о тех издержках, которые затребует содержание Балашевича»⁵¹⁸. Тональность этой резолюции говорит о том, что Долгоруков отчасти внял аргументам Толстого, в то же время придя к выводу, что проекты «Потоцкого» не удастся реализовать в рамках финансовой сметы III отделения. В итоге от услуг агента на тот момент отказались, а сам «Потоцкий» в мае того же года отъехал в Санкт-Петербург, чтобы объясниться с начальством⁵¹⁹.

О.Ю. Абакумов, объясняя обстоятельства первой отставки Балашевича, на первое место поставил «достаточно прозаичную» причину – отсутствие у ведомства Долгорукова средств «для столь масштабной провокационной деятельности». Историк привел в пример достаточно скромную сумму на «секретные расходы» в смете III Отделения 1861 – начала 1862 гг. – 38 685 руб. 71 коп. Кроме того, Абакумов не исключил и влияние оппозиции к Балашевичу внутри данного ведомства, не доверявшей агенту и критически относившейся к

⁵¹⁸ Цит. по *Абакумов О.Ю.* Указ. соч. С. 141.

⁵¹⁹ Там же. С. 141–142.

методам провокации. Весьма точно отражает ситуацию следующее утверждение саратовского исследователя: «Так что это скорее конфликт «новаторов» и «консерваторов», следствие роста, неременный атрибут процесса становления профессиональной заграничной шпионской службы, основанной не на сборе информации, а на активном вмешательстве, направлении действий поднадзорных в выгодную для власти сторону»⁵²⁰.

К заключению Абакумова можно добавить, что Толстой, принадлежа к лагерю «консерваторов», сумел этот конфликт преодолеть и если не полностью одобрить методы Балашевича, то, по крайней мере, их принять. Кроме того, следует подчеркнуть, что «провокачество» «Потоцкого» не подразумевало террора и физического насилия, поэтому самозванный граф по своим методам стоял гораздо ближе к Толстому, чем к «классическим провокаторам» более позднего времени вроде Е.Ф. Азефа.

По-видимому, именно финансовые трудности стали определяющей причиной приостановки деятельности Балашевича, а не консерватизм части чиновников, поскольку уже в июне 1862 г. его услуги потребовались вновь. Ситуация в Польше и Западном крае продолжала быть крайне нестабильной. Не прекращались антиправительственные манифестации, консолидировались структуры будущих повстанческих организаций, поддерживаемых эмиграцией извне. Долгоруков нашел Балашевичу нового покровителя в лице великого князя Константина Николаевича, брата Александра II, генерал-адмирала русского флота и убежденного реформатора, назначенного тогда же новым наместником Царства Польского⁵²¹.

Весьма правдоподобным кажется предположение О.Ю. Абакумова о том, что перевод Балашевича под крыло наместника был связан с наличием у последнего больших средств, чем у III отделения⁵²². Как уже неоднократно отмечалось ранее, органы варшавской тайной полиции имели более развитую традицию заграничной

⁵²⁰ Там же. С. 142.

⁵²¹ Там же. С. 143.

⁵²² Там же.

агентурной деятельности, именно Варшава снабжала III отделение значительным количеством информации о польских выходцах, а любимым агентом Николая I был Вернер, находившийся на содержании у И.Ф. Паскевича, а не А.Х. Бенкендорфа.

Помимо материального фактора следует учитывать, что в тот период вел. кн. Константина Николаевича весьма занимал вопрос организации сыскных органов Царства Польского. Уже по приезде в Варшаву 20 июня 1862 г. новый наместник обратил внимание в своем дневнике на то, что его сотрудники были недовольны состоянием местного полицейского надзора: «Вечером длинные разговоры с Виелопольским и Крыжановским. Все плачутся об отсутствии настоящей полиции»⁵²³. А на следующий день на его жизнь покусился польский революционер Людвиг Ярошинский. Покушения не раз совершались и на жизнь маркиза Александра Велепольского, начальника гражданской администрации Царства Польского, а также других местных чиновников⁵²⁴. Очевидно, что брата Александра II не могла не беспокоить проблема обеспечения собственной безопасности и безопасности его подчиненных, которая входила в круг главных задач политического сыска.

В дневниковой записи от 8 августа 1862 г. Константин Николаевич упомянул о приезде из-за границы генерала Амилькара Паулуччи (1810–1874), занимавшего в феврале-марте 1861 г. пост варшавского обер-полицмейстера. Наместник указал, что Паулуччи он «выписал для тайной полиции» и что «долго с ним об этом толковал». Генерал попросил «несколько дней для размышления»⁵²⁵. Через три дня в письме от 11 (23) августа 1862 г. Александру II Константин Николаевич как строжайшую тайну сообщил, что благодаря «горячему содействию» русского посла в Великобритании Ф.И. Бруннова он «получил из Англии, сроком на 2 месяца, двух агентов чудной английской полиции, которая решительно первая в

⁵²³ Дневники Великого князя Константина Николаевича. С. 368.

⁵²⁴ Общий обзор о террористической активности польских повстанцев в 1862–1864 гг. см.: Дюков А.Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи // Белорусский исторический обзор. 2021. № 2. С. 19–44.

⁵²⁵ Дневники Великого князя Константина Николаевича. С. 373.

мире». Задачей этих агентов была организация в Царстве Польском «полиции, которая должна быть в тесной связи с обыкновенной полицией, как это чудно устроено в Англии»⁵²⁶. В последней фразе, по-видимому, имелась ввиду необходимость усилить координацию действий между политической полицией, ведущей надзор за государственными преступниками, и полицией в собственном смысле слова, то есть занимающейся уголовными и гражданскими делами.

Остается неясным, в чем конкретно заключался проект задуманной Константином Николаевичем полицейской реформы и удалось ли реализовать ее на практике. Тем не менее, вероятно, что преобразовательный энтузиазм брата Александра II способствовал переходу Балашевича на службу наместника Царства Польского летом 1862 г. Инновационная агентурная деятельность энергичного и инициативного виленского шляхтича могла органично вписаться в реформаторские замыслы великого князя.

В итоге Балашевича снова отправили в Париж, но теперь он подчинялся непосредственно управляющему дипломатической канцелярии наместника Царства Польского Юлиушу Тенгоборскому (при этом он продолжил посылать свои донесения в III отделение). У него появился и личный секретарь православного вероисповедания – Александр Бутковский, отлично знавший французский, немецкий и итальянский языки. Увеличенное финансирование позволяло содержать ему еще двух польских информаторов среди эмиграции. Кроме того, Балашевич наладил тесное сотрудничество с префектом парижской полиции в 1858–1866 гг. Симфорьеном Буателем (1813–1897) и его секретарем, неким Марселем. Французские коллеги по полицейскому сыску предоставили ему возможность перлюстрации переписки польских выходцев. Взамен «Потоцкий» доставлял им сведения о польской эмиграции, причем Бутковский переводил для префекта часть письменной документации эмигрантов на французский⁵²⁷.

⁵²⁶ Цит. по: *Абакумов О.Ю.* Указ. соч. С. 116.

⁵²⁷ *Gerber R.* Op. cit. S. 44–47.

Балашевич занимался не только оказанием узкоспециализированных шпионских услуг, но и составлением аналитических записок для правительства по вопросам национальной и внешней политики⁵²⁸. Он метил явно выше позиции простого информатора и стремился показать себя человеком государственного мышления. 12 июля 1864 г. он представил в III отделение «Краткий очерк агитации в Польше с 1855 по 1862 г.», в котором размышлял о причинах Январского восстания и способах интеграции польских земель в Российскую империю на примере своего родного Северо-Западного края⁵²⁹.

В этом очерке вслед за российской администрацией той эпохи Балашевич выступал за русификацию Северо-Западного края. При этом он предлагал не только репрессивные меры, но и полноценную работу с населением. «Есть много других верных средств для очищения страны от вредных элементов, это кроткие меры в отношении народа и верных граждан, высокое правосудие, образование народное и изгнание римско-католического духовенства». Выучить говорить по-русски не трудно, но нужно выучить думать. «Только внутреннее сознание единства прочно»⁵³⁰.

Некоторые заметки о Литве Балашевич вставлял и в агентурные донесения, например, в лондонский отчет от 7 сентября 1866 г. В нем агент выразил точку зрения, что наиболее действенным способом русификации Северо-Западного края являлось освоение этого региона русским купечеством. Колонизация местных земель русскими помещиками и вытеснение оттуда собственно польских землевладельцев⁵³¹, по мнению виленского шляхтича, не были эффективными

⁵²⁸ См. например, очерк о внешнеполитическом курсе Наполеона III и его отношении к польскому вопросу в донесении 24 мая 1863 г. *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 344–349. Его анализ см. п. 2 настоящей главы.

⁵²⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 448.

⁵³⁰ Там же. Л. 6.

⁵³¹ Хорошо известно, что увеличение доли русских землевладельцев в Западном крае и Царстве Польском российское правительство считало одним из механизмов решения польского вопроса. См. подробнее: *Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ*. М., 2005. С. 91–93.

мерами. Аргументация его была такова: «Передача земельных владений в руки русских не принесет желаемого результата, поскольку помещик в среде чуждого ему населения будет из необходимости вынужден использовать услуги управляющего, происходящего из тамошних окрестностей, знающего язык и край. В то же время, заселяя города русскими и передавая в их руки торговлю этого края, мы достигнем того, что все жители, волей-неволей, начнут говорить по-русски. Примером может служить магазинчик Попова. Попов, который поселился в Вильно вместе с русскими продавцами, вынудил тамошних жителей говорить по-русски»⁵³². Симпатии к купечеству в этом фрагменте явно не случайны. Балашевич, к тому моменту открывший антикварный магазин в Лондоне, вероятно, ощущал себя уже не только шляхтичем, но и предпринимателем, представителем буржуазии. С этой точки зрения еще более понятна его неприязнь к польской высшей аристократии. Он – бедный шляхтич – добился всего собственным трудом, вступив на купеческое поприще и по фактическому роду деятельности перестав быть частью дворянства. Они – магнаты, князья и графы – свое богатство унаследовали в силу сословной принадлежности, а не реальных заслуг.

Балашевичу успешно удавалось поддерживать реноме эмигранта-борца за свободу, однако это не сняло с повестки дня риск компрометации, которой так опасался Толстой. В июне 1863 г. Бутковский, будучи нетрезв, проговорился о характере миссии своего начальника. «Потоцкому» пришлось покинуть Францию в декабре 1863 г. Он лишился и местной агентурной сети, и возможности сотрудничества с парижской префектурой. Однако это еще не был конец карьеры

⁵³² *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 2. S. 92. Любопытно, что А.Л. Потапов, в 1868–1874 гг. занимавший пост виленского генерал-губернатора (в 1861–1864 гг. – заместитель главного начальника III отделения), придерживался совершенно иной точки зрения об управляющих имениями шляхетского происхождения. В своей записке от 6 марта 1874 г. министру внутренних дел А.Е. Тимашеву А.Л. Потапов отметил, что такие управляющие, «чуждые всякой тенденциозности и заботящиеся только о своем материальном благосостоянии», связав себя с интересами русского землевладения, «незаметно для себя, поневоле будут подчиняться русскому влиянию». Цит. по: *Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае*. С. 308.

Балашевича. В 1864 г. ему удалось возобновить провокаторскую работу, но уже на территории второго центра эмиграции в Лондоне. Тогда же Балашевич вернулся в подчинение III отделения. Тем не менее, вел. кн. Константин Николаевич продолжал ему покровительствовать. В последующих донесениях агента присутствовала специальная рубрика с кратким резюме текущих отчетов, предназначавшаяся лично брату Александра II⁵³³. Британское направление становилось все более актуальным – на земли Туманного Альбиона стекались самые опасные и радикальные эмигранты, которых не могло больше терпеть французское правительство. Там обосновались деятели I Интернационала, тесно сотрудничавшие с поляками. После 1870–1871 гг. ослабленная поражением в войне с Пруссией, Франция перестала быть привлекательным союзником для «польских выходцев». Англия с ее либеральным иммиграционным законодательством наряду со Швейцарией стала самым удобным убежищем для политических эмигрантов из Польши. Балашевич на новом месте открыл антикварную лавку (в качестве прикрытия и дополнительного источника доходов), а в начале 1870-х гг. даже сумел возглавить британское ответвление польской эмиграции. Второе разоблачение самозваного графа произошло снова по вине пьяного Бутковского (после 1863 г. он продолжал работать на III отделение, но уже независимо от Балашевича), который раскрыл своего бывшего начальника в разговоре с одним из русских эмигрантов в Швейцарии в 1874 г. Этот удар уже был фатальным, и в 1875 г. шпионско-провокаторская карьера Балашевича завершилась⁵³⁴.

Отмечая факт достижения Балашевичем высоких позиций в эмигрантской иерархии, известный польский историк Е. Борейша окрестил его «Азефом XIX

⁵³³ Осенью 1863 г. Константин Николаевич оставил пост наместника Царства Польского, а с 1865 г. занимал пост председателя Государственного совета Российской империи и официально к польским делам больше не возвращался. Сохранение контактов между великим князем и польско-литовским агентом может говорить, с одной стороны, о широте государственных интересов брата Александра II, и, с другой стороны, о неординарности самого Балашевича, поскольку его покровитель продолжал интересоваться его активностью и судьбой, не состоя с ним в формальных служебных отношениях.

⁵³⁴ Ibid. S. 56–77.

в.»⁵³⁵. Подобно знаменитому провокатору начала XX в. самозванный граф был двойным агентом и сумел возглавить враждебную «царизму» организацию. Однако в отличие от Е.Ф. Азефа, Ю. Балашевич-Потоцкий за всю карьеру ни разу не прибегал к террору и практически не использовал физического насилия. В этом плане он намного более похож на своего «джентельменского» предшественника Я.Н. Толстого. На наш взгляд, отставной подпоручик и предприниматель-антиквар из польско-литовской глубинки по своей методике агентурной работы и даже некоторым личностным особенностям напоминает скорее другого выдающегося деятеля «Охранки» – Сергея Васильевича Зубатова (1864–1917), занимавшего посты начальника Московского охранного отделения, а затем возглавившего Особый отдел Департамента полиции.

Оба, в самом деле, не были карьерными высокопоставленными правительственными чиновниками или кадровыми офицерами на момент начала сотрудничества с органами политического сыска. Как и Балашевич, С.В. Зубатов был частным лицом из низов (происходил из обер-офицерских детей), вступившим на путь агентурной работы не из материальных, но из государственных соображений (по крайней мере, на уровне деклараций)⁵³⁶. Кроме того, созданное «Потоцким» в 1867 г. «Общество взаимопомощи», объединившее часть польских эмигрантов Лондона, отдаленно напоминает инициированные С.В. Зубатовым легальные рабочие организации, направленные на отвлечение рабочих от политической борьбы в пользу чисто экономических вопросов⁵³⁷.

Целью «Общества взаимопомощи» во главе с самозванным графом были, во-первых, нейтрализация эмигрантских «бродяг» и «заговорщиков» путем их перепрофилирования в достойных членов общества, живущих честным трудом и не помышляющих о каких-либо политических злоумышлениях, а, во-вторых –

⁵³⁵ *Borejsza J.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 134.

⁵³⁶ *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000. С. 73–77.

⁵³⁷ Там же. С. 76.

недопущение объединения польских радикалов с Интернационалом и другими международными революционными организациями⁵³⁸.

Проект Балашевича отличался своей «камерностью». Он охватывал несколько десятков, максимум – сотен человек, в то время как под патронажем Зубатова выросло многотысячное профсоюзное движение. «Общество взаимопомощи» также имело ограниченную этническую и географическую ориентацию. Фактически это было польское землячество, помогавшее сородичам на чужбине. Однако в основе и легальных рабочих профсоюзов Зубатова, и благотворительно-эмигрантской организации Балашевича лежала общая идея – перенаправить энергию противников режима в мирное русло, не прибегая к грубым репрессиям.

Балашевич похож на Зубатова также отсутствием формального университетского образования при наличии широкого умственного кругозора, не характерного для обычных полицейских сыщиков⁵³⁹. Он увлекался не только древностями, но различными естественнонаучными и социально-философскими трудами и даже был способен популярно о них писать. В 1868 под именем его *alter ego* Альберта Потоцкого вышла брошюра на французском языке «*Nosce te ipsum. Études d'après nature*» («Познай самого себя. Этюды о природе») (до настоящего времени дошло переиздание этого текста 1877 г. с добавлением посвящения вел. кн. Константину Николаевичу – завершивший к тому моменту шпионскую карьеру Балашевич мог уже в открытую упоминать имя своего покровителя)⁵⁴⁰. В самой брошюре говорилось о том, что данный текст представлял собой только первую часть запланированной работы, посвященную «физической природе Земли». Вторая и заключительная часть должна была быть посвящена уже «человеческой природе»⁵⁴¹, однако в настоящий момент неизвестно, вышла ли она в свет. Тем не

⁵³⁸ Ibid. S. 249; S. 257. Донесения за 28 и 30 июня 1871 г.

⁵³⁹ Там же. С. 75.

⁵⁴⁰ *Potocki A. Nosce te ipsum. Études d'après nature. Paris, 1877. 88 p.*

⁵⁴¹ Ibid. P. 9.

менее, и в сохранившемся первом, естественно-научном, разделе брошюры содержатся ценные указания о мировоззрении и идентичности Балашевича.

В этом наполовину эссе, наполовину популярной компиляции тогдашних представлений о природе автор отстаивал типичный для XIX в. позитивистский взгляд на мир с его верой в прогресс с оттенками монизма и детерминизма. По мнению Балашевича, высшей и единственной субстанцией является Природа (с прописной буквы), в которой все подчиняется «великим законам вечной жизни», а сами жизнь и смерть являются лишь «изменениями материи»⁵⁴². Самозванный граф Потоцкий отчасти затронул и историософскую проблематику, интерес к которой вероятно мог у него сформироваться после размышлений об истории России и Польши в упоминавшемся выше поэтическом сборнике «Незабудки с берегов Невы». Согласно автору, выдающиеся открытия современности вывели человечество на путь истинного «Прогресса» и истинной «Цивилизации». Путь этот нелегок: завоеваниям, которых человечество достигло под эгидой «Науки» и «Опыта», угрожают неистовые атаки «Невежества». И миссия поколений XIX в. заключается в том, что защитить эти прогрессивные достижения⁵⁴³. Погрузившись в натурфилософские вопросы и дотошное, в стиле современных ему романов Жюль Верна перечисление всех известных тогдашнему образованному человеку природных явлений, животных и растений, агент не забыл позаботиться о должном конспиративном оформлении своего труда. Рассказывая, например, об ураганах, «граф Потоцкий» для большей правдоподобности описывал свои впечатления от соприкосновения с этой стихией в одном из «своих» имений в Киевской губернии в 1859 г.⁵⁴⁴

За образом упомянутого автором «невежества», должно быть, подразумевались ненавидимые Балашевичем польские аристократы и революционеры. Магнаты, как уже выяснилось выше, с его точки зрения – мракобесы, ведущие паразитический образ жизни за счет своих незаслуженно

⁵⁴² Ibid. P. 18; P. 71.

⁵⁴³ Ibid. P. 7.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 36–37.

полученных привилегий. Радикалы же или, выражаясь его словами, «банда никчемных космополитов» (см. выше), угрожали общественному порядку и истощали Польшу повстанческими выступлениями. Можно допустить, что для Балашевича все носители польской повстанческой и романтической традиции представляли собой анахронизм, явно не вписываясь в его детерминистско-рационалистическую картину мира. Если принять во внимание его приведенный выше комментарий о необходимости купечества для русификации Северо-Западного края, а также его предпринимательский род деятельности, то можно предположить, что будущее в его представлении принадлежало деятельным буржуа, добывающимся всего собственным трудом и работающим на благо общественного прогресса. И чтобы достичь этого «светлого будущего», нужно не возрождать анахроничную Речь Посполитую, а модернизировать на буржуазный лад Российскую империю. Одним из средств такой модернизации, как это ясно вытекает из его заметок, являлось стирание этнических, сословных и конфессиональных различий на национальных окраинах империи и формирование общегражданской идентичности.

Главным различием между Балашевичем и Зубатовым стал дальнейший ход их послужного списка. Если отставной подпоручик, антиквар, дилетант от науки и граф-самозванец в одном лице так и остался частным агентом, гражданским союзником российской власти, то знаменитый деятель «охранки», пройдя путь от самых низов, в итоге достиг больших карьерных высот, будучи низвергнут с них в 50-летнем возрасте министром внутренних дел В.К. Плеве.

По-видимому, Балашевичу-Потоцкому просто немного «не повезло» с эпохой – родившись чуть позже или задержавшись в профессии еще на пару десятков лет, может быть, он бы неплохо вписался в новую, более профессиональную структуру заграничной агентуры Департамента полиции и охранных отделений, пришедшим на смену III отделению. Слова, высказанные в докладной записке от 24 декабря/6 ноября 1892 г заведующего заграничной агентурой П.И. Рачковского директору Департамента полиции П.Н. Дурново буквально через 15 лет после последнего упоминания Балашевича в источниках

(1877 г.) весьма органично смотрелись бы в устах самозваного графа: <...> «У нас почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной вопреки, например французам или англичанам, которые в качестве частных людей, сами помогают полиции в раскрытии преступлений и публично гордятся каждым представившимся случаем. <...> Таким образом, при беседах с новыми внутренними агентами, необходимо больше всего убеждать их, что они отнюдь не презренные шпионы, а лишь сознательные сторонники Правительства, которые борются с беспочвенными проходимцами, посягающими на спокойствие, честь и национальное достоинство России»⁵⁴⁵.

Действительно, Балашевич представлял свое шпионство всего лишь как обычное проявление гражданского долга. Как уже отмечалось выше, точка зрения польских историков Я. Кухажевского, Р. Гербера и Я. Ивашкевича о «национальном предательстве» агента по своей сути некорректна. Несколько более правдоподобно звучит заключение современного российского исследователя О.Ю. Абакумова о том, что «материальная зависимость от серебряников III отделения крепче идейных уз патриотизма и верноподданнической любви к императору держала Ю. Балашевича (Потоцкого) на службе тайной полиции»⁵⁴⁶.

Однако и версия о материальной мотивированности служебного рвения виленского шляхтича не выглядит исчерпывающей. Балашевич, который сумел продать свою коллекцию антиквариата российской императорской семье⁵⁴⁷, а затем открыть антикварную лавку, смог бы обеспечить свое финансовое благополучие куда менее изощренным способом. Тем более, он был не рядовым информатором, а организатором провокаций, содержащим собственных осведомителей – все эти операции представляли как физические, так и денежные риски.

⁵⁴⁵ Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Сост. Е.И. Щербакова. М., 2014. [электронный ресурс] – URL: <https://history.wikireading.ru/388436> (дата обновления: 29.09. 2024).

⁵⁴⁶ Абакумов О.Ю. Указ. соч. С. 144.

⁵⁴⁷ Там же. С. 137.

С нашей точки зрения, не стоит воспринимать верноподданические заявления Балашевича о бескорыстии как проявление слепого идеализма. Вполне можно допустить, что им двигало своеобразное честолюбие, любовь к авантюризму, а служба на благо России представлялась ему как удачная площадка для самореализации. Наверняка ему была не по душе и романтически-иррациональная традиция польских восстаний, явно не вписывавшаяся в его детерминистскую и рационалистическую картину мира, где всем заправляют непреложные законы «мудрой» Природы. Так или иначе, «гражданственность» шпионской миссии Балашевича может иметь весьма сложную подоплеку и не сводится к однозначным черно-белым характеристикам.

Сравнение карьерных траекторий Я.Н. Толстого и Ю. Балашевича-Потоцкого демонстрирует, что представители широкой категории лиц, которые в источниках эпох Николая I и Александра II именовались крайне неопределенным термином «агент», различались не только методами и функциями своей деятельности, но и динамикой отношений с начальством. Случай Толстого можно условно назвать «инерционным»: ему долго пришлось завоевывать доверие будущего руководства (при том, что он был героем войны 1812 г., имел влиятельных покровителей, а его вовлеченность в декабристскую «смуту» была опровергнута). Однако после завоевания этого доверия он вошел в формальную бюрократическую иерархию Российской империи и до конца жизни продолжал продвигаться по службе, став на излете жизни тайным советником. Судьба Балашевича складывалась по «реактивному» сценарию – отставного подпоручика с не самым блистательным послужным списком относительно быстро пригласили к сотрудничеству. Но с такой же быстротой от него несколько раз и отказывались. Виленский шляхтич так и не приобрел статус официального государственного служащего.

В различии служебного статуса Балашевича и Толстого, по-видимому, определяющую роль сыграл социально-сословный фактор. Яков Николаевич принадлежал к высшей землевладельческой аристократии, учился в Пажеском корпусе – одном из престижнейших учебных заведений той эпохи, был вхож в декабристские круги. Виленский же шляхтич являлся парвеню, так и не ставшим

«своим» среди имперской элиты. Бывший младше Балашевича на тридцать три года и достигший карьерных высот выходец из обер-офицерских детей С.В. Зубатов жил уже в более эмансипированную и демократичную эпоху, в которую к тому же революционное движение представляло намного большую опасность для самодержавия, чем во времена Балашевича и, тем более, Толстого. Рубеж XIX – XX вв. открывал перед рядовыми сотрудниками политического сыска куда большие перспективы, чем период 1830–1870-х гг.

Аналогичным образом и царствование Александра II открыло путь новому поколению агентуры в лице Балашевича и активному использованию более совершенных и агрессивных методов заграничного полицейского надзора. Несомненно, что степень международного влияния и внутреннее положение России при Александре II значительно изменились по сравнению с николаевской эпохой. В 1830-х и 1840-х гг. польская эмиграция воспринималась как угроза, но в собственно польских землях империи властям удавалось поддерживать порядок. Даже в нестабильные 1846–1849 гг. революционные потрясения затронули только польские владения Австрии и Пруссии – ни в Западном крае, ни в Царстве Польском, несмотря на враждебность шляхты и деятельность заграничных эмиссаров, никаких восстаний не произошло. Российское руководство, по-видимому, не видело смысла тратить время и ресурсы на рискованные и провокационно-шпионские мероприятия.

После Крымской войны российские власти потеряли былой уровень контроля над бывшими землями Речи Посполитой. В ранее спокойных польских владениях Российской империи начались антиправительственные выступления и активная конспиративная деятельность, которые подпитывались заграничной эмиграцией. Ситуация усугублялась также появлением массового движения уже русских революционеров-разночинцев, деятельность которых в конце концов увенчалась убийством Александра II в 1881 г. Тактики политического сыска николаевской эпохи, ограничивавшейся строгим полицейским надзором за польскими владениями России и наблюдением и за «происками» заграничных эмиссаров, было явно недостаточно, чтобы устранить опасное влияние эмиграции.

Балашевич эту проблему отлично понимал, отметив в донесении от 20 мая 1863 г. (в самый разгар восстания 1863–1864 гг.), что «об успокоении Польши не может быть речи до тех пор, пока будет существовать эмиграция как политический орган»⁵⁴⁸. Иными словами, подавление восстания устраняло угрозу лишь отчасти. Одними лишь силовыми и дипломатическими методами невозможно было ликвидировать каналы перемещения добровольцев и революционных заговорщиков, поставок вооружения и агитационных материалов, которые начинались в западных странах и оканчивались у самых границ России — на территории польских владений Австрии и Пруссии. И эти каналы контролировала эмиграция, эффективная борьба с которой была возможна только на тайном фронте при помощи подрывных операций заграничной агентуры.

Проведение операций таких масштабов несомненно требовало привлечения новых и неординарно мыслящих людей «со стороны». Таким человеком и стал Балашевич, причем уникальным даже на фоне весьма выдающихся «коллег». Упомянувшегося выше А. Стемпковского тоже весьма ценили в руководстве политического сыска. Об этом свидетельствует записка неизвестного чиновника III отделения, которую мы обнаружили в корреспонденции агента за 1868 г.: «Он, по-видимому, чрезвычайно ловок, и если он не состоит на службе в 3-ем отделении, то было бы весьма основательно, чтобы его туда приняли, так как он знает все происходящее между эмигрантами в Париже и в Швейцарии, что не раз уже доказал»⁵⁴⁹. Однако в том же архивном деле был отмечен и «неудобный» факт из биографии Стемпковского: он участвовал в поджоге Варшавской ратуши во время восстания 1863–1864 гг. и поэтому не мог просто так вернуться в Россию⁵⁵⁰. Когда в 1870 г. Павлицев окончательно переправил того на службу в III отделение, в донесении от 22 октября (9 ноября) 1870 г. новому начальству Стемпковский предупреждал, что из-за многолетнего пребывания за границей ему трудно писать

⁵⁴⁸ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 339.*

⁵⁴⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 519. Л. 10. Точная дата не указана.

⁵⁵⁰ Там же.

отчеты на русском языке, поэтому более понятно и точно это делать по-польски⁵⁵¹. Канцелярии III отделения приходилось переводить эти рапорты (см. примеры таких переводов в п. 3 настоящей главы).

В отличие от Стемпковского, Балашевич-Потоцкий имел возможность сразу же составлять свои энциклопедические по охвату донесения на русском языке без посредничества переводчиков. Кроме того, за ним не значилось криминального и революционного прошлого, и он всячески демонстрировал служебное рвение как добропорядочный подданный Российской империи. Наличие процветающего антикварного бизнеса в некоторой степени гарантировало ему финансовую автономию, а значит, и шпионить в пользу российского сыска он мог не из-за материальной безысходности (как это было у подавляющего большинства информаторов из среды эмиграции), а из чувства честолюбия и, может быть, даже своеобразного государственнического патриотизма.

Таким образом, в лице Балашевича-Потоцкого польские эмигранты обрели равного соперника, который говорил на их языке, знал, как они мыслили, действовал на их территории и придерживался правил конспирации, но при этом в идейном плане являлся их полной противоположностью, посвятив свою жизнь нейтрализации польской эмиграции как политической силы. Другие польские агенты на службе российского политического сыска по большей части выполняли узкоспециализированные поручения вышестоящих чиновников и дипломатов: раздобыть информацию, внедриться в конкретную группировку или организовать провокацию против тех или иных лиц. Балашевич же свою агентурную деятельность рассматривал как часть полноценной государственной политики по борьбе с польскими и иными политическими преступниками. Эта политика предусматривала анализ польского вопроса во внутрисоссийской и транснациональной перспективе, а также доскональное знание и использование политических и идеологических противоречий эмиграции в целях ее разложения изнутри. Тем не менее, применительно к царствованию Александра II следовало бы

⁵⁵¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 541. Л. 1.

говорить не о складывании профессиональной заграничной службы III отделения, а только о частичном обновлении персонального состава и арсенала агентурных методов в рамках прежней системы политического сыска. В эту систему были привлечены свежие кадры, но все их инновации оставались на уровне любительской самодеятельности. Ни Балашевич, ни другие агенты не были допущены к реформированию ведомственной структуры политической полиции. Они не оставили после себя преемников и не основали школы по подготовке агентов.

2. Польская эмиграция и ее противостояние с тайной полицией накануне и во время восстания 1863–1864 гг. в польских землях

В первых ежегодных отчетах III отделения царствования Александра II (1855–1857 гг.) польская тема не поднималась. Наследника Николая I, вероятно, больше заботили проблемы возвращения жизни страны в мирное русло после Крымской войны. К тому же бывшие противники России не стали поднимать вопрос о Польше на Парижской мирной конференции 1856 г.⁵⁵². Несмотря на недавний конфликт, в 1856–1862 гг. произошло русско-французское сближение. Наполеон III, добившись реванша за поражение Франции в 1814–1815 гг., не желал дальнейшего ослабления России. С ее помощью император французов надеялся отменить ограничения Венского трактата 1815 г. в отношении Франции и получить свободу действия в Италии. В данных вопросах Наполеон III не мог опираться на содействие Великобритании, поскольку по этим проблемам она поддерживала Австрию в противовес Второй империи. В то же время, для России благожелательное отношение монарха Второй империи означало возможность преодоления дипломатической изоляции после Крымской войны. Чтобы

⁵⁵² *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-60-х гг. XIX в. М., 2017. С. 150. См. также п. 4. гл. 2. нашей работы.

заручиться поддержкой России, Наполеон III решил пожертвовать польским вопросом, защитником которого он являлся на словах, и не стал выдвигать требований в пользу польского национального движения⁵⁵³.

Тема польской эмиграции вернулась в ежегодном отчете 1858 г., но ее состояние оценивалось как неутешительное: «Польская эмиграция, *утратив постепенно политическое значение в Европе* [курсив мой – И. Б.] и убедясь, по окончании последней войны, что западные державы не помышляют о восстановлении Польши, была, наконец, обессилена переворотом в расположении умов Царства Польского и Западных губерний вследствие попечительных мер о благосостоянии их края»⁵⁵⁴.

В этой оценке чувствуется преждевременный оптимизм, характерный для прогнозов российской тайной полиции начала 1830-х гг., полагавшей, что эмиграция теряет расположение западных держав и в скором времени распадется. В действительности вопреки этим прогнозам эмиграция успела отличиться – хотя, в конечном итоге, с отрицательным результатом – конспиративной деятельностью Ш. Конарского, балканскими проектами князя А. Чарторыйского и революционными выступлениями 1846 и 1848–1849 гг. Слова об «утрате политического значения» также выглядят странными, поскольку, как следует из всех донесений предыдущей эпохи III отделение никогда не признавало наличия какой-либо политической субъектности у польской эмиграции, считая ее инструментом в руках западных правительств и различных общественно-политических сил.

После неудач Крымской войны в среде «польских выходцев» действительно царили упаднические настроения⁵⁵⁵. Однако возникновение любой хотя бы косвенно затрагивающей польский вопрос кризисной ситуации, как неоднократно

⁵⁵³ Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III: несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015. С. 112–113, 149–151, 193.

⁵⁵⁴ Россия под надзором. С. 466.

⁵⁵⁵ Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. С. 163–164.

показывает опыт 1830–1870-х гг., грозило реактивацией подрывных операций польской эмиграции, полностью нейтрализовать которую российскому заграничному сыску так никогда и не удалось. В то же время, заключение «о перевороте в расположении умов Царства Польского и Западных губерний» отчасти правдиво, что демонстрирует хотя бы пример виленского шляхтича Ю. Балашевича, выросшего уже после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. и специально выбравшего работу на III отделение вместо служения польскому национальному движению. Тем не менее, лояльность (а в известном смысле и политическая индифферентность) значительной массы польского населения по отношению к царским властям совершенно не означала, что на территории бывшей Речи Посполитой и за рубежом исчезли условия для ведения революционно-повстанческой деятельности. Сознательных и активных сторонников самодержавия, готовых бороться с революционерами на тайном фронте подобно Балашевичу, среди поляков было относительно немного⁵⁵⁶. Маргинальность и малочисленность польских революционеров и эмигрантов не отменяли того факта, что в исторической памяти они остались героями и образцовыми поляками, а Балашевич – полузабытым предателем и провокатором.

Уже дальнейшее содержание отчета за 1858 г. явно противоречит первоначальному заключению и говорит о том, что эмиграция активно искала новые формы политического существования и что III отделение по-прежнему рассматривало надзор за польской эмиграцией в качестве одной из приоритетных задач, не желая в этом открыто признаваться.

Согласно отчету, Польское демократическое общество решило интенсифицировать связи с международным революционным движением: «Приписывая неудачу восстаний 1848 года тому, что тогда поляки заботились только о самих себе, и, полагая, что ныне все европейские народы чувствуют потребность политического переворота, злоумышленники в прокламациях своих

⁵⁵⁶ Здесь речь идет не о военных или государственных служащих польского происхождения, а именно об идейных агентах, готовых вести борьбу с революционным и национальным движением в условиях конспирации.

проповедуют о возмущениях не в одних уже польских областях, но и в других европейских странах. Для этого они советуют полякам соглашать виды Польши с политикою прочих государств; *скрепить союз со всеми славянскими племенами и еще более с русскими* [курсив мой – И. Б.], произвести мятеж одновременно во всех пунктах славянского мира...»⁵⁵⁷.

Не случайно, что изложенные выше сведения были размещены в новой рубрике «О революционной пропаганде». Новое название сигнализировало, что угроза самодержавию из-за границы исходила теперь не только (не и сколько) от польских, но и от русских эмигрантов, а также всего европейского революционного движения. Именно в конце 1850-х гг. развернула свою пропагандистскую деятельность «Вольная русская типография» А.И. Герцена и Н.П. Огарева⁵⁵⁸. Участие русских подданных в «происках заграничных возмутителей», воспринимавшееся еще совсем недавно как вопиющая аномалия, теперь превратилось в совершенно обыденное явление.

Как и в 1830-х гг., главным вдохновителем всех международных радикалов российский политический сыск считал итальянского революционера Дж. Мадзини. В отчете обращалось внимание на план Мадзини по объединению «всех демагогов Европы» в единую «партию действия», изложенный в издаваемом им лондонском журнале «Мысль и действие». Партия должна была состоять из независимых друг от друга национальных отделений. Итальянский революционер признавал «единовременное на всех пунктах восстание для успеха вредным, поскольку, во-первых, «никак нельзя определить вперед удобнейшего для начатия возмущения момента, зависящего от политических обстоятельств», а, во-вторых, «по причине раздробления сил партии, легко преодолеваемых в таком положении враждебными свобода правительствами». Мадзини предлагал «каждому отделению начать явные

⁵⁵⁷ Там же. С. 467–468.

⁵⁵⁸ Подробнее о русско-польских революционных связях см.: *Белявская И.М.* А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 1860-х гг. М., 1954; *Миллер И.С., Федосова Т.Ф.* В совместной борьбе против феодализма и самодержавного гнета // Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / отв. ред. *И.С. Миллер.* М., 1976. С. 130–187.

действия по своему соображению, с тем, «чтобы к воздвигнутому впервые на каком-либо пункте знамени свободы немедленно устремились вооруженные силы из всех прочих мест»⁵⁵⁹.

III отделение решило выяснить, в какой мере план Мадзини мог затронуть территорию России. Русский посол во Франции в 1856–1862 гг. Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872) узнал от префекта парижской полиции, что Мадзини был связан с лондонской секцией ПДО (в отчете: «польским революционным обществом»), которая насчитывала 40 членов в Англии и Франции и управлялась центральным комитетом в Лондоне под председательством «польского выходца Забицкого [Антония Жабицкого – *И. Б.*]». Кроме того, подчеркивалось, что ПДО вело агитацию среди польских подданных России, но в непосредственных контактах с ними замечено не было: «Лондонское общество действует на умы поляков посредством распространения периодических сочинений, из коих самое неистовое есть «Demokrata Polski», издаваемое в обществе; но чтобы существовали прямые сношения сего общества с жителями Царства Польского и России, того по сие время французскою полициею не замечено [подчеркнуто в тексте – *И. Б.*]»⁵⁶⁰.

В этом фрагменте впервые зафиксирован факт сотрудничества российских и французских сыскных органов, в котором в 1861–1862 гг. непосредственно будут задействованы Ю. Балашевич-Потоцкий и его помощник А. Бутковский. Очевидно, что это сотрудничество было бы невозможно без упомянутого выше русско-французского сближения 1856–1862 гг. Примечательно, что префект передал данные только о лондонском ответвлении ПДО, но ничего не сообщил об отколовшейся от него французской секции во главе с Л. Мерославским. Вероятно, свою роль сыграли тесные связи между семьей Бонапартов и рядом деятелей польской эмиграции (в т.ч. и Мерославским), налаженные в начале 1850-х гг. Правительство Второй империи было заинтересовано помогать только против той части польских радикалов, которые сотрудничали с его врагами, а именно

⁵⁵⁹ Там же. С. 468.

⁵⁶⁰ Там же. С. 469.

итальянскими и французскими республиканцами во главе с Дж. Мадзини, укrywшимися на территории Англии.

Заключительные фразы отчета 1858 г. преисполнены оптимизма, но с важными оговорками, явно не совместимыми с изложенным в самом начале документа прогнозом «о постепенной утрате политического значения польской эмиграции»: «Нет сомнения, что в Царстве Польском аристократия и духовенство продолжают питать надежду на восстановление когда-либо прежней независимости; но они ничего действительно не предпринимают, и в последние годы влияние на народ их значительно ослабело. Прежде польские дворяне смело передавали свои внушения крестьянам, зная, что их будут слушать; теперь же не всякий на это решится, ибо земледельческий класс, составляющий массу польского населения из собственных выгод придерживается существующего порядка вещей. От сего теперь правительство наше стоит в Польше на более прочных основаниях, нежели в прежнее время: и пока в Европе нет революции, пока не затронут польский вопрос, до тех пор едва ли можно опасаться в Польше важных беспорядков»⁵⁶¹. Из этого заключения следует, что российский политический сыск отдавал инициативу на польском направлении внешним силам – другим государствам и самим же «польским выходцам». Получалось, что любой сколько-нибудь значимый общеевропейский кризис, хотя бы косвенно затрагивающий интересы польского национального движения, должен был привести к реактивации польского вопроса. Упование III отделения на позицию польских крестьян, составлявших большинство населения, и на «попечительные меры» правительства, на первый взгляд, весьма рационально. Однако эти оценки учитывали, прежде всего, точку зрения здравомыслящих обывателей, а не активного меньшинства, заряженного агрессивной национально-романтической идеологией.

В 1859 г. осторожные опасения III отделения о возможности реактивации польского вопроса (а вместе с ним и ряда других национально-революционных движений) подтвердились. В обозрении за этот же год сообщалось: «Деятельность

⁵⁶¹ Там же. С. 472.

заграничных возмутителей [из дальнейшего текста следует, что имеются в виду польские, немецкие, венгерские и французские эмигранты] начала уже в конце 1858 года принимать огромные размеры. Она объяснялась при развитии весной 1859 г. итальянского вопроса, который обращал на себя все их внимание, обещая им обильную жатву на поле революции»⁵⁶². В апреле этого года Наполеон III совместно с Сардинским королевством начал военную кампанию против Австрии, закончившуюся разгромом последней и передачей в пользу сардинского союзника Ломбардии и Центральной Италии⁵⁶³. При этом в данном конфликте Россия заняла благожелательный нейтралитет в отношении Франции, согласно заключенным ранее договоренностям в рамках русско-французского сближения⁵⁶⁴. Таким образом, пойдя на сделку с Наполеоном III, российское руководство косвенным образом способствовало пробуждению польского и других революционно-национальных движений Европы.

Перспективы объединения Италии приводили в возбуждение польских эмигрантов, поскольку появление единого и независимого государства на Апеннинском полуострове порождало прецедент возрождения единой и независимой Польши. Такой прецедент позволил бы подвергнуть ревизии закрепленный на Венском конгрессе 1815 г. принцип династического легитимизма (нерушимости территориально-государственного устройства европейских

⁵⁶² Там же. С. 482.

⁵⁶³ Правда, сам Наполеон III хотел не объединить Италию, а вытеснить оттуда Австрию и создать на итальянских землях вассальные государства, покорные Франции. Именно поэтому в том же 1859 г. он заключил, не посоветовавшись с итальянцами, сепаратный мир с Австрией в Виллафранка, по которому последняя передавала Франции Ломбардию с Центральной Италией. Наполеон III, в свою очередь, отдал эти области Сардинии-Пьемонту в обмен на Савойю с Ниццей по Туринскому договору 1860 г. План императора в итоге провалился – объединение Италии завершилось уже через 10 лет. Тем не менее, именно политика Наполеона III стимулировала этот процесс, поскольку тогда это казалось ему выгодным. Итальянцам повезло благодаря удачной международной конъюнктуре, полякам же пришлось ждать такого момента до Первой мировой войны. Об итальянских проектах Наполеона III см. подробнее: *Черкасов П.П.* Несостоявшийся союз. С. 137–145.

⁵⁶⁴ *Черкасов П.П.* Несостоявшийся союз. С. 157–164.

монархий) в пользу принципа национальностей (права наций на самоопределение). Если право итальянцев на свое национальное государство станет важнее территориальной неприкосновенности владений монархии Габсбургов, то и право польского народа на национальную независимость превратилось бы в естественное и необходимое условие нового европейского порядка. Проект объединения Италии поддерживали большинство польских эмигрантов вне зависимости от идеологической ориентации. Демократические группировки предпочитали сотрудничать с революционным движением во главе с Мадзини и Гарибальди, в то время как либерально-консервативный «Отель Лямбер» опирался на правительство Сардинского королевства (Пьемонта). Только ультракатолические круги в лице монашеского ордена «змартвыхвстаньцев» выступали против единства Италии, угрожавшего интересам римской курии⁵⁶⁵.

Актуализация итальянского, а вместе с ним и польского вопроса вновь привлекла внимание III отделения к расстановке сил в стане польской эмиграции. В отчете 1859 г. отмечалось, что, несмотря на то что во Франции эмиграция была многочисленнее (4000 человек), чем в Англии (700), «...гражданские учреждения Англии и соединение в Лондоне злейших демократов из всех стран Европы дают сравнительно небольшому там числу поляков более возможности к революционным проискам»⁵⁶⁶. В данном отчете фиксировался упомянутый выше раскол в рядах Польского демократического общества. Указывалось, что парижская секция ПДО «имела усердного поборника в лице известного Людвика Мирославского» и что под его руководством она и вовсе отделилась в 1858 г. от упрекаемого им «в бездеятельности и неспособности» «Центрального польского общества» в Лондоне, образовав в Париже особый союз под названием «Kolo Miroslawskiego» (Круг Мирославского)» [орфография здесь и далее документа – *И.*

⁵⁶⁵ *Kalembka S.* Ponownie o stosunku prasy polskiej do kwestii zjednoczenia Italii // „O naszą i waszą wolność”: Studia z dziejów polskiej myśli politycznej doby romantyzmu. Olsztyn, 1997. S. 181–196.

⁵⁶⁶ Россия под надзором. С. 484.

Б.]⁵⁶⁷. III отделение обратило внимание на роль Мерославского в подготовке воинских кадров для будущего повстанческого движения, отметив, что он «преподавал военные науки польскому юношеству военные науки и упражнял оное в военной службе»⁵⁶⁸.

В глазах российского политического сыска Мерославский являлся самым опасным и влиятельным лидером польских эмигрантов 1850–1860-х гг. Повстанческий военачальник принадлежал к тем слоям эмиграции, которые не отделяли «царизм» от русского народа (по их мнению, Россия «срослась» с «царизмом» и без «царизма» не может существовать), считая врагами даже российских реформаторов и либералов. С последними Мерославский считал возможным только временный тактический союз. Он полагал, что ведущая роль в национальном освобождении Польши должна принадлежать эмиграции с ним во главе, а не тем силам сопротивления, что выросли и базировались на территории Польши (он не допускал наличия общественного мнения в стране, находящейся «под чужим гнетом»). Благодаря своим воинственным выступлениям этот харизматический лидер приобрел значительную популярность среди демократической эмиграции⁵⁶⁹.

В отчете за 1859 г. значительное внимание уделено и консервативному лагерю польской эмиграции: «Аристократическая партия ожидает осуществления своих надежд на восстановление независимости Польши преимущественно от посредничества Наполеоновской Франции, считая необходимым условием сего посредничества, чтобы весь край, подобно Италии, чрез умножение и сосредоточение своих нравственных и материальных сил и чрез оживление национального чувства, приготавливал энергетическое восстание к тому времени, которое наполеоновская политика найдет удобнейшим для приведения в порядок так называемого польского вопроса. *Поэтому эта партия опасается преждевременной вспышки со стороны поляков и противодействует*

⁵⁶⁷ Там же. С. 484–485.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 182–187.

*подстреканиям возмутителей, требующих неотлагательного восстановления. Аристократы не теряют при этом из вида и личные свои выгоды, которым сильно угрожают идеи социализма противной партии [курсив мой – И. Б.]»⁵⁷⁰. В этом фрагменте III отделение впервые прокомментировало собственно *консервативный* элемент программы этой организации: враждебность социалистическим и революционным идеям, стремление к сохранению общественного порядка. Иными словами – все то, что роднило князей Чарторыйских с идеологией российского самодержавия. В отчетах николаевской эпохи весьма подробно рассматривалось внутреннее устройство «Отеля Лямбер» и его геополитические проекты, однако ни ри разу четко не проговаривались его идеологические основания.*

Таким образом, к эпохе Александра II российский политический сыск стал в полной мере отдавать себе отчет, что демократическое и консервативное ответвления польской эмиграции исповедовали разные идеологические принципы, придерживались разной тактики борьбы и что, соответственно, угрозы с их стороны тоже были разными. Консерваторы выражали идеи, которые уже в то время были известны как «органический труд»: для возрождения польской государственности нужно постепенно копить материальные и духовные ресурсы, а стремление к немедленному и революционному варианту достижения независимости – губительно. Демократы же, наоборот, призывали к подготовке полномасштабного восстания.

В связи с событиями на Апеннинском полуострове заключительный прогноз отчета 1859 г. был намного более настороженным, чем в 1858 г.: «В Царстве Польском в течение минувшего года все было тихо, хотя нельзя допустить, чтобы события в Италии, которым поляки оказывали сильное сочувствие, не порождали в них тайных надежд на восстановление Польши. Судя по направлению действий наших поляков, должно думать, что они более внемлют наставлениям аристократической партии насчет приготовления будущей их независимости

⁵⁷⁰ Там же. С. 485–486.

увеличением внутреннего благосостояния и оживлением национального чувства, чем возмутительным воззваниям заграничных демократов»⁵⁷¹.

Однако уже в 1860 г. настроения российских поляков под влиянием эмигрантской пропаганды явно радикализировались, и III отделение больше не наблюдало прежнего спокойствия в польских владениях Российской империи. Свершившееся в условиях благожелательного нейтралитета со стороны России поражение Австрии в войне с Францией потянуло за собой дестабилизацию ситуации в Габсбургской монархии. В отчете 1860 г. III отделение напрямую увязывало эту дестабилизацию с обострением обстановки в Царстве Польском: «...быстрые успехи революционной партии в Венгрии, смелое письмо епископа Цитовского к императору австрийскому, дарование конституционных прав, *в числе прочих австрийских владений и Галиции, наконец, почти несомненное политическое подстрекательство извне, усилили волнение умов между поляками Царства* [курсив мой – И. Б.]»⁵⁷². Главным возмутителем умов польского юношества, как это и следовало ожидать, оказался Мерославский: у арестованных участников демонстрации 13 февраля в Варшаве в честь годовщины Гроховской битвы 1831 г. обнаружили прокламацию последнего⁵⁷³.

Кроме того, в 1860 г. выяснилось, что в Царство Польское тайными тропами проникала эмиграционная пресса – как демократического, так и консервативного толка. При этом в отчете за этот же год обращалось внимание, что они пропагандировали разную повестку. Орган аристократической партии *Wiadomości polskie*, «поддерживая патриотизм поляков, постоянно советовал им не предпринимать никаких преждевременных против правительства явных действий, которые могли бы только повредить отечественному делу». В то же время, *Przegląd rzeczy polskich*, газета сторонников Мерославского, наоборот, «бесперывно возбуждал польскую молодежь к мятежу»⁵⁷⁴.

⁵⁷¹ Там же. С. 488.

⁵⁷² Россия под надзором. С. 518.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Там же. С. 516.

Несмотря на антагонизм консерваторов и демократов, III отделение обнаружило, что оба лагеря пытались договориться между собой, причем роль посредника играли члены династии Бонапартов, с которой самодержавию, казалось бы, совсем недавно удалось установить партнерские отношения. В том же отчете за 1860 г. указывалось, что принц Жером Наполеон по прозвищу «Плон-Плон» оказывал благосклонность как членам аристократической партии (среди перечисленных в отчете были князь Адам с его сыновьями Витольдом и Владиславом, Владислав Замойский, Ксаверий Браницкий, Ледуховский, Мачей Рыбинский и Барзиковский), так и представителям парижской секции ПДО – Эдмунду Хоецкому («слывет его секретарем и другом») и Л. Мерославскому, «которого он в истекшем году лично представлял императору». «В надежде на желанное соединение партий демократической с аристократической» императорский кузен «сблизил Мирославского с Замойским». Тем не менее, в отчете подчеркивалось, что «общих от сего последствий до сего времени не было, хотя доходили сведения из Лондона, что и там видны старания о сближении двух партий для единодушного стремления к общей цели»⁵⁷⁵.

Подводя итог положению в Царстве Польском за 1860 г., глава III отделения В.А. Долгоруков по сути признал, что от фиксируемого еще совсем недавно спокойствия в регионе не осталось и следа: «Будущие события покрыты мраком, но могут быть крайне горестны, если меры к восстановлению порядка в Царстве Польском будут приняты несвоевременно или несоответственно обстоятельствам. Каждый день для сего чрезвычайно драгоценен»⁵⁷⁶. Тревожный тон этого заключения во многом объясняет, почему в мае 1861 г. буквально пришедший «с улицы» виленский шляхтич Балашевич завоевал внимание высокопоставленного сановника Долгорукова и стал одним из ведущих заграничных агентов III отделения. Прием на службу незнакомого авантюриста был явно вынужденным и отчаянным шагом – Балашевич вполне мог оказаться не верноподданным, а

⁵⁷⁵ Там же. С. 506.

⁵⁷⁶ Там же. С. 518.

засланным агентом эмиграции. Не случайно Я.Н. Толстой в процитированном ранее письме от 3 (15) апреля 1862 г. с нескрываемым ужасом представил гипотетическую ситуацию, если бы мелкопоместный шляхтич стал работать против России.

Таким образом, российский политический сыск оказался практически не готов к очередному всплеску активности польского национального движения и поддерживающей его эмиграции. Велик соблазн объяснить эту неготовность заигрыванием русской дипломатии со Второй империей, которая, пользуясь ее благожелательным нейтралитетом, своей политикой способствовала пробуждению польского и других национальных вопросов Европы. Договоренность с Наполеоном III возможно и притупила бдительность тайной полиции, однако это не отменяет факта, что она явно недооценивала угрозу со стороны польских радикалов и не имела внятной стратегии по борьбе с ними. К тому же и польская эмиграция отнюдь не была послушным орудием французского монарха, о чем свидетельствует деятельность британской ячейки ПДО, выходцы из которой в дальнейшем даже будут участвовать в подготовке покушений на жизнь французского императора.

К 1861–1862 гг., накануне восстания 1863–1864 гг., III отделение окончательно убедилось, что национальное движение в польских землях было теснейшим образом связано с деятельностью эмиграции. В отчете за 1861 г. подчеркивалось: «Революционный дух перешел в Польшу из Италии и Венгрии и встретил в легкомыслии и воспламенительности поляков плодотворную почву *при несомненном подстрекательстве со стороны польской эмиграции и ее политических покровителей* [курсив мой – И. Б.]»⁵⁷⁷ «Во влиянии эмиграции убеждают, – сообщалось в том же отчете, – печатаемые в ее журналах наставления и распространяемые между народом прокламации Мирославского. Те и другие оказались в самом начале движения у арестованных учеников варшавских училищ, которые были увлечены к преступным действиям нарушениями Нарцисса

⁵⁷⁷ Россия под надзором. С. 542–543.

Янковского, задержанного потом за таковые же действия в Кракове и *находившегося в сношениях с польскими выходцами в Париже* [курсив мой – И.Б.]»⁵⁷⁸. Упомянутый выше отставной поручик царской армии Янковский (1827–1910) являлся ключевым основоположником нескольких подпольных кружков в Варшаве, которые он финансировал на средства от продажи своего имения в Киевской губернии. Многие деятели этих кружков позднее вошли в лагерь «красных» (радикальных демократов), организовавший Январское восстание⁵⁷⁹.

Сведения о существовании тесных связей между эмигрантами, а именно группировкой Мерославского, и конспирацией в Царстве Польском по всей видимости и стали отправной точкой агентурной миссии Балашевича-Потоцкого. Ему и его команде информаторов предстояло, во-первых, разузнать планы заграничных заговорщиков, а, во-вторых, нейтрализовать влияние «польских выходцев» путем стравливания различных эмиграционных группировок между собой.

Балашевич умело выискивал уже существующие противоречия как внутри демократического и консервативного лагерей, так и между ними, и раздувал их до полноценного конфликта. Так, например, в ноябре 1861 г. он решил распространить на широкую аудиторию обличительное письмо генерала Мачея Рыбинского (1784–1874) епископу французского города Родез по случаю траурного богослужения в память князя Адама Чарторыйского, скончавшегося 15 июля того же года. В данном письме Рыбинский объяснял епископу, что похвальные слова последнего о покойном как о «защитнике польской национальности» совершенно не соответствовали действительности. Генерал подчеркнул, что Чарторыйский и весь его род всегда служили «убийцам Польши», что во время наполеоновских войн он способствовал «триумфам москалей и немцев», находясь на службе у царя и что восстание 1830–1831 гг. провалилось

⁵⁷⁸ Там же. С. 543.

⁵⁷⁹ *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. S. 51–52.*

якобы из-за его соглашательской политики в отношении России⁵⁸⁰. В донесении 8 ноября 1861 г. Балашевич сообщил, что купил право на издание этого послания и заказал печать 2 тыс. его экземпляров в Лондоне⁵⁸¹. Через 10 дней в отчете 18 ноября агент доложил, что 500 экземпляров этого письма он решил отправить, в частности, в Галицию и Познань, «где очень сильна партия Чарторыйского»⁵⁸². Для нападок на «Отель Лямбер» Балашевич-Потоцкий использовал втемную и своего союзника генерала Дембиньского, ставшего одной из первых жертв спецоперации агента. В донесении 30 ноября 1861 г. Балашевич отметил, что отговорил полководца произносить речь в поддержку Владислава Чарторыйского (преемника и сына покойного князя Адама) на праздновании годовщины восстания 1830–1831 гг. 29 ноября⁵⁸³.

Разлад между партиями не всегда был прямым результатом внешней провокации. В отчете 3 ноября 1861 г. Балашевич рапортовал о неудачной попытке Вл. Чарторыйского договориться с «красным генералом» Мерославским, который в ответной телеграмме сообщил, что «не хочет иметь ничего общего с “Отелем Лямбер”»⁵⁸⁴. В отчете III отделения за тот же год эта неудача была прокомментирована небольшой ремаркой: «Старания некоторых польских патриотов за границею насчет соединения различных партий польской эмиграции по примеру прошлых лет [здесь явно имелись в виду упомянутые выше попытки принца Наполеона примирить демократический и консервативный лагеря – *И. Б.*] остались тщетными и в 1861 году»⁵⁸⁵.

⁵⁸⁰ Нам удалось обнаружить экземпляр этого письма, отпечатанный (судя по месту и названию издательства) лондонской секцией Польского демократического общества. См.: *Rybiński M. List polityczny. Londyn: Drukarnia Towarzystwa Demokratycznego Polskiego, 1861. S. 2–4.* Согласно тексту, письмо написано 8 августа 1861 г. в Париже и приведено в переводе с французского на польский.

⁵⁸¹ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 142.*

⁵⁸² *Ibid. S. 151.*

⁵⁸³ *Ibid. S. 157.*

⁵⁸⁴ *Ibid. S. 140.*

⁵⁸⁵ Россия под надзором. С. 535.

Тщеславная натура и неуживчивость Мерославского только облегчали Балашевичу его работу. В отчете 5 ноября 1861 г. агент сообщил, что газета *Demokrata Polski* (на тот момент главный печатный орган лондонской секции ПДО) опубликовала его статью, обвиняющую Мерославского «в узурпации власти» в демократическом лагере. Это, в свою очередь, вызвало бурный протест со стороны органов, лояльных «красному генералу»⁵⁸⁶.

Проект надпартийного объединения эмиграции, включавшего и консерваторов, и демократов провалился. Однако некоторые группировки демократического лагеря, несмотря на старания самозванного графа, все же сумели договориться между собой, образовав 28 июля 1862 г. «Главный комитет польской эмиграции». Участники этого объединения были солидарны в том, что восстание нельзя откладывать на неопределенный срок (как это предлагали консерваторы с их «органическим трудом») и что демократические преобразования являются «вернейшей гарантией» «возрождения и будущей мощи» Польши. Тем не менее, между «радикальным»⁵⁸⁷ и «умеренным»⁵⁸⁸ крыльями этого комитета сохранялись существенные разногласия. «Радикалы» считали, что перед восстанием крестьянам Царства Польского необходимо дать гарантии, что они получат землю в собственность. Кроме того, они призывали эмиграцию подчиниться повстанческим органам власти, возникшим на территории польских земель – Центральному национальному комитету в Варшаве (ЦНК), образованному лагерем «красных» в июне 1862 г., а также вступить в тесное сотрудничество с российскими

⁵⁸⁶ *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 141–142.

⁵⁸⁷ «Радикалы» – лидеры Централизации ПДО, которых французское правительство вынудило бежать в Лондон после 1848 г. – Я.Н. Яновский, Л. Булевский, В. Хельтман и др.

⁵⁸⁸ «Умеренные» – члены ПДО, которые, соответственно, не подверглись репрессиями со стороны французских властей и смогли остаться в Париже. Изначально возглавлялись Мерославским (поэтому III отделение и обозначило эту группу как «Коло Мерославского»). Однако к 1862 г. большинство лидеров умеренных (генерал Ю. Высоцкий, С. Эльжановский, Э. Хоецкий и др.) рассорились с «красным генералом» из-за стремления последнего к диктаторской власти и скорейшей организации восстания (призывали не торопиться с началом восстания).

революционерами и предоставить право на самоопределение национальным меньшинствам будущей Речи Посполитой. «Умеренные», наоборот, полагали, что в первую очередь надо обеспечить классовое и национальное единство польского общества и только потом приступать к социальным преобразованиям. Они подчеркивали, что именно эмиграция должна координировать действиями повстанцев на польских землях, а также более скептически относились к союзу с Герценом и Бакуниным и обеспечению прав меньшинств, твердо выступая за Польшу «в границах 1772 г.»⁵⁸⁹.

Мерославский отделился от своих бывших союзников «умеренных», однако все равно сохранял много сторонников как среди эмиграции, так и внутри упомянутого выше варшавского ЦНК⁵⁹⁰. Запас прочности «красного генерала» был весьма велик, несмотря на, казалось бы, непрекращающуюся череду его собственных неудач и старания того же «Потоцкого». III отделение благодаря донесению Балашевича от 12 марта 1862 г. знало, что противники Мерославского сумели сместить его с поста руководителя военной школы в Генуе⁵⁹¹ и вынудить отчитаться о потраченных им средствах. Однако революционному предводителю удалось сохранить часть денежной суммы за собой. Как сообщалось в ежегодном отчете III отделения, «тем не менее, Мерославский не унывал, продолжая действовать на молодое поколение издаваемыми под его руководством демократическими журналами...»⁵⁹².

Неудивительно, что в отчете III отделения за 1862 г. одним из центральных вопросов было соотношение между Главным комитетом польской эмиграции (в тексте он для удобства обозначен как Центральный народный комитет в Париже) и

⁵⁸⁹ Фалькович С.М. Указ. соч. С. 211–216. См. также: Kieniewicz S. Op. cit. S. 268–269.

⁵⁹⁰ Там же. С. 268.

⁵⁹¹ Военная школа, созданная с разрешения итальянского правительства для подготовки будущих польских повстанцев. Итальянским властям в итоге пришлось ее закрыть 24 июня 1862 г. под давлением России и Пруссии в качестве платы за признание этими великими державами объединенной Италии. См.: Фалькович С.М. Указ. соч. С. 241.

⁵⁹² Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 176; Россия под надзором. С. 571–572.

варшавским ЦНК: «Между тем, учрежденный в Париже «Центральный народный комитет польской эмиграции» постепенно более подчинялся влиянию революционной власти, управляющей внутренним польским движением и издающей свои приказания от имени «Центрального народного комитета в Варшаве»⁵⁹³. Кроме того, в III отделении обратили внимание на разногласия между двумя «Центральными народными комитетами». Варшавская организация стремилась вступить в союз с «русской революционной пропагандой», став разделять мнение последней насчет предоставления Литве, Белоруссии и Малороссии «выбора между присоединением к Польше или России». В свою очередь, Мерославский на страницах польских и французских журналов протестовал против «родившегося предположения насчет тождества обоих центральных комитетов» и назвал «изменою мысль об уступке хотя одной из областей, принадлежавших к Польскому королевству»⁵⁹⁴, выступая, таким образом, сторонником традиционного лозунга восстановления Польши «в границах 1772 г.».

Таким образом, в конце 1861 – первой половине 1862 гг. III отделение получило сведения, что польские заговорщики пытались договориться не только между собой, но и с зарождающимся российским революционным движением. В связи с этим к прежним целям тайной полиции и ее передового заграничного агента Балашевича-Потоцкого добавилась новая задача – вбить клин между польскими и русскими радикалами. И в этом вопросе сотрудничество самодержавия и бонапартистского режима окупилось сполна. С конца октября 1862 г. Балашевич благодаря содействию префекта парижской полиции Симфорьена Буателя⁵⁹⁵ получил возможность перехватывать корреспонденцию между варшавским ЦНК и Герценом с Бакуниным. В донесении от 24 числа этого месяца «Потоцкий»

⁵⁹³ Россия под надзором. С. 574.

⁵⁹⁴ Там же. С. 575.

⁵⁹⁵ Прямое сотрудничество с парижской полицией было установлено, как отмечалось в предыдущем параграфе, именно во второй половине 1862 г., когда Балашевич после кратковременной опалы снова оказался востребованным и получил еще большие ресурсы в свое распоряжение.

рапортовал, что агент ЦНК Юзеф Цверцякевич сообщил в письме Герцену о том, что восстание в Царстве Польском непременно начнется в январе⁵⁹⁶. Так и произошло в действительности – повстанческое выступление, положившее начало восстанию 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Западном крае, разразилось в ночь с 22 на 23 января 1863 г.

Осенью 1862 г. Балашевич-Потоцкий очень серьезно оценивал риски объединения эмигрантских группировок и их возможного соглашения с русскими революционерами. В своем обзоре событий от 15 сентября до 20 ноября 1862 г., подготовленном специально для Александра II, он указал, что все эмигранты выражали стремление слиться в единый организм и открыто выступить против России и что, более того, Бакунин и Герцен якобы заключили союз с Мерославским. Балашевич вновь подчеркнул, что с целью нейтрализации их объединительных планов он настраивал одну партию против другой. Так, например, с помощью преданного агента, входящего в состав варшавского ЦНК, он разместил в «Колоколе» Герцена статью, в которой содержался призыв позволить жителям Литвы и Малороссии самим решать вопрос о своем присоединении к Польше или России. Мерославский, будучи сторонником единой и неделимой Польши, из-за этого обиделся, и, разорвав все связи с Герценом и Бакуниным, обещал отомстить. Чтобы подкрепить успех, Балашевич послал Мерославскому копию нелюбезного по отношению к «красному генералу» письма Бакунина, а Бакунину – его не менее нелюбезную характеристику со стороны Мерославского⁵⁹⁷.

В своих дальнейших донесениях Балашевич-Потоцкий неоднократно рапортовал начальству, что все последующее расколы в демократическом лагере являлись делом его рук. 25 ноября 1862 г. он доложил, что убедил Северина Эльжановского («умеренного» демократа) разместить в газете *Przegląd Rzeczy*

⁵⁹⁶ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 206.*

⁵⁹⁷ *Ibid. S. 241–242.* К сожалению, в этом обзоре не приведено конкретных дат данных провокаций. В предыдущих донесениях о них не говорилось.

Polskich «язвительную» статью против «Герцена, Бакунина и компании»⁵⁹⁸. Под «компанией» явно подразумевался варшавский ЦНК и его союзники из радикально-демократического лагеря польской эмиграции, окопавшиеся в Лондоне.

Результат подрывных операций не заставил себя долго ждать. Уже в донесении 3 декабря Балашевич докладывал о потасовке между деятелем британской ячейки ПДО Людвиком Булевским (1824–1883) и сторонниками Мерославского, которая произошла на торжестве в честь годовщины Ноябрьского восстания в Лондоне, организованном агентом «Отеля Лямбер» Наполеоном Жабой⁵⁹⁹. Резюме этого сообщения попало в отчет III отделения за 1862 г.: «Празднество кончилось спором и дракою по поводу вышеупомянутого выходца Булевского, члена «Варшавского центрального народного комитета», который требовал, увлекаясь при этом произнесением угроз, чтобы вся польская эмиграция, в Англии и во Франции, подчинилась исключительно варшавскому комитету»⁶⁰⁰.

Крупным достижением «Потоцкого» стала провокация, которая привела к аресту парижской полицией трех влиятельных членов варшавского ЦНК, занимавшихся закупкой оружия для будущего восстания – Юзефа Цверцякевича, Чапиньского и Франтишека Годлевского. Балашевич свел с этими поляками итальянского революционера Джузеппе Мадзини, которого местная полиция подозревала в подготовке покушения на Наполеона III. Контакты с итальянским революционером как раз и стали поводом для их ареста⁶⁰¹. Любопытно отметить, что под фамилией «Чапиньского» в действительности – о чем на тот момент не знал Балашевич – скрывался не кто иной как Игнаций Хмельеньский (1837–1871), сбежавший за границу сообщник Людвиг Ярошинского, покушавшегося на жизнь Константина Николаевича в июне 1862 г. (см. п. 1. настоящей главы). Во время восстания 1863–1864 гг. Хмельеньский «прославился» как организатор

⁵⁹⁸ Ibid. S. 250.

⁵⁹⁹ Ibid. S. 260–261.

⁶⁰⁰ Россия под надзором. С. 576.

⁶⁰¹ Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 269–270.

«кинжальщиков» (польск. *szytelnicy*) и «жандармов-вешателей» – полицейских отрядов повстанческого Национального правительства, осуществлявших террор против российских чиновников и пророссийски настроенных поляков⁶⁰². О том, что «Чапиньский» на самом деле был Хмельеньским, Балашевич узнал от своего агента вечером 6 января 1863 г. – в этот же день он отправил послание с этими данными⁶⁰³.

Тем временем оказалось, что за троих задержанных вступился принц Жером Наполеон, «из-за своего слабого характера дающий себя использовать как орудие польской эмиграции». Согласно донесению Балашевича от 8 января, агентов варшавского ЦНК благодаря заступничеству кузена Наполеона III велено было освободить, но с условием, что они должны покинуть пределы Франции в течение 24 часов⁶⁰⁴. Балашевичу, однако, удалось на некоторое время продлить арест Хмельеньского – агент донес в префектуру полиции, что тот являлся соучастником покушения на вел. кн. Константина Николаевича⁶⁰⁵. В секретной депеше русского посла во Франции Андрея Федоровича Будберга от 30 декабря (11 января) содержалась похожая информация, однако о роли Балашевича там ничего не было сказано – вероятно, в целях сохранения конспирации. В качестве виновника освобождения эмиссаров указан не принц Наполеон, а некие «высокопоставленные адвокаты». Кроме того, «Чапиньского» задержали на больший, чем Цверцякевича и Годлевского, срок не по наводке тайного агента, а под предлогом «установления личности», и назвал тот свою настоящую фамилию (Хмельеньский) уже после короткого допроса в префектуре полиции⁶⁰⁶.

⁶⁰² Тема деятельности «кинжальщиков» накануне и во время Январского восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском хорошо известна. См., например, статью об отражении образа «кинжальщиков» в польской историографии и литературе: *Małochleb P. Szytelnicy powstania styczniowego – historiografia i literatura. Rekonesans // Teksty Drugie. Teoria literatury, krytyka, interpretacja. 2008. № 3. S. 184–193.*

⁶⁰³ *Potocki A. Op. cit. S. 279.*

⁶⁰⁴ *Ibid. S. 280.*

⁶⁰⁵ *Ibid. S. 281.*

⁶⁰⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 395. Л. 1–4. П.П. Черкасов в Архиве внешней политике Российской политики (АВПРИ) работал с оригиналом этой депеши, направленной российскому министру иностранных дел А.М. Горчакову. В процитированном

Деятельность Балашевича по перехвату переписки Герцена и Бакунина с польскими эмигрантами нашла отражение в отчете III отделения 1862 г. Среди корреспондентов русских революционеров обнаружилось, с одной стороны, члены «Варшавского центрального народного комитета» – Цверцякевич, Анборский, Сохновский, Новицкий, а, с другой стороны, их противник Мерославский, названный в отчете главой «польской партии движения». Особое внимание было уделено динамике отношений последнего с Бакуниным. Подчеркивалось, что несмотря на разногласия, они не исключали возможности договориться между собой: «Из перехваченного же письма Мирославского к Бакунину видно было, что, хотя они разошлись во мнениях насчет пределов будущего Королевства Польского [очевидно, что Мерославский выступал за Польшу в границах 1772 г., а Бакунин настаивал на необходимости самоопределения белорусских и украинских земель – *И. Б.*], но что они сохраняли еще свои связи, стремясь вместе, прежде всего к революции». Как варшавский ЦНК, так и «красный генерал» не оставляли попыток перетянуть русского революционера на свою сторону: «Мирославский старался уверить Бакунина, что Варшавского центрального комитета» вовсе не существует, что это лишь обман, но что главная революционная сила заключается в партии его Мирославского». Однако Михаил Александрович явно сделал выбор в пользу варшавской организации, поскольку «в конце года письма Бакунина обнаружили уже явный его с Мирославским разрыв, который произошел *отчасти под влиянием одного ловкого анонимного подстрекательства* [курсив мой – *И. Б.*]»⁶⁰⁷.

нами архивном деле ГА РФ приведена копия этого донесения, предназначавшаяся для III отделения. Исследователь привел также более ранние депеши от 6 и 24 декабря, в которых сообщалось, что адрес проживания эмигрантов ЦНК указал агент русского посольства, некий Леруа, и что именно Будберг потребовал у префекта парижской полиции арестовать заговорщиков. См.: *Черкасов П.П.* Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112. Таким образом, «граф Потоцкий» подготовил почву для провокации, а Леруа указал точные координаты Цверцякевича, Годлевского и «Чапиньского» (Хмеленьского). Оба агента, возможно, и не знали о существовании друг друга. Балашевич ничего не писал о местонахождении этих конспираторов и не упоминал о том, чтобы кто-либо выдавал их адрес.

⁶⁰⁷ Россия под надзором. С. 587.

Этим «ловким анонимным подстрекательством» являлась известная провокация «Потоцкого» против Бакунина в конце декабря 1862 г. Балашевич под псевдонимом «Абракадабра» вступил в переписку с русским революционером, выдавая себя за польского повстанца-доброжелателя, который в целях конспирации не мог выдавать своего имени. «Абракадабра» предупреждал Бакунина об интригах Мерославского, и в своем ответном письме 18 декабря 1862 г. Михаил Александрович поблагодарил анонима за «полезные предостережения»⁶⁰⁸. Я. Кухажевский посчитал ответ революционера наивным: «Кажется удивительным, что Бакунин не прервал переписки после этого письма анонима, неумело написанного, местами нелепого. Немногое нужно было, чтобы обмануть его»⁶⁰⁹. Однако на тот момент предостережение «Абракадабры» не представляло собой откровения для будущего классика анархической мысли. В том же письме 18 декабря он отметил: «Еще прежде, чем получил Ваше письмо, я решился отвечать на его [Мерославского – *И. Б.*] клевету, прочитав же ваше письмо, еще более убедился в необходимости этого шага» (отрывок с этой фразой Кухажевский разместил у себя же в монографии!)⁶¹⁰. Конкретно в этом случае о наивности Бакунина говорить не приходится – он уже и так был настроен против «красного генерала». В следующем послании «Абракадабра» пошел еще дальше и обвинил Мерославского в доносе на трех указанных выше членов варшавского ЦНК, которых парижская полиция благодаря провокации «Потоцкого» и по наводке российского агента Леруа арестовала по подозрению в связях с Мадзини. Однако Бакунин, отметив свою неприязнь к «красному генералу», усомнился, что Мерославский мог пойти на такую низость, и попросил «Абракадабру» привести весомые доказательства его измены⁶¹¹.

⁶⁰⁸ *Potocki A. Raporty szpiega. T.1. S. 85–86.*

⁶⁰⁹ *Кухажевский Я. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 293.*

⁶¹⁰ Цит. по *Кухажевский Я. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 292; Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 86.*

⁶¹¹ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 89–90.*

Итак, к концу декабря 1862 г. отношения Бакунина и Мерославского уже были крайне напряженными, поэтому и в III отделении вполне справедливо подытожили, что «анонимное подстрекательство» Балашевича повлияло на разрыв двух революционеров лишь «отчасти». Известный советский и российский историк и бакуниновед Наталья Михайловна Пирумова полагала, что «разрыв с Мерославским был вполне естествен» и без влияния царских провокаторов, поскольку «националистическая программа польского генерала делала невозможным союз между ним и Бакуниным»⁶¹². С.М. Фалькович в монографии 2017 г. придерживалась похожей оценки, заключив, что «борьба русских революционных эмигрантов» с Мерославским «носила глубоко принципиальный характер как борьба подлинной революционности против революционной демагогии и авантюризма, подлинного интернационализма революционеров-демократов против шляхетского сословного национализма»⁶¹³.

Михаилу Александровичу действительно не нравилась бескомпромиссная приверженность повстанческого предводителя идее Польши «в границах 1772 г.», однако он долго не оставлял попыток договориться с «красным генералом». Известно, что переговоры между революционерами начались с момента их знакомства в августе 1862 г. и продолжались, как минимум, до октября того же года. В письме 1 октября Бакунин в весьма дипломатичном и уважительном тоне просил Мерославского переговорить с русскими революционерами, в то же время вежливо настаивая, что они не могли пойти на разрыв отношений с варшавским ЦНК, которым руководили соперники генерала⁶¹⁴. В связи с этим не случайно, что в приведенном выше фрагменте из отчета III отделения указывалось, что Мерославский и Бакунин, невзирая на разногласия, «...сохраняли еще свои связи, стремясь вместе, прежде всего к революции».

Бакунин неоднократно выказывал готовность идти на компромисс и заключать тактические союзы даже с принципиальными идеологическими

⁶¹² Пирумова Н. М. Михаил Бакунин. М., 1970. С. 194.

⁶¹³ Фалькович С.М. Указ. соч. С. 274.

⁶¹⁴ *Żychowski M. Generał klęski: Ludwik Mierosławski. Warszawa, 1965. S. 533–534.*

оппонентами ради достижения общей цели – борьбы с самодержавием. Накануне Январского восстания он и Герцен активно сотрудничали с консервативным «Отелем Лямбер», несмотря на всю разницу взглядов между ними⁶¹⁵. При этом следует подчеркнуть, что Бакунин был лично знаком с князем А. Чарторыйским еще с 1845 г.⁶¹⁶. Уже после начала восстания, весной 1863 г. он присоединился к неудачной экспедиции польских эмигрантов, отправлявшихся на британском пароходе «Ward Jackson» с грузом оружия на помощь повстанцам на территории Литвы. Русскому революционеру не помешало, что в качестве военного руководителя похода был выбран полковник Теофиль Лапиньский (1827–1886), которого сам же Михаил Александрович охарактеризовал как «патриота в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским»⁶¹⁷.

Не стоит забывать и о том, что провокации Балашевича против Бакунина не сводились только к «ловкому анонимному подстрекательству» в последних числах декабря 1862 г. и начались еще осенью того же года. Выше уже приводился обзор агента за период от 15 сентября до 20 ноября, из которого следовало, что Балашевич пересылал письма с нелюбезными характеристиками Бакунина Мерославским, и Мерославского Бакуниным и тому, и другому (в какие дни именно это произошло, агент не указал). Отсюда вытекает, что ни Михаил Александрович, ни «красный генерал» в тот период не собирались окончательно «сжигать мосты» и осмеливались откровенно высказываться друг о друге только в переписке с третьими лицами. В более раннем и точно датированном донесении Балашевича за 25 октября 1862 г. текущий статус отношений двух революционеров описан краткой и категоричной ремаркой: «При посредничестве [Руфина – приписка Р.

⁶¹⁵ Об этом сотрудничестве в 1861–1862 гг. см. подробнее: *Wereszycki H. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1957. Nr 2. S. 234–269.*

⁶¹⁶ *Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001. С. 156.*

⁶¹⁷ *Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 206.*

Гербера] Пиотровского⁶¹⁸ мы окончательно поссорили Мерославского с Бакуниным, которые прервали переписку»⁶¹⁹. Исходя из указанных выше отчетов, а также процитированного выше доброжелательного по тону послания Бакунина Мерославскому от 1 октября того же года, можно предположить, что провокация Балашевича и вызванные ею ссора и прекращение переписки могли иметь место не ранее первой половины–середины октября и не позднее ноября. Таким образом, когда Бакунин переписывался с «Абракадаброй» в конце декабря, его «знание» об «интригах» Мерославского изначально могло быть навеяно уже настоящими интригами царского агента. Поэтому целью писем Балашевича-Потоцкого под личиной «Абракадабры» вероятно являлось не провоцирование конфликта (ибо он уже существовал), а стремление окончательно убедить русского революционера отказаться от каких-либо попыток примирения с Мерославским.

Очевидно, что Балашевич явно преувеличивал степень своего влияния и что серьезные противоречия между Бакуниным и Мерославским возникли не на пустом месте. Долговременный и прочный союз между ними и вправду был маловероятен. Однако вероятности заключения временного и тактического альянса хотя бы на время восстания исключать не следует, учитывая указанную выше способность Бакунина договариваться с совершенно разными политическими силами. Провокация «Потоцкого» вывела коммуникацию революционеров за рамки конструктивного диалога и свела ее к потоку взаимных оскорблений.

⁶¹⁸ Руфин Пиотровский (1806–1872) – польский эмигрант, участник Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. В качестве эмиссара эмиграции под именем британского подданного Джозефа Катара прибыл в Подольскую губернию осенью 1843 г., где был схвачен местными властями. Осужден и отправлен на каторжные работы под Омском. В 1846 г. сбежал с каторги во Францию. Оставил известные мемуары о своем пребывании в Сибири. Подробнее о нем см.: *Śliwowska W. Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 1997. S. 11–31.* Балашевич развернуто о Пиотровском не писал и оставил о нем только отдельные упоминания. В связи с этим непонятно, какие отношения их связывали. По-видимому, Пиотровский состоял в переписке с Мерославским и Бакуниным, поэтому и стал невольным «посредником» провокации «Потоцкого».

⁶¹⁹ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 211.*

Хорошо известно, что российская революционная организация «Земля и воля», от имени которой выступали Герцен с Бакуниным, не обладала реальными силами, чтобы помочь польского восстанию⁶²⁰. Тем не менее, оба русских революционера обладали широким кругом контактов в среде польской эмиграции. Поэтому провокации против них, как следует из всего вышесказанного, затрагивали и эмиграционных предводителей, усиливая и так обычно негативный эмоциональный фон в среде деятелей польского национального движения.

Подводя промежуточный итог операциям Балашевича в 1861–1862 гг., отметим, что его можно считать не только (и не сколько) пионером использования методов провокации в заграничном сыске (элементы таковой имелись и в деятельности Вернера-Куберского 1830-х гг.), сколько инициатором внедрения приемов психологической войны. Именно он попытался реализовать кампанию по тотальной деморализации польской эмиграции и их союзников – от «Отеля Лямбер» до Мерославского и Бакунина. Практически невозможно точно измерить качественный и количественный урон от его действий. Однако несомненно то, что его операции мешали координации усилий со стороны разных врагов самодержавия. Арест, пусть и временный, закупавших оружие лидеров ЦНК означал, например, что тот или иной повстанческий отряд не получил винтовки или получил их в недостаточном количестве, что конспиративные планы приходилось корректировать и т.п. Эффективности деятельности Балашевича придавали не только его авантюризм, аналитические и организаторские способности, но и особенности его идентичности и мировоззрения. Будучи выходцем из виленского дворянства, он прекрасно понимал национально-романтическое самосознание польско-литовской шляхты и был знаком с традициями повстанческой борьбы. При этом еще с детско-юношеских лет он испытывал симпатии к русской монархии и осознавал себя представителем российской нации как полиэтничного и внесословного сообщества. Свободная ориентация в польской традиции позволяла

⁶²⁰ Подробнее о контактах «Земли и воли» с польским национальным движением см.: *Kieniewicz S. Op. cit. S. 333–338,*

ему успешно внедриться в польскую эмиграцию и противостоять ей на ее же территории, а осознание себя гражданином Российской империи придавало идейной решимости в этой борьбе. Кроме того, близкое знакомство с купеческо-антикварной средой также могло позитивно повлиять на навыки его агентурной работы. Купцы, как показывает, например, опыт семейства Бохенков из Кракова 1830-х гг., могли участвовать в контрабанде оружия и снабжении эмигрантов поддельными документами.

Несмотря на плодотворное сотрудничество российского политического сыска с префектурой парижской полиции, у III отделения было мало иллюзий относительно характера польской политики Второй империи. В отчете 1861 г. в очередной раз подтверждались наблюдения Я.Н. Толстого о курсе французского и британского правительств в отношении польских эмигрантов: «Великобританское правительство, хотя производит польским выходцам денежное вспомоществование, но в весьма ограниченном размере, тогда как во Франции им официально отказано им в пособии, но зато оно выдается им довольно щедро из рук полицейской префектуры»⁶²¹. Как и за десятилетие до этого, правительство Великобритании придерживалось крайне либеральной иммиграционной политики и пускало к себе самых опасных радикалов, в то время как руководство Франции стремилось держать эмиграцию на «коротком поводке», жестко репрессировав противников бонапартистского режима и щедро вознаграждая «послушную» часть.

Тем не менее, открытая поддержка правительством Наполеона III Январского восстания, хоть и не повлекла за собой реальной помощи повстанцам, но все же оставила неприятный осадок у российского руководства и деятелей заграничного надзора. Во вступительной части отчета III отделения за 1863 г. В.А. Долгоруков впервые зафиксировал, что Вторая империя и польское национальное движение, с одной стороны, и, с другой стороны, Россия по сути являлись идеологическими противниками: «Начало народностей, впервые провозглашенное патриархом революции, старцем Мадзини, которое в сущности, *есть не что иное, как*

⁶²¹ Там же. С. 538.

отрицание истории и возвращение к первобытному состоянию [курсив мой – И. Б.], это чисто революционное начало было усвоено Людвигом-Наполеоном и сделалось в его руках опасным орудием для нарушения спокойствия и политического равновесия европейских государств». В итоге «...и в вопросе польском, везде политика Второй империи является представительницею начала народностей»⁶²². В этой обличительной характеристике особенно обращает на себя тот факт, что «национально-освободительная революция польского народа» и, согласно распространенной в то время точке зрения, самая прогрессивная страна европейского континента критикуются не с позиций верноподданнически-охранительного традиционализма (казалось бы, органично присущего «царизму»), а как раз с точки зрения государственнического прогрессизма. В данной оптике свободолобивые польские эмигранты и нехотя примкнувший к ним Наполеон III представляли как сторонники раздробления органически развивающихся европейских государств на архаические этнические общности, которых бы объединяла только племенная вражда к чужакам. Эти рассуждения весьма сходны и с мировоззрением Балашевича, который таким же образом выступал за «прогресс» против «невежества», а также стирание сословно-этнических различий. В этом смысле агентурная деятельность и идентичность «Потоцкого» во многом соответствуют духу «либеральной бюрократии» и «Великих реформ» царствования Александра II.

Отчет о польской политике Наполеона III составил и Балашевич. В донесении 24 мая 1863 г. подчеркивалось, что приход к власти Наполеона III финансировался в том числе польскими эмигрантами-аристократами (Чарторыйские, Браницкий и проч.) и что с самого начала император только делал вид, что верит в дружбу с Россией. В частности, после Крымской войны он не поднял польского вопроса на Парижской конференции только из-за неблагоприятной международной обстановки. Агент указал, что Наполеона III не устраивала в польском восстании только его преждевременность: Франция на тот момент тратила огромные средства

⁶²² Там же. С. 602.

на мексиканскую кампанию и ей было не до поляков. Императору пришлось выступить с дипломатическим осуждением России, чтобы хоть как-то успокоить еще более радикальную общественность, а своего революционно настроенного кузена «Плон-Плона» он использовал для контроля над общественными настроениями. По мнению Балашевича, все предыдущее сотрудничество префектуры парижской полиции с российским тайным сыском было вызвано стремлением Наполеона III усмирить революционно-демократические круги, которые были недовольны его слишком медлительной и двойственной политикой в польском и итальянском вопросах. Именно отсюда и проистекали стремления радикалов убить императора и провозгласить революцию во Франции⁶²³.

Так или иначе, и Балашевич, и его начальство в III отделении к 1863 г. пришли к выводу, что при удобной международной обстановке Вторая империя не преминула бы осуществить вооруженное вмешательство в польские дела и что удерживало ее от этого только прагматизм части французских высших кругов в лице самого Наполеона III. Поэтому не является удивительной описанная выше стратегия «короткого поводка» со стороны Франции в отношении польской эмиграции: власти готовы были хорошо содержать «послушную» часть польских выходцев, готовых четко придерживаться колебаний внешнеполитической линии императора. В свою очередь, радикальное крыло демократов хотело действовать независимо, опираясь на враждебных Второй империи европейских революционеров. Поэтому этих эмигрантов французское правительство намеревалось усмирить, и в российском III отделении оно нашло удачного тактического союзника.

Несмотря на все усилия российского заграничного сыска и Балашевича-Потоцкого, польская эмиграция после начала Январского восстания единодушно поддержала повстанческое правительство в Варшаве (хотя несомненно следует учитывать, что благодаря агентурным провокациям эта поддержка не была такой скоординированной, как хотелось бы повстанцам). Методы помощи восстанию у

⁶²³ Ibid. S. 344–349.

демократического и консервативного лагерей различались. Согласно отчету III отделения за 1863 г., В. Чарторыйский во главе «Отеля Лямбер» проводил традиционную для этой группировки кампанию по агитации европейской общественности и прессе в пользу Польши, а также организовывал различные комитеты для добровольцев. Кроме того, при посредничестве принца Наполеона молодой князь состыковался с «умеренными демократами» и занялся сбором денежных средств и оружия в пользу повстанцев. Более радикальная часть эмиграции, как обычно, в большей степени рассчитывала на успешность повстанческих акций, чем на солидарность европейских кабинетов, и «мечтала о границах 1772 года»⁶²⁴.

Тем не менее, внутреннее положение эмигрантских группировок было далеко не безоблачным. И в отчете III отделения, и в донесениях Балашевича начала июня 1863 г. отмечалось, что внутри аристократической партии велась острая борьба за власть между Вл. Чарторыйским и братьями Замойскими – Владиславом (генералом и правой рукой покойного князя Адама) и Анджеем (лидером «Земледельческого общества», организации «белых», действующей в Царстве Польском). И при этом все трое пытались втянуть Великобританию в войну с Россией⁶²⁵. Но в том же июньском донесении «Потоцкий» выразил уверенность, что они «не знают англичан, которые ведут войны ради прибыли, которую Польша им не принесет». Старания Чарторыйского и Замойских, согласно описаниям Балашевича, свелись к собиранию «шумных пьяных толп», «наэлектризованных» «проплаченными ораторами»⁶²⁶. В итоге британская элита не захотела иметь с ними дела. В донесении 12 августа агент отметил, что Чарторыйского и Замойских не приняли ни британская королева, ни члены правительства⁶²⁷.

Последнее свидетельство является одним из подтверждений того, что британскому правительству была очевидна обреченность Январского восстания.

⁶²⁴ Россия под надзором. С. 607–608.

⁶²⁵ Россия под надзором. С. 609; *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 362.

⁶²⁶ *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 362.

⁶²⁷ *Ibid.* S. 386–387.

Примечательно, что в том же 1863 г. британская банкирская контора «Фрюлинг и Гошен» приобрела у России концессию на строительство железной дороги из Динабурга (ныне литовский Даугавпилс) в Витебск, проходившей через один из очагов польского восстания в западных губерниях. При этом положительное решение по поводу этого проекта Петербург вынес 1 (13 марта) 1863 г., то есть, по замечанию Ю.А. Борисёнка, «меньше чем через десять дней после того как Великобритания 2 марта выступила с первой, но далеко не последней (дипломатическая интервенция повторилась 29 июня и 11 августа 1863-го) нотой в защиту повстанцев». Правительство Ее Величества была готово поддержать польские стремления к самостоятельности только в пределах Царства Польского – территории, вошедшей в Российскую империю на особых правах по решению Венского конгресса в 1815 г., в отличие от бывших литовско-белорусских земель Речи Посполитой, которые в рамках тогдашнего миропорядка признавались неотъемлемой частью России⁶²⁸. Великобритания, таким образом, будучи не против немного навредить российскому самодержавию путем дипломатических демаршей, в то же время, не собиралась приносить в жертву коммерческие интересы своих подданных в России ради восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г.

Во время восстания Балашевич-Потоцкий не прекращал стравливать эмигрантов и их союзников. Так, например, в донесении 13 июня 1863 г. он указал, что от имени варшавского ЦНК послал Герцену поддельные письма, в которых поляки якобы отказывались от сотрудничества с российским революционером⁶²⁹. Конечно, этот и подобные провокаторские эпизоды вряд ли оказывали решающее воздействие на ход восстания (правда рано или поздно раскрывалась), но несомненно, что такие спецоперации наносили ущерб моральному духу революционных демократов, и так ежедневно испытывавших негативные последствия перманентных ссор группировок демократического лагеря.

⁶²⁸ *Борисёнок Ю.А.* Переулок Калиновского, или станция Полоцк вместо Полоцкого университета // *Русский сборник*. Т. XV. М., 2013. С. 405–409.

⁶²⁹ *Potocki A.* Raporty szpiega. Т. 1. S. 365.

Для Мерославского, как хорошо известно, Январское восстание обернулось фиаско. В январе 1863 г. варшавский ЦНК назначил его диктатором, однако после неудачных сражений февраля «красный генерал» оставил свой пост и удалился в Париж. Но Балашевич-Потоцкий сохранял веру в способности незадачливого диктатора. В донесении 27 июля 1863 г. агент подчеркнул, что Мерославский «...может еще поднять голову, это существо очень живучее»⁶³⁰.

К несчастью для агента, в 1863 г. ему пришлось прервать свою деятельность из-за разоблачения, упомянутого в первом параграфе. Остальные сохранившиеся донесения датируются уже 1865 годом и относятся к лондонскому периоду его работы. Впрочем, вынужденный переезд в Лондон вполне может иметь под собой и чисто разведывательные основания. В начале 1860-х гг. у III отделения не было собственного резидента в британской столице, и централизованным сбором агентурных сведений занимались только российский посол Ф.И. Бруннов, а также православный священник Попов, работавший при посольстве⁶³¹. Таким образом, Балашевич сохранял конспирацию и одновременно расширял горизонты заграничного сыска на территории Туманного Альбиона.

На 1863 г. внезапно завершилась и тема польской эмиграции в ежегодных отчетах III отделения, при этом каких-либо ремарок по этому поводу в тексте не содержалось. Впрочем, к тому моменту Александр II стал постепенно охладевать к самому формату ежегодных отчетов. Е.И. Щербакова и М.В. Сидорова в предисловии к публикации этих документов за 1827–1869 гг. предположили, что императора могли огорчать все увеличивающиеся с каждым годом сведения о росте недовольства населения, о появлении радикального крыла общественного движения и т.п.⁶³². На фоне этих проблем интерес императора к польской эмиграции, по-видимому, и вовсе пропал – последние сохранившиеся отчеты за

⁶³⁰ Ibid. S. 382.

⁶³¹ *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». С. 118.

⁶³² *Сидорова М.В., Щербакова Е.И.* Предисловие // *Россия под надзором...* С. 15.

1866 г. и 1869 гг. практически полностью посвящены проблеме нигилизма и русскому революционному движению.

Таким образом, резкий всплеск активности польского национального движения и польской эмиграции в период от Крымской война и до Январского восстания 1863–1864 гг. заставил российский политический сыск перейти от пассивной тактики агентурного надзора николаевской эпохи к более широкому внедрению приемов политической провокации и элементов психологической войны. В устах Балашевича-Потоцкого впервые была четко сформулирована мысль, что нужно не дожидаться распада эмиграции под бременем внутренних противоречий, а разжигать и множить эти противоречия с целью ее деморализации и окончательной нейтрализации. Тем не менее, следует признать, что новшества в работе заграничного сыска не предопределили окончательную судьбу восстания, а лишь облегчили его подавление. Как известно, ключевым решением российских властей стала аграрная реформа в Царстве Польском 1864 г., по которой местному крестьянству земля передавалось в собственность на безвозмездной основе. Эта реформа окончательно расположила польских крестьян в пользу царского правительства и нейтрализовала пропаганду лагеря «красных», пытавшихся перетянуть сельских жителей на свою сторону⁶³³. В этом смысле оптимистические отчеты III отделения конца 1850-х гг., говорившие о «попечительных мерах» правительства и лояльности большинства населения недалеки от правды – это большинство в итоге действительно поддержало российскую власть, а не повстанцев. Однако это не отменяло того факта, что подавление организованного активным меньшинством восстания требовало огромных издержек, которые можно было бы снизить при помощи в том числе операций на тайном фронте. И с этой точки зрения инновации в агентурной работе российской политической полиции на польском направлении сыграли значительную роль в борьбе с польской эмиграцией накануне и во время событий 1863–1864 гг.

⁶³³ О крестьянской реформе 1864 г. в Царстве Польском см. подробнее: *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 716–720; *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962.

3. Новая волна польской эмиграции и деятельность заграничной агентуры в ее среде во второй половине 1860-х гг.

Казалось бы, чувствительное и судьбоносное для польского общества поражение Январского восстания должно было прекратить все поползновения к скорейшей организации новых возмущений и убедить эмигрантов в большей полезности идей «органического труда». Однако фиаско открытой повстанческой борьбы в 1863–1864 гг. вовсе не означало, что исчезли условия для существования политической польской эмиграции. Вторая империя Наполеона III – ее главная покровительница, пока еще пользующаяся славой сильнейшей военной державы на европейском континенте⁶³⁴ – продолжала существовать вплоть до сентября 1870 г. Триумф Пруссии во франко-германской войне 1870–1871 гг. и ее превращение в могущественную и крайне антипольскую Германскую империю еще никому не был очевиден.

Даже в количественном отношении новая эмиграция не сильно уступала «классической» «Великой эмиграции» 1831–1862 гг. – общая ее численность составляла 8 тыс. человек (против 10 тыс. у старой эмиграции). Из них в период 1865–1870 гг. во Франции жило 3,4 тыс. эмигрантов, в Швейцарии – 600, Италии – 300, германских государствах – 300, в Бельгии – 200, в Великобритании – 200, на неевропейских континентах – 1500, в Турции и Румынии – 1500⁶³⁵. Важно отметить, что в это число включается только политическая эмиграция, а не более многочисленная экономическая.

Главное отличие новой эмиграции от старой заключалось не в количественном и даже не в качественном составе. Многие «старые» эмигранты, развивавшие свою деятельность за границей до Январского восстания (Вл.

⁶³⁴ О репутации и уровне подготовки французской армии в 1860-х гг. см. подробнее: *Бодров А.В., Власов Н.А. Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019. С. 79–93.*

⁶³⁵ *Borejsza J. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 41.*

Чарторыйский, Л. Мерославский, А. Жабицкий, Л. Оборский и мн. др.), продолжали функционировать и в 1860–1870-х гг.

Тем не менее, новая волна политической эмиграции существовала в принципиально иных исторических условиях. Если «Великая эмиграция» в 1830–1840-х гг. была единственной свободной трибуной для политической активности польского национального движения, то к 1860-м гг. она потеряла эту монополию – с 1867 г. в Австро-Венгрии польской Галиции было предоставлено широкое право автономии, которой в первую очередь воспользовались поляки. Наконец, в самом польском обществе в этот период, в отличие от 1830–1840-х гг., все больше ширилось представление о том, что возрождение польской государственности – дело далекого будущего, и что в ближайшей перспективе нужно бороться за расширение политических прав поляков в рамках государств, разделивших Речь Посполитую, а не готовить очередное вооруженное восстание⁶³⁶.

Интересно утверждение Е. Борейши о том, что с завершением в Европе «буржуазно-демократических» и «национально-освободительных революций», в результате которых образовались объединенная Германия и Италия, дуалистическая Австро-Венгрия, республиканская Франция, польские эмигранты потеряли важнейших союзников на Западе – буржуазию. Французские и немецкие буржуа обрели все необходимые им политические права, и польские выходцы, бывшие их союзниками в борьбе за политическую эмансипацию, потеряли свое значение. Е. Борейша заключал, что польские эмигранты, «романтики свободы», оказались «запоздалыми гостями на капиталистическом Западе»⁶³⁷.

Символическими были и некоторые перемены в политике западных стран в отношении эмиграции. Так, например, когда власти Российской империи переименовали Царство Польское в «Привислинский край», английское правительство упразднило отдельную статью в бюджете, направленную на выплату пособий «для польских беженцев». Расходы на польскую эмиграцию

⁶³⁶ Ibid. S. 420.

⁶³⁷ Ibid. S. 419.

перешли в общую рубрику «подаяния и другие формы поддержки»⁶³⁸. Тем не менее, в Великобритании⁶³⁹ продолжало действовать одно из самых либеральных, наряду со Швейцарией, законодательств в отношении политических эмигрантов. Не случайно именно там будут спасаться многие участники (в том числе и польские) Парижской коммуны.

Переломным моментом в судьбе польской эмиграции в итоге стало поражение Франции в войне 1870–1871 гг. Именно после этого события польские выходцы стали массово возвращаться в родные пределы. Самым популярным направлением была автономная Галиция⁶⁴⁰. А условным хронологическим рубежом окончательного и бесповоротного затухания всего политического эмиграционного движения в его классической форме⁶⁴¹ стал Берлинский конгресс 1878 г. Именно тогда развеялись надежды польской эмиграции на вступление Англии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на стороне Османской империи и именно тогда прекратили свое существование большинство политических группировок «романтиков свободы»⁶⁴².

Однако сразу после восстания 1863–1864 гг. вновь бежавшие на чужбину повстанцы были решительно настроены взять реванш за поражение. Конфигурация сил внутри эмиграции в период 1865–1870 гг. не сильно изменилась по сравнению с периодом до восстания. Главной угрозой Балашевич по-прежнему считал радикально-демократический лагерь и Л. Мерославского, в реальности серьезно дискредитировавшего себя в роли незадачливого диктатора прошедшего

⁶³⁸ Ibid. S. 31.

⁶³⁹ О миграционной политике Соединенного Королевства в 1826–1905 гг. см. подробнее: *Marchlewicz K. Wielka Emigracja na Wyspach Brytyjskich (1831–1863)*. Poznań, 2008. S. 43–48.

⁶⁴⁰ *Borejsza J. Op. cit.* S. 416–417.

⁶⁴¹ Не стоит забывать о том, что собственно революционное движение польских земель на этом моменте не закончилось и продолжало развиваться в новых формах. Угасла только возникшая после 1831 г. традиция «Великой эмиграции», воспринимавшей себя в качестве представительницы польских интересов за рубежом и своеобразной формы сохранения польской нации в условиях отсутствия государственности.

⁶⁴² Ibid. S. 416.

восстания. В донесении 23 октября 1865 г. Балашевич сделал крайне категоричную оценку деятельности «красного генерала»: «...в течение последних лет виновником потрясений и агитации в Польше был только и исключительно Мерославский». Агент выразил уверенность, что «эта гидра революции до конца жизни будет нарушать спокойствие», осторожно добавив, что в настоящий момент Мерославский уже не мог рассчитывать на успех⁶⁴³. Противоречивость высказываний агента вполне объяснима. Начальству в III отделении нужно было представить хорошо знакомую и осязаемую фигуру главного «злодея», ответственного за все революционные волнения в Польше и на европейском континенте, а не массу довольно безликих и трудно отличимых друг от друга эмигрантских группировок, которые постоянно распадались, вновь возрождались или же объединялись. Похожим образом составлялись донесения, например, и в 1830-х гг., где речь часто шла не о демократическом или консервативном лагерях, а о партиях Чарторыйского или Лелевеля.

В лондонский период работы Балашевич изобрел новый антидот против романтически-повстанческой пропаганды – популяризацию идей «органического труда». Суть этой концепции заключалась в том, что обрести независимость Польша сможет только благодаря постепенному накоплению духовных и материальных сил польского народа, а не путем гибельных, с этой точки зрения, повстанческих выступлений. «Органический труд» не исключал самой возможности подготовки восстания, но предполагал его делом далекого будущего, когда нация к нему будет готова. Как указывалось ранее, консервативный лагерь (а вместе с ним и «белые» в Царстве Польском) уже присматривался к этим идеям. Тем не менее, консерваторам пришлось поддержать Январское восстание, чтобы «не потерять лицо» в польском национальном движении. Концепция «органического труда» весьма органично вписывалась и в мировоззрение «Потоцкого», поскольку ему явно была симпатична идея эволюционного развития общества на основе буржуазных реформ и внедрения достижений научно-

⁶⁴³ *Potocki A. Raporty zpiega. T. 2. S. 56.*

технического прогресса. С этой целью он размещал анонимные агитационные статьи в польских изданиях умеренного характера (в таких как издававшийся на территории Пруссии *Dziennik Poznański*), которые бы «успокоили» «разгоряченные умы» эмигрантов⁶⁴⁴.

Кроме того, для борьбы с Мерославским агент традиционно поддерживал его врагов из бывшего Национального правительства, как демократов из лагеря «красных», так и более умеренных «белых». Так, он завязал активную переписку с одним из бывших председателей этой повстанческой организации и видным представителем «белых» Агатоном Гиллером (1837–1887)⁶⁴⁵, обосновавшимся в швейцарском Цюрихе, а также присылал последнему статьи для публикации в его газете *Ojczyzna*⁶⁴⁶.

Мерославский, по крайней мере, в рассматриваемый период, действительно оказался весьма «живучим» – как следует из декабрьского донесения Балашевича 1866 г., он вступил в союз со своим бывшим противником из лондонской Централизации, Антонием Жабицким, сумевшим завладеть бывшей типографией Польского демократического общества (ПДО). Вместе они реанимировали эту организацию⁶⁴⁷.

Балашевич подробно останавливался и на деятельности ряда других организаций демократического толка. В отчетах 1866–1870 гг. он регулярно сообщал о попытках интеграции демократического лагеря (с включением деятелей из «белых») эмиграции в рамках «Объединения польской эмиграции» (*Zjednoczenie*

⁶⁴⁴ Ibid. Донесение 23 октября 1865 г.

⁶⁴⁵ Е. Борейша полагал, что газета „*Ojczyzna*”, которую редактировал А. Гиллер, с точки зрения политического спектра находилась между белыми и «правым крылом» красных. – *Borejsza J.* Op. cit. S. 69. О деятельности А. Гиллера после Январского восстания см. подробнее: *Florkowska-Frančić H.* Emigracyjna działalność Agatona Gillera po powstaniu styczniowym. Wrocław, 1985.

⁶⁴⁶ *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 2. S. 53.

⁶⁴⁷ Ibid. S. 102–103. О деятельности ПДО под руководством Мерославского в 1866–1870 гг. см. подробнее: *Żychowski M.* Generał kłęski: Ludwik Mierosławski. S. 598–637.

emigracji polskiej), группировки, похожей по своим целям и названию на аналогичный проект И. Лелевеля 1837–1846 гг., упомянутый в предыдущей главе.

«Объединение» представляло собой довольно аморфную коалицию эмигрантских обществ из разных регионов (Франции, Англии, Балкан и т.д.) без четко выраженного лидера и центра на основе принципов манифеста 22 января 1863 г. повстанческого Национального правительства (неделимая и независимая Польша в границах 1772 г., приверженность свободе, равенству и братству и т.п.). Важным внешним стимулом к организации общества стала австро-прусская война в июне-августе 1866 г., вновь породившая среди многих эмигрантов надежду на возможность поднятия польского вопроса на международной арене. Возглавлял его «Представительский комитет» (Komitet Reprezentacyjny), выборный орган на коллегиальной основе (в разное время ведущие позиции в нем занимали повстанческие генералы Я. Домбровский и В. Врублевский, З. Милковский, Ю. Токажевич, С. Ярмунд и др.)⁶⁴⁸. «Объединение» было самой крупной организацией эмиграции после восстания 1863–1864 гг. На пике в 1867 г. число его членов составляло около 1,5 тыс. человек, в 1868–1870-х гг. – чуть меньше тысячи, в то время как численность других значимых группировок не превышала обычно нескольких сотен человек⁶⁴⁹.

Балашевич постоянно подчеркивал, что разногласия между партиями внутри эмиграции препятствовали успешной реализации проекта «Объединения». Уже в донесении 5 июня 1866 г. он отметил, что объединение эмиграции, «несмотря на шум в газетах, не удастся», поскольку единство разбивают три враждебные партии: демократическая Мерославского, «дипломатическая» В. Чарторыйского и комитета А. Гиллера в Цюрихе (т.е. часть лагеря белых из бывшего Национального правительства). «Деятельность этих партий нам очень на руку, поскольку не допускает объединения»⁶⁵⁰, – заключил самозванный граф.

⁶⁴⁸ *Borejsza J.* Op.cit. S. 92–110.

⁶⁴⁹ *Ibid.* S. 93.

⁶⁵⁰ *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 2. S. 82–83.

В отчете 1 мая 1867 г. «Потоцкий» обратил внимание и на появление серьезных разногласий уже внутри самого объединения. Проект организации «Представительского комитета», составленный Я. Домбровским, В. Врублевским и С. Ярмундом, натолкнулся на сильную оппозицию со стороны Б. Свентожецкого и ксендза К. Жулиньского, которые, по мнению Балашевича, предложили проект, «полностью совпадающий с организационными принципами Варшавского центрального комитета [Центрального национального комитета – *И. Б.*], требующей неограниченной власти над всеми эмигрантами»⁶⁵¹.

В целом Балашевич верно отметил главных организаторов раскола внутри объединения – Свентожецкого и Жулиньского и их программу. Действительно, оба стремились объединить эмигрантов всех идеологических течений, а не только демократов (варшавский ЦНК перед восстанием 1863 г. включал в себя как «белых», так и «красных»), создать своего рода национальное правительство для всех поляков за рубежом. Важно только подчеркнуть, что они выступали не столько за беспрекословное подчинение всех эмигрантов единому центру, сколько за идеологическую гибкость и инклюзивность. Так, они противились тому, чтобы кандидаты на вступление в объединение давали присягу на верность демократическим идеалам манифеста Национального правительства от 22 января 1863 г., как этого требовали Врублевский, Домбровский, Ярмунд и др. В итоге Свентожецкий и Жулиньский сумели организовать собственное общество – «Организацию всей польской эмиграции» („Organizacja Ogółu”), которое «оттянуло» из объединения несколько сотен человек⁶⁵².

Наблюдения за противоречиями в стане эмиграции приводили Балашевича к выводу о ее неминуемом падении. «Эмиграция с каждым днем все больше распадается, а ненависть, которой она пользуется в Польше, слишком явная чтобы следовало опасаться новых потрясений»⁶⁵³, – так прокомментировал состояние дел агент в донесении от 25 февраля 1866 г. Впрочем, похожие прогнозы выдавала

⁶⁵¹ Ibid. S. 119.

⁶⁵² Borejsza J. Op. cit. S. 94, 111–124.

⁶⁵³ Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 73.

варшавская полиция еще в начале 1830-х г. и III отделение в конце 1850-х гг. При всей, казалось бы, внешней логичности подобных заявлений, подкрепляемых реальными фактами, польская эмиграция продолжала политическую активность и подготовку новых потрясений, в чем в скором времени убедились как Балашевич, так и его начальство.

Среди радикально-демократических группировок заграничная агентура особое внимание уделяла «Республиканскому польскому центру („Ognisko republikańskie polskie”, сокращенно ОРП)⁶⁵⁴. Группировка была основана в сентябре 1867 г. противником Мерославского Людвиком Булевским (1824–1883) и повстанческим генералом, бывшим адъютантом Александра II и родственником императора по линии жены Юзефом Гауке-Босаком (1834–1871). Движение создавалось в качестве «польской секции» (Wydział Polski) при международной революционной организации «Всемирный республиканский союз» (фр. Alliance Républicaine Universelle), возглавляемой Дж. Мадзини. В литературе подробно изучена идеология ОРП⁶⁵⁵, однако практически не рассматривались подрывные операции этой организации.

Первое подробное описание ОРП⁶⁵⁶ Ю. Балашевич представил в отчете от 8 февраля 1868 г. Согласно этому донесению, на организационном собрании

⁶⁵⁴ Поскольку в отечественной литературе нет общепринятых сокращений названия этой группировки, мы будем придерживаться калькированной с польского аббревиатуры – ОРП (от польск. ORP).

⁶⁵⁵ См., например: *Żmigrodzki J. Józef Bosak-Hauke // Niepodległość. Warszawa, 1933. Т. VIII. S. 173–205; Złotorzycka M. Ideologia „Ogniska Republikańskiego Polskiego” (1867–70) // Niepodległość. 1935. Т. XII. S. 1–21; Kozłowski E. Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871. Warszawa, 1973. S. 319–333; Radykalni demokraci polscy: wybór pism i dokumentów. 1863–1875 / Wyd. F. Romaniukowa. Warszawa, 1960; Borejsza J. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 145–156. О деятельности ОРП в 1867–1870 гг. см. нашу с Ю.А. Борисенком статью: *Борисенко Ю.А., Бабоша И.А. Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемпковского (1867–1870 гг.) // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2023. № 5. С. 35–48.**

⁶⁵⁶ В отчетах 1867–1870 гг. Балашевич регулярно именовал эту организацию «Революционным польским центром» („Ognisko rewolucyjne polskie”), а не

группировки председателем и главой швейцарской секции был выбран Ю. Гауке-Босак, а вице-председателем и руководителем лондонского ответвления общества стал Л. Булевский⁶⁵⁷. Определенное беспокойство у руководства III отделения должно было вызвать замечание Балашевича о том, что организационные принципы ОРП напоминали «тайные кружки карбонариев»: «цель оправдывает средства», «убийства коронованных особ и воровство – вот основные догматы их веры». Агент подчеркнул, что Босак и Булевский «открыто пропагандируют цареубийство» и «жаждут убийства императоров Франции, Пруссии [на тот Вильгельм I был еще только королем – *И. Б.*] и Австрии, чтобы в дальнейшем создать европейскую республику»⁶⁵⁸.

Балашевич не преувеличивал, сообщая об открытой пропаганде цареубийства двумя революционерами. Булевский в 1867 г. выступил от имени ОРП с «Письмом к Березовскому», в котором оправдывал 20-летнего польского эмигранта-террориста, покушавшегося на жизнь Александра II⁶⁵⁹ и, среди прочего, подчеркнул, что «...каждый поляк, если в каком-либо месте встретит царя – имеет право его убить, поскольку он несет несчастье стране, по земле которой ходит»⁶⁶⁰. Гауке-Босак в письме Э. Араго (французскому адвокату А. Березовского) оценил это покушение как «попытку осуществления справедливости от имени польского народа», поскольку «преступления царизма остаются безнаказанными»⁶⁶¹.

«республиканским». Вероятно, у него произошла контаминация с предыдущей группировкой Булевского (тогда он еще не объединился с Гауке) с похожим названием – «Революционным польским центром» (1864–1867 гг., сокр. также ОРП). См. *Borejsza J.* Op. cit. S. 145.

⁶⁵⁷ *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 2. S. 143.

⁶⁵⁸ Ibid.

⁶⁵⁹ Речь идет о покушении 25 мая (6 июня) 1867 г. на Александра II, приехавшего на всемирную выставку в Париж по приглашению Наполеона III. О визите российского императора в контексте русско-французской отношений см.: *Пухова Л.А.* Визит Александра II в Париж в 1867 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 6. С. 63–69.

⁶⁶⁰ Цит. по: *Złotorzycka M.* Antoni Berezowski i jego zamach na Aleksandra II-go // *Niepodległość*. 1934. T. VIII. S. 340.

⁶⁶¹ Цит. по: *Kozłowski E.* Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871. S. 291. Письмо из Женевы от 2 июля 1867 г.

Кроме того, в указанном выше донесении самозванный граф отметил законспирированный характер общества, указав, что Босак не согласился с требованием Демократического общества⁶⁶² раскрыть фамилии членов ОРП и что они «будут держаться в тайне»⁶⁶³. Принцип тайного членства действительно практиковался ОРП, и на данный момент невозможно установить точное число членов данной группировки. Е. Борейша, основываясь на том, что число подписчиков газеты этого общества („Rzecz Pospolita”) никогда не превышало 100 человек, что Босак после выхода из организации в августе 1869 г. заявил о 29 членах, а также о том, что 5 человек было достаточно для организации локальной ячейки ОРП, заключил, что Булевский мог втянуть в свою орбиту не более 100 человек⁶⁶⁴. Балашевич в отчете 23 апреля 1868 г. указал, что в ОРП было около 150 человек, что в полтора раза превышает оценку историка⁶⁶⁵.

Агент составил довольно точное описание идеологии ОРП. Так, программа этой группировки была похожа на мадзинистскую («создание европейской республики» и т.д.). Под республиканским устройством явно имелось ввиду преобразование Европы в свободную федерацию национальных республик, а не образование унитарного панъевропейского государства, как это можно было бы вывести из формулировки «европейская республика», использованной Балашевичем⁶⁶⁶.

Особенно интересен факт, что Балашевич очертил довольно специфическую территорию террористической активности ОРП, указав Францию, Австрию и Пруссию, но не Россию. На практике он сообщал только о планах этого общества по устранению Наполеона III, практически не упоминая о том, готовились ли

⁶⁶² Польское демократическое общество (ПДО) – радикальная эмигрантская группировка, в 1866–1870 гг. единолично возглавлялась генералом Л. Мерославским, враждовавшим с Л. Булевским. См.: *Żychowski M. Generał klęski: Ludwik Mierosławski*. S. 598–637.

⁶⁶³ *Potocki A. Raporty szpiega*. T. 2. S. 143.

⁶⁶⁴ *Borejsza J. Op. cit.* S. 149.

⁶⁶⁵ *Potocki A. Raporty szpiega*. T. 2. S. 150.

⁶⁶⁶ *Borejsza J. Op. cit.* S. 148.

подобные проекты в отношении австрийского, прусского и тем более российского монархов.

Так, в отчете 30 октября 1867 г. «Потоцкий» оповестил начальство о необходимости уведомить французское правительство, что в Лондоне вызревал заговор с целью покушения на жизнь правителя Второй империи. Согласно донесению, в нем должны были принять участие лондонские агенты Мадзини – Оливьери и Кальветти («поддерживают постоянный контакт с Булевским, который часто ездит по их делам в Париж») и собственно Булевский. Балашевич отметил, что французская полиция «безусловно знает о существовании заговора, но не знает, кто в нем участвует»⁶⁶⁷.

В донесении 14 декабря 1867 г. он сообщил о развязке: в конце ноября французская полиция перехватила два письма Булевского из британского г. Шеффилда и «открыла сущность заговора». Однако в связи с нахождением заговорщиков за пределами Франции преследование их в судебном порядке было невозможно⁶⁶⁸. В отчете 11 января 1868 г. выяснилось, что «составленный Мадзини план покушения на Наполеона при соучастии Булевского и др.» был отменен. Итальянское правительство, узнав об этом проекте, «использовало все средства, чтобы предотвратить катастрофу», а французская полиция сумела арестовать многих заговорщиков и перехватить их переписку⁶⁶⁹.

Судя по донесениям агента, Булевский и Мадзини, несмотря на неудачи, упорно не оставляли попыток ликвидировать Наполеона III вплоть до самого падения Второй империи в 1870 г. В донесении 11 марта 1869 г. Балашевич сообщил об аресте французской полицией двух членов ОРП – неких Рудницкого и Сенковского, подозреваемых в подготовке покушения на французского императора⁶⁷⁰. По данным самозванного графа на 16 марта 1870 г., против монарха Второй империи был открыт очередной заговор (арестовано 8 эмигрантов).

⁶⁶⁷ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 136–137.*

⁶⁶⁸ *Ibid. S. 139.*

⁶⁶⁹ *Ibid. S. 142.*

⁶⁷⁰ *Ibid. S. 170.*

Балашевич связал эти приготовления уже непосредственно с деятельностью французской республиканской оппозиции (союзниками Булевского и Мадзини). Он привел фрагмент речи Ле Мо, агента А. Ледрю-Роллена (одного из известных лидеров левых республиканцев): «Сомнительно, чтобы династия дожила до годовщины, поскольку все готово для выполнения задания»⁶⁷¹.

Своеобразную «избирательность» царубийственных проектов в отношении Наполеона III ОРП можно объяснить немаловажной ролью географического фактора. Намного проще было ликвидировать Наполеона III во Франции, имея базы и легальное присутствие в сопредельных странах (Великобритания, Швейцария), чем посылать законспирированных эмиссаров в Россию или дожидаться, пока Александр II отправится в заграничное путешествие.

Примечательно, что Балашевич ни разу не попытался связать деятельность ОРП и ее предшественников с покушением Березовского на Александра II. При этом расследованию этого инцидента он посвятил немало места в своих донесениях. Еще за два дня до прибытия российского императора в Париж 1 июня 1867 г. агент обеспокоился вопросом обеспечения его безопасности. В донесении 29 мая 1867 г. «Потоцкий» сообщил, что эмиграция, убедившись в верности новостей о приезде Александра II на всемирную выставку в Париже, возобновила агитацию и что «Центральная гмина Лондона» (т.е. лондонское ответвление ПДО во главе с А. Жабицким) решила отправить двух делегатов в Париж, Липиньского и Суходольского. Делегаты должны были выехать 2 или 3 июня. Балашевич предупредил, что активизация эмиграционной агитации могла представлять риски для безопасности монарха: «Поскольку, согласно надежным известиям, агитация парижской эмиграции возрастает, следует предпринять меры предосторожности во время запланированного смотра войск в Булонском лесу [туда направлялись Наполеон III вместе с Александром II и его сыновьями, великими князьями Александром и Владимиром – *И. Б.*] вообще во время всяческих поездок»⁶⁷².

⁶⁷¹ Ibid. S. 197.

⁶⁷² Ibid. S. 123.

Почти в это же время об активизации эмиграции, но уже цюрихской, сообщил Адольф Стемпковский в своем донесении Н.И. Павлицеву от 31 мая (по новому стилю). Агент отметил следующее: «почти все наши главные сановники [подчеркнуто в оригинале – *И. Б.*], одни уже поехали на выставку, а другие отправляются туда же на днях (и я вместе с ними)» и что «не позднее, чем через две недели, все они вернутся в Цюрих»⁶⁷³. В начале этого отчета присутствовало замечание: «Выписка из корреспонденции, не подходящей к печати». Сведения о потенциально опасных для государственной безопасности перемещениях эмигрантов явно не подходили для публикации в «Варшавском дневнике».

Стемпковский не отметил, кто конкретно и с какими целями отправлялся в Париж. Тем не менее, из его сообщения и из вышеприведенного донесения Балашевича явно следует, что часть польских выходцев из Лондона и Цюриха почти одновременно запланировали проведение неких операций в Париже непосредственно во время визита Александра II, причем цюрихские эмигранты изначально предназначали для этого двухнедельный интервал, а лондонские выбрали определенную географическую локацию (Булонский лес).

Уже на следующий день после попытки убийства Александра II в донесении 7 июня «Потоцкий» писал о том, что «его предположения оправдались» и что он даже «определил место, где следовало ожидать несчастья», что покушение на императора не было совершено из личной мести и что «злодей, поднявший руку на Монарха, был всего лишь пружиной общего заговора». Агент обратил внимание на то, что в момент прибытия в Лондон известия о неудачном покушении сразу же было созвано собрание «Центральной лондонской гмины»⁶⁷⁴.

В отчете 10 июня Балашевич и вовсе указал, что он, узнав о том, что местом покушения будет Булонский лес, тут же сообщил об этом в III отделение А.Ф. Шульцу⁶⁷⁵. Там же он отметил резолюцию лондонской гмины по поводу этого

⁶⁷³ ГА РФ. Ф. 109. Оп.2а. Д. 499. Л. 24.

⁶⁷⁴ *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 2. S. 123.

⁶⁷⁵ Александр Францевич Шульц (1823–1907) – с 1860 г. помощник старшего чиновника III Отделения, с 1869 г. чиновник по особым поручениям при главном

события: на собрании в доме А. Жабицкого «было решено выслать еврея Якубовского с целью более точного выяснения вопроса, принимала ли в покушении вся парижская эмиграция или только батиньольская гмина»⁶⁷⁶.

Новые известия о деле Березовского «Потоцкий» прислал только 10 июля, опираясь на данные своих информаторов в лондонской эмиграции, Янковского и Верецкого. Агент в очередной раз повторил свое предыдущее заключение о том, что неудавшийся убийца не был одиночкой («признания преступника в том, что он не имел сообщников, фальшивые»). Тем не менее, раздобытые им сведения носили скорее косвенный характер. «Говорят, что во время покушения несколько участников находилось возле него [Березовского], но, увидев бешенство толпы, скрылись [...]. План покушения действительно не был полностью известен лондонской эмиграции, однако слухи на это тему кружили и шла молва о том, что преступление будет совершено в Булонском лесу во время смотра войск»⁶⁷⁷.

Окончательно тему Березовского Балашевич закрыл в отчете 20 июля 1867 г., добавив интересное замечание о поведении А. Жабицкого и его сторонников во время процесса над провалившимся стрелком: «Негодование французского народа на поляков имело большой резонанс, в течение недели Жабицкий и компания были в высшей степени обеспокоены, опасаясь предательства Березовского. Все указывает на то, что Березовский без сомнения имел сообщников и только легковёрность французской полиции привела к тому, что была утеряна нить заговора»⁶⁷⁸.

Так или иначе, все вышеприведенные разведанные не давали однозначного ответа на вопрос, какие именно силы внутри польской эмиграции могли стоять за покушением. Известно, что 20-летний Антоний Березовский являлся членом ПДО,

начальнике (П.А. Шувалове), а с 1871 по 1878 г. – управляющий III Отделением (заместитель главного начальника).

⁶⁷⁶ Ibid. S. 124. Гмина «Батиньоль» – группа польских эмигрантов в Париже, располагавшаяся в одноименном квартале столицы Франции и входившая в Объединение польской эмиграции.

⁶⁷⁷ Ibid. S. 125.

⁶⁷⁸ Ibid. S. 126.

а значит, по крайней мере, формально мог быть аффилирован с Л. Мерославским (или вступившим с ним в союз А. Жабицким)⁶⁷⁹.

Однако это обстоятельство вкупе с нервной реакцией Жабицкого на гипотетические перспективы «предательства» Березовского свидетельствовало не столько о его прямой ответственности за организацию аттентата, сколько о страхе стать невольно вовлеченным в эту историю. Несостоявшийся убийца, может быть, даже знакомый с Жабицким и другими предводителями демократических группировок, вполне мог возложить вину в ходе проведения следственных мероприятий на кого-нибудь из высокопоставленных эмигрантов в попытке облегчить свою участь. В таком случае было бы неважно, являлся ли кто-либо из них организатором: демократический лагерь, а возможно и вся польская эмиграция подверглись бы компрометации.

Примечательно, что и Балашевич не спешил обвинять Жабицкого. Очевидно, что, если бы у агента была хотя бы малейшая улика, непосредственно инкриминирующая влиятельного эмигранта-демократа, он бы не преминул на нее указать. Впрочем, данное обстоятельство совершенно не исключает возможности причастия Жабицкого и/или других представителей эмиграции к покушению Березовского. В конце концов, не исключено, что Березовский мог действовать «не по плану», проявить «излишнюю инициативу», что в Булонском лесу столкнулись интересы разных эмигрантских группировок, готовящих независимо друг от друга разные подрывные и агитационные акции. Так или иначе, существующие данные оставляют простор для множества интерпретаций.

Из списка подозреваемых наверняка можно исключить эмигрантов, находившихся еще с начала 1850-х гг. под протекцией бонапартистских кругов, в особенности Л. Мерославского, которому явно было невыгодно устраивать аттентат прямо в Булонском лесу – в экипаже находился не только российский государь с сыновьями, но и Наполеон III, покровительствующий через «Плон-Плона» и «красному генералу», и его сторонникам. Но даже если бы и

⁶⁷⁹ Gerber R. Słownik biograficzny // Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 454.

существовала гипотетическая возможность убить Александра II без рисков для жизни и здоровья французского императора, трудно представить, чтобы бонапартистские власти могли это санкционировать или хотя бы «закрыть на это глаза». Наполеон III явно собирался вести дипломатические переговоры с российским самодержцем, к тому же ему конечно же не были нужны репутационные издержки хозяина всемирной выставки, на которой убивают глав государств.

Показательно, что Мерославский, на которого Балашевич возлагал исключительную вину за организацию Январского восстания 1863–1864 гг. и множество других прегрешений, избежал в отчетах самозваного графа обвинений в царевбийственных намерениях. Агент обратил внимание уже в отчете 20 июля 1868 г., что парижская и лондонская гмины польской эмиграции (отделения ПДО Мерославского), услышав новость о визите Александра II в Лондон, сошлись во мнении, что «политические убийства приносят больше вреда, чем пользы»⁶⁸⁰.

Балашевич отметил, что ветеран лондонской эмиграции и преданный сторонник Мерославского, полковник Людвик Оборский (1787–1873)⁶⁸¹ неодобрительно смотрел даже на помыслы организации протестной манифестации во время поездки самодержца, считая слухи о ее проведении результатом «новой выходки» Булевского. Агент также привел фрагмент заключительной речи Оборского на собрании лондонской гмины, в которой уважаемый старейшина демократической эмиграции решительно осудил идею царевбийства: «Граждане, я убежден, что никто из вас не примет участия в позорных покушениях, наш момент еще не настал, но подождите, и час мести точно пробьет. Генерал Мерославский советовал нам не участвовать в бесстыдных покушениях, которые могут погубить наши планы и покрыть нас позором». Чуть далее «Потоцкий», основываясь на данных своего информатора Верецкого и др., не преминул добавить, что «...со

⁶⁸⁰ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 157.*

⁶⁸¹ О деятельности Л. Оборского в период после Январского восстания 1863–1864 гг. см. подробнее: *Cygler B. Pułkownik Ludwik Oborski. Szermierz wolności (1787–1873). Gdańsk, 1976. S. 171–194.*

стороны лондонской эмиграции нашему императору опасность не грозит». Балашевич подчеркнул невозможность организации подрывных акций со стороны выходцев по причине внутренних несогласий: «антагонизм между Мерославским и Булевским обессиливает их обоих»⁶⁸².

В донесении 7 сентября 1868 г. Балашевич весьма удачно резюмировал все риски, связанные с царубийством, а также спрогнозировал маловероятность повторения в ближайшем будущем случая Березовского: «Пребывание императора за границей вызвало, как известно, сильное волнение, но, зная из опыта, что покушение на его жизнь вредит делу и накладывает невыводимое пятно преступления не только на убийцу, но и в определенной мере также на весь народ – было решено выразить всю ненависть только в столбцах газет, на собраниях и в костелах. Можно с полной уверенностью утверждать, что второй Березовский не скоро найдется»⁶⁸³.

Можно предположить, что в действительности ключевым фактором была скудность ресурсов ОРП и его зависимость от более влиятельных итальянских и французских революционных группировок в рамках «Всемирного республиканского союза». В донесении 26 сентября 1867 г. (вскоре после основания ОРП) Балашевич писал, что средства в распоряжении общества «минимальны и только в последнее время по просьбе Зеньковича [тестя и соратника Л. Булевского – *И. Б.*] Дзялыньский [польский граф-меценат – *И. Б.*] дал помощь в размере около 2000 франков»⁶⁸⁴. В упомянутом выше отчете от 8 февраля 1868 г. «Потоцкий» отметил, что ОРП покровительствовал Мадзини и что его агент доктор Оливьери передал Булевскому 14 тыс. франков на первые нужды общества⁶⁸⁵.

Из рапортов Балашевича явно следует, что ОРП выступал в качестве реципиента финансовой помощи, а движение Мадзини было его донором. Главным

⁶⁸² Ibid.

⁶⁸³ Ibid. S. 159.

⁶⁸⁴ Ibid. S. 134.

⁶⁸⁵ Ibid. S. 143.

врагом итальянских революционеров и их союзников из французской республиканской оппозиции был режим Наполеона III, а не российское самодержавие. Логично предположить, что ОРП вынужден был действовать, прежде всего, в фарватере интересов своих «старших партнеров» и не имел финансов для самостоятельного решения задач польской национально-освободительной борьбы.

Кроме проектов царубийств, в российских агентурных донесениях встречаются обвинения деятелей ОРП в фальшивомонетничестве. В исследовательской литературе известны сюжеты об участии выходцев из западных губерний России в подделке российских банкнот в заграничных типографиях и их дальнейшей контрабанде в пределы Российской империи⁶⁸⁶. В то же время, в польской историографии принято подчеркивать, что собственно политические эмигранты (т.е. участники национального-освободительного движения, а не обычные преступники) не занимались фальшивомонетничеством и что все обвинения против них были провокациями российской агентуры, стремившейся очернить польскую эмиграцию в глазах западных властей. Такие провокации действительно существовали. В частности, на рубеже 1860–1870-х гг. подобной деятельностью занимался агент российского министерства финансов Г.П. Каменский, под началом которого некоторое время работал в том числе и А. Стемповский⁶⁸⁷.

⁶⁸⁶ См., например, современные статьи по данной проблематике, основанные на материалах белорусских и украинских архивов соответственно: *Колобова И.Н.* Зарубежные центры по подделке российских кредитных билетов (вторая половина XIX в.) // *Pieniądz – kapitał – praca – wspólne dziedzictwo Europy – Białorus – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Słowacja – Ukraina / Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej.* Warszawa, 2008. S. 193–197; *Бойка-Гагарин А.* Нові дані про ввезення до Російської імперії фальшивих грошей із Англії протягом XIX ст. // *Наукові записки з української історії.* Переяслав-Хмельницький, 2019. Вип. 45. С. 207–218.

⁶⁸⁷ См. подробнее: *Кухажевский Я.* Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 307; *Gerber R.* Op. cit. S. 13–23.

Известный современный специалист по «Великой эмиграции» Радослав Журавский вель Граевский в своей рецензии на монографию фламандского историка-полониста Идесбальда Годдериса о польской эмиграции в Бельгии в 1831–1870 гг. обратил внимание на сюжет о преследованиях бельгийской полицией эмигрантов за фальшивомонетничество. Польский историк отметил, что этот случай «мог быть провокацией, подготовленной российскими агентами, стремящимися уничтожить репутацию польских выходцев», поскольку кроме этого инцидента у них не было других конфликтов с бельгийской полицией⁶⁸⁸.

Нельзя исключать возможности того, что обвинения в фальшивомонетничестве были связаны с провокациями российской заграничной агентуры, но, в то же время, это не отменяет реальных фактов вовлеченности части польских выходцев и еврейских эмигрантов из Российской империи в эту деятельность⁶⁸⁹.

Стемпковский и Балашевич-Потоцкий в своих донесениях неоднократно связывали случаи подделки российских ассигнаций с деятельностью польских, еврейских (т.е. евреев из Польши), а иногда и русских эмигрантов. Например, в донесении 25 февраля 1866 г. Балашевич написал, что лондонская полиция арестовала двух эмигрантов, принадлежавших к «шайке фальшивомонетчиков», что «кружат слухи о подделке 25-рублевых банкнот» и что «значительное их число будто бы высылают в Галицию». «Это покрывает эмиграцию позором и с каждым днем более четко показывает ее истинное обличие»⁶⁹⁰, – заключил агент. В отчете 27 декабря 1867 г. он сообщил о некоем Иванове, который вместе с Баумбергом («сыном банкира из Варшавы») открыл офис в лондонском Сити и про которого «доносили, что он вместе с евреями перевозил поддельные ассигнации». Иванов,

⁶⁸⁸ *Żurawski vel Grajewski R. Wielka Emigracja w Belgii (1831–1870). Wizerunek bez heroizmu // Kwartalnik Historyczny. 2016. № 1. S. 113.*

⁶⁸⁹ На этом поприще прославился, в частности, выдающийся польский фотограф-изобретатель, предприниматель и участник Январского восстания Владислав Малаховский (1837–1900), более известный под именем Леона Варненке. См. *Бойка-Гагарин А. Указ. соч. С. 211–212.*

⁶⁹⁰ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 72.*

среди прочего, поддерживал контакты с С. Тхоржевским – польским эмигрантом, известным благодаря своей помощи в издании «Колокола» А.И. Герцена⁶⁹¹.

Тем не менее даже материалы предвзятых агентурных донесений демонстрируют, что к фальшивомонетничеству среди польской эмиграции относились по-разному. В корреспонденции А. Стемповского за 1868 г. содержится копия в русском переводе с печатного приговора «Верховного суда польской эмиграции в Швейцарии», состоявшегося в Базеле 1 мая 1868 г. (по новому стилю) и присланного по почте 19 июля (по новому стилю) из Цюриха на имя Юлии Кучевской в Вильно⁶⁹². Согласно приговору, Юрий Кучевский «или Порай, или Куц», «выкрещенный еврей от рода 40 с лишком лет», «признан избранными по жребию присяжными виновным в шпионстве, обмане и выпуске фальшивых ассигнаций, и принимая в соображение, что как шпион, обманщик и подделыватель ассигнаций он весьма вреден и делает позор целому обществу Поляков, посему должен быть из оногo исключен и лишен всех прав Поляка»⁶⁹³. Таким образом, российская заграничная агентура должна была осознавать, что фальшивомонетчество трактовалось внутри эмиграции как наказуемое преступление.

В донесении 4 июля 1868 г. из Цюриха Стемповский отметил особый подход генерала Гауке-Босака, который явно нельзя свести к обычной преступной деятельности ради наживы.

По данным агента, несколько польских выходцев (Бонифаций Домбковский, Людвик Михальский, Владислав Борковский, Лисичевич [?], Игнаций Павловский, Болеслав Клавдий Квинта, он же «Пашквиль») «занимались подделкой фальшивых

⁶⁹¹ Ibid. S. 140.

⁶⁹² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 519. Л. 12. Под личиной «Юлии Кучевской» мог скрываться содержатель конспиративного адреса. Подобную практику часто использовали как польские эмигранты, так и царские агенты. Например, Н.И. Павлицев в письмах А. Стемповского мог выступать в качестве некой «госпожи Кистер». См.: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 504. Л. 4.

⁶⁹³ Там же. Л. 19. В самом конце приведены данные о присутствовавших на процессе: «Тельшевский Чеслав, президент; Лентовский Григорий, советник; Г. Любенский, прокуратор; Орлик Петр, Писарь Трибунала».

кредитных билетов и распространением таковых в Галиции и Великом княжестве Познанском от имени общества социалистов славянских и от изгнанного правительства [имеются ввиду отдельные члены Национального правительства, бежавшие в эмиграцию после поражения восстания 1863–1864 гг. – *И. Б.*]. Гауке-Босак, узнав об этой активности, «отдал вышеупомянутых мошенников под суд высшего трибунала, нарочно составленного по этому предмету в Базеле», поскольку «привилегией на подделку фальшивых кредитных билетов принадлежит исключительно центру революционного общества [в польском оригинале „Ognisko rewolucyjne”. – *И. Б.*] и Обществу свободы и мира» [Liga wolności i pokoju. – *И. Б.*]»⁶⁹⁴.

Из этого донесения следует, что ОРП стремился поставить активность по подделке российских банкнот под собственный контроль. Этот шаг представляется довольно рациональным. С одной стороны, ОРП таким способом мог явно продемонстрировать западным властям, что польская эмиграция осуждала преступников-фальшивомонетчиков как «недостойных имени поляка» и, более того, активно преследовала их. С другой стороны, приведенное выше решение «высшего трибунала» могло указывать на то, что польские революционеры допускали изготовление фальшивых банкнот для получения средств в интересах национально-освободительной борьбы.

Учитывая, что Балашевич, как отмечалось ранее, подчеркивал скудность денежных запасов ОРП, последнее соображение кажется вероятным – Булевский и Гауке-Босак не имели возможности проявлять щепетильность в выборе средств. Тем более, что руководители этой организации явно не стремились к личной наживе подобно «обычным» фальшивомонетчикам.

Факты биографии Гауке-Босака косвенно говорят о том, что он мог санкционировать подобную деятельность в чрезвычайных ситуациях ради «благого дела». Так, например, пытаясь вызволить из парижской тюрьмы Мазас своего друга

⁶⁹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Д. 520. Л. 10 (копия в русском переводе). Выписки из польского оригинала донесения см. Там же. Л. 9.

ксендза Котковского, осужденного на 2 года за фальшивомонетничество, генерал в меморандуме для французской прокуратуры от 27 октября 1866 г. писал, что ксендз вступил в эту аферу из «чисто патриотических побуждений»⁶⁹⁵. Гауке-Босак, как и многие эмигранты, жил в бедности. Денежные суммы, оказывавшиеся тем или иным образом в его руках (например, через богатых меценатов вроде графа Л. Плятера), он тратил на своих сородичей, на организацию эмигрантской прессы или на различные конспиративные нужды⁶⁹⁶. Санкционируя фальшивомонетничество, генерал думал явно не о личном обогащении.

В донесении Стемпковского особенный интерес вызывает также упоминание о том, что наряду с ОРП привилегией на подделку российских банкнот обладало «Общество свободы и мира». В отчете явно имелась ввиду «Международная лига мира и свободы» – созданная в 1867 г. в Женеве Ф. Пасси интернациональная пацифистская организация. В нее входили такие известные политические и общественные деятели как Дж. Гарibaldi, В. Гюго, А.И. Герцен, М.А. Бакунин и др. Гауке-Босак лично приложил руку к образованию «Лиги» – именно с его подачи в название общества вошло слово «свобода». Этой припиской повстанческий генерал подчеркивал, что целью организации должен был быть не «мир любой ценой», основанный на примирении с существующим «деспотическим» порядком в Европе, а установление «подлинного всеобщего мира», которого можно достичь только путем свержения существующих монархических режимов и свободного волеизъявления народов. С точки зрения Гауке-Босака, «Лига мира и свободы» была важна тем, что обеспечивала свободную трибуну для ознакомления Европы с польским вопросом⁶⁹⁷.

Из донесения Стемпковского совершенно не ясно, кто именно отвечал в рамках «Лиги» за фальшивомонетничество. Это была массовая организация, объединявшая людей самых разных взглядов – от умеренных либералов до анархистов бакунинского толка. Только в первый год ее существования поступило

⁶⁹⁵ *Kozłowski E. Op. cit. S. 290.*

⁶⁹⁶ *Ibid. S. 253–256.*

⁶⁹⁷ *Kozłowski E. Op. cit. S. 334–337.*

около 10 тыс. заявок на вступление⁶⁹⁸. Если сведения агента отражали действительность, то подделкой российских банкнот в рамках «Лиги» должна была заниматься узкая группа, скрывавшая от рядовых участников криминальные операции под эгидой прогрессивной идеологии. В любом случае, Стемпковский верно упомянул «Лигу» именно в связке с Гауке-Босаком. Булевский и многие другие эмигранты отказались от участия в обществе, скептически воспринимая его пацифистский фасад⁶⁹⁹.

Таким образом, высший надзор установил, как минимум, три возможных подхода разных кругов эмиграции к проблеме производства фальшивых денег. Одни эмигранты (зачастую обычные преступники, а не борцы за национальное освобождение) активно практиковали подделку банкнот с целью получения выгоды, другие – осуждали, третьи – использовали как инструмент политической борьбы. Очевидно, что эти три позиции вполне могли пересекаться. Определенная степень маргинализации вообще свойственна любым эмиграциям, а вовлечение части эмигрантов в махинации преступного мира представляется вполне естественным процессом. В связи со всем вышесказанным совершенно закономерным является то, что проблема фальшивомонетничества стала одним из ключевых пунктов противостояния как между тайной полицией и польской эмиграцией в целом, так и между отдельными эмигрантскими группировками. Использование поддельных банкнот в качестве инструмента провокации или политической борьбы невозможно целиком приписать какой-либо одной из сторон данного противостояния. Это было обоюдоострое оружие, которое могли использовать самые разные силы.

Следует отметить, что приведенное выше донесение от 4 июля 1868 г. косвенно свидетельствует и о натянутости отношений между двумя предводителями ОРП. Гауке-Босак провел разбирательство над фальшивомонетчиками единолично, хотя у него не было официально

⁶⁹⁸ Ibid.

⁶⁹⁹ Ibid. S. 337.

зафиксированных диктаторских полномочий. Кроме того, решение трибунала ссылалось на «Лигу мира и свободы», при том, что, как было отмечено ранее, Булевский не был сторонником сотрудничества с этим обществом.

Наконец, летом того же 1868 г. российская агентура получила сведения о том, что ОРП прибегала к своего рода «внешнему арбитражу» в решении внутривнутрипартийных споров.

В донесении Стемпковского от 14 августа 1868 г. содержалось перехваченное письмо некоего Важневского из Базеля г-же Анне Чаплицкой в Варшаву с копией лондонского воззвания Мадзини «польскому отделению» от 1 июля того же года⁷⁰⁰. В послании «патриарх революции» призывал польских коллег не ассоциировать национальные движения балканских славян с панславизмом и экспансионистскими проектами Российской империи. Итальянский революционер, используя типичную для того времени риторику об «отсталом востоке», также подчеркнул бессмысленность протурецкой ориентации многих эмигрантов, считавших Османскую империю естественным союзником против царизма: «Будете ли вы сражаться за полумесяц против креста, за фатализм против свободы, за застой против прогресса, за произвол против права, за чужеземное завоевание против свободного труда, за Азию против Европы?»⁷⁰¹. Для нейтрализации влияния российского «царизма» на Балканах Мадзини предлагал польским эмигрантам иной путь: встать «в авангарде славянского движения» на основе идей общественного прогресса и национального освобождения⁷⁰².

⁷⁰⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп.2а. Д. 519. Л. 16. Данный документ находился в комплекте с другими донесениями А. Стемпковского Н. И. Павлицеву, однако он не был снабжен какими-либо пояснениями: как, где, когда и при каких обстоятельствах его перехватили. «Г-жа Анна Чаплицкая» из Варшавы – явный пример конспиративного адреса.

⁷⁰¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп.2а. Д. 519. Л. 17.

⁷⁰² Там же. Л. 20.

В конце копии послания содержится примечательная приписка: «Опубликовано по приказу польского р. [республиканского – *Авт.*] центра «Польское р. Огниско». Людвик Булевский. Базель»⁷⁰³.

Польский историк Э. Козловский, обнаруживший копию этого послания в семейном архиве Гауке, связал его появление непосредственно с борьбой за лидерство внутри ОРП, которое и вылилось наружу в форме спора о том, какой стратегии придерживаться в отношении Балкан. Булевский, разделяя вышеупомянутую позицию Мадзини, в своем письме Гауке-Босаку 13 июля 1868 г. из Базеля распорядился напечатать послание итальянского революционера и разослать его «по стране и славянскому миру». Генерала это письмо крайне разозлило. С одной стороны, он не был согласен с мнением Мадзини, будучи сторонником польско-турецкого сотрудничества против России. С другой стороны, его раздражало то, что Булевский «подсовывал» ему уже готовые документы, не спрашивая ни согласия, ни мнения своего коллеги⁷⁰⁴.

Противостояние Булевского и Гауке-Босака в итоге завершилось выходом последнего из ОРП 21 февраля 1869 г.⁷⁰⁵ Сам же «Республиканский польский центр» прекратил свое существование в ходе событий франко-германской войны 1870–1871 гг. вместе со многими другими политическими организациями польской эмиграции⁷⁰⁶.

Следует подчеркнуть, что мнение Гауке-Босака о необходимости польско-турецкого союза против России было характерно не только для него самого. III отделение и во второй половине 1860-х гг. фиксировало, что среди польских эмигрантов по-прежнему была популярна служба в османской армии – подобно 1840-м и 1850-м гг. В донесении одного из львовских корреспондентов Н.И. Павлицева конца ноября–начала декабря 1868 г. указывалось, что за несколько

⁷⁰³ Там же. Л. 21. Фр. оригинал подписи: «Publié par ordre du centre R. Polonais „Ognisko R. Polskie”. Louis Bulewski. Bâle».

⁷⁰⁴ *Kozłowski E.* Op. cit. S. 327–328.

⁷⁰⁵ *Ibid.* S. 332.

⁷⁰⁶ *Borejsza J.* Op. cit. S. 156.

дней до отъезда агента в Варшаву во Львов (в тексте австр. Лемберг) из Турции прибыл Мариан Лянгевич (1827–1887), «бывший диктатор Польского Мятежа», с целью вербовки «охотников» (т.е. добровольцев) в Кандию⁷⁰⁷.

М. Лянгевич действительно был генералом и диктатором восстания в марте 1863 г. из лагеря «белых», а с 1867 г. он находился на турецкой службе под именем Ланге-бея⁷⁰⁸. Отправка польских наемников именно в г. Кандию (ныне Ираклион) на о. Крит явно связана с тем, что на острове в 1866–1869 гг. бушевало восстание против Османской империи. Подобная вербовочная акция является весьма типичной для истории польской эмиграции: аналогичные мероприятия французское правительство для кампании по подчинению Алжира проводило еще с начала 1830-х гг.

Корреспонденты Н.И. Павлицева отмечали, что Лянгевич рекрутировал среди польской эмиграции не только наемников-военных, но и агентов для османской разведки. Так, в донесении 21 июня 1868 г. Стемпковский из Цюриха писал, что в город за день до этого вечером прибыли 9 учеников из Монпарнаса⁷⁰⁹ с намерением отправиться в Константинополь, чтобы поступить на службу «среди шпионов начальника полиции Ланге-бея»⁷¹⁰.

Балашевич в донесении 14 декабря 1867 г. сообщал похожую информацию. Он подчеркнул необоснованность слухов о выезде Лянгевича в Лондон по причине

⁷⁰⁷ ГА РФ. Ф. 109. Д. 499. Л. 15. Заголовок отчета и дата перечеркнуты жирной черной линией (чуть ниже не зачеркнутая подпись – «Донесение»). Судя по тому, что предшествующее (Л. 14) и последующее (Л. 17) донесения датированы 14 (26) ноября 1868 г. и 27 декабря (8 января) 1868 (1869) г. соответственно, можно предположить, что эти разведанные были посланы где-то в первой половине декабря.

⁷⁰⁸ Биографию М. Лянгевича после Январского восстания 1863–1864 гг. см. подробнее: *Rzadkowska H. Marian Langiewicz. Warszawa, 1967. S. 370–416.*

⁷⁰⁹ Имеется ввиду так называемая «Высшая польская школа» в парижском районе Монпарнас – двухгодичное учебное заведение, призванное подготовить молодежь польской эмиграции к поступлению в университеты Франции, Бельгии и Швейцарии. Покровительствовал ей «Отель Лямбер» во главе с Вл. Чарторыйским. См. *Borejsza J. Op. cit. S. 57.*

⁷¹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Д. 519. Л. 6. В этом донесении Стемпковский скрывается под инициалом «Г.», а его адресат Павлицев – под фамилией «Лагодовский».

его вражды с местными демократами, а также его связь с Чарторыйскими: «Что касается Лангевича – могу Вас [скорее всего, П.А. Шувалова, главного начальника III Отделения – *И. Б.*] полностью уверить, что слух о его выезде в Лондон не имеет никаких оснований. Со времени его последнего посещения в прошлом году между ним и демократами существует огромная неприязнь, и все его здесь ненавидят. Что касается его намерения вербовки на турецкую службу, нам известно, что Чарторыйский старается его там поместить, чтобы со временем иметь инструмент в роде Чайковского»⁷¹¹. Таким образом, «Потоцкий» зафиксировал преобладание в балканской политике «Отеля Лямбер»: В. Чарторыйский стремился продолжать курс отца, взятый в 1840-е гг. и даже нашел собственный «аналог» Садыка-паши (Михала Чайковского) в лице Ланге-бея (Лянгевича), который стал бы представителем его интересов при Высокой Порте.

Хотя «Потоцкий» уделял наибольшее внимание демократическому лагерю польской эмиграции, наиболее стабильной группировкой в период после 1865 г., согласно его донесениям, являлся аристократический «Отель Лямбер»⁷¹². «Несмотря на распространяемые демократами злословия и наши напасти [т.е. провокации Балашевича и его агентуры – *И. Б.*], Чарторыйский, Замойский и компания несомненно поддерживают польский вопрос в Европе эффективней, чем кто-либо иной», – так он характеризовал их деятельность и подчеркнул, что они стабильно преследовали главную цель – спровоцировать войну Франции с Россией⁷¹³.

Более того, в донесении 30 октября 1866 г. Балашевич указал, что у партии Чарторыйского возникли надежды на еще одного союзника (помимо Османской империи) – Австрию⁷¹⁴. Габсбургская монархия после поражения в войне с Пруссией летом 1866 г. для стабилизации внутривосточной обстановки

⁷¹¹ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 139.*

⁷¹² Подробнее о деятельности консервативного лагеря польской эмиграции после Январского восстания см.: *Zdrada J. Zmierzch Czartoryskich. Warszawa, 1969. 469 s.*

⁷¹³ *Ibid. S. 26.*

⁷¹⁴ *Ibid. S. 96.*

вынуждена была пойти на уступки национальным меньшинствам – в первую очередь венграм, а также полякам Галиции, получившим весьма широкую автономию. Там же агент отметил, что все большее число членов «Отеля Лямбер» превращало этот регион в центр своих операций⁷¹⁵.

Пожалуй, среди всей эмиграции наиболее благоприятные позиции были действительно у либерально-консервативного лагеря. Он единственный сохранил более-менее упорядоченную внутреннюю структуру и имел четкий план действий. В турбулентной международной обстановке 1860-х гг. они вполне могли рассчитывать на то, что Пруссия может столкнуться с коалицией Франции и Австрии, которые в случае разгрома пруссаков гипотетически могли бы поспособствовать продвижению польского вопроса. Несмотря на то, что этот сценарий не был реализован, консерваторы все равно приобрели в это время «запасной аэродром» в виде автономной Галиции в составе Австро-Венгрии, а также консолидировали свои влияния в Османской империи, получив союзника в лице Мариана Лянгевича (Ланге-бея).

В донесениях российского заграничного сыска этой эпохи явно просматривается разделение польской эмиграции не только по идеологическим признакам, но и по критериям внешнеполитической ориентации⁷¹⁶. Часть демократов во главе с Л. Мерославским еще с 1850-х гг., согласно донесениям Толстого того периода, стала явным фаворитом правительства Второй империи. Другие демократы (С. Ворцель, В. Дараш, Л. Булевский, В. Врублевский, Я. Домбровский и многие др.) прочно связали себя с международными революционно-республиканскими организациями, базировавшимися в Великобритании и Швейцарии (контакты с Дж. Мадзини, В. Гюго, А. Ледрю-Ролленом, А.И. Герценом, М.А. Бакуниным и др.). Наконец, «белые» и консерваторы из «Отеля Лямбер» достаточно последовательно придерживались

⁷¹⁵ Ibid.

⁷¹⁶ Конечно, такие классификации всегда носят схематичный характер и не всегда отражают всей сложной палитры взаимоотношений эмигрантских группировок и внешних сил.

проавстрийской и протурецкой ориентаций, а в дальнейшем они сделали ставку на сотрудничество с либерально-консервативной орлеанистской оппозицией Франции (см. следующий параграф).

Сам Балашевич под личиной своего альтер-эго А. Потоцкого в этой конфигурации сил стремился сохранить относительную нейтральность и своего рода «свободу рук». С января 1867 г. самозванный граф решил популяризовать идеи «органического труда» в рамках собственной организации «Общества взаимопомощи», которое подчеркнуто стояло вне политики, выступало «за христианскую помощь ближнему», осуждало аморальное поведение и помогало с трудоустройством люмпенизированным лондонским эмигрантам⁷¹⁷. Это общество дополняло его реноме занимавшегося антиквариатом графа-мецената, помогающего польской общине. Следует подчеркнуть, что эта позиция отличала Балашевича-Потоцкого от «классических провокаторов» будущей «охранки» вроде Е.Ф. Азефа и в каком-то смысле сближает его с Я.Н. Толстым. Самозванный граф пытался возглавить и усилить наиболее нейтральное и «антиповстанческое» течение внутри польской эмиграции, а не тренировать боевиков из ее самых радикальных слоев.

В конце 1860-х гг. самым «слабым звеном» среди польской эмиграции неожиданно оказался Мерославский, которого Балашевич неоднократно оценивал как самого опасного лидера польского национального и революционного движения. Отмечаемая агентом сверхъестественная «живучесть» Мерославского в действительности оказалась относительной и недолговременной. Возобновленные усилиями «красного генерала» Польское демократическое общество фактически превратилось в личный клуб бывшего диктатора восстания, в котором состояли только самые фанатически преданные из его сторонников. Кроме того, некоторый авторитет он сохранял среди польской молодежи бывших земель Речь Посполитой, оставаясь для нее романтическим революционным героем. Однако излишняя конфликтность и диктаторские замашки «красного генерала» в конечном итоге

⁷¹⁷ Ibid. S. 107–108.

привели к окончательной эрозии его репутации среди эмигрантского сообщества. 9 января 1870 г. на заседании Демократического общества в Париже Мерославский был смещен с поста председателя⁷¹⁸. На этом политическая и военная карьера повстанческого генерала завершилась. В донесениях 1871–1875 гг. Балашевич практически не упоминал о Мерославском, несмотря на его склонность к преувеличению угроз со стороны разных эмиграционных деятелей.

Отсутствие очередного политического воскресения «красного генерала» могло быть связано не только с его окончательной политической дискредитацией и своего рода «усталостью» эмиграции от его личности, но и со свержением его покровителей Бонапартов в сентябре 1870 г. под влиянием военных поражений Франции и пленения Наполеона III в битве под Седаном в ходе франко-германской войны. Примечательно, что британские и швейцарские визави Мерославского из демократической эмиграции, а также «Отель Лямбер», имевшие патронов вне Второй империи, еще некоторое время сохраняли значимость в глазах авторов полицейских донесений и после падения режима Наполеона III.

В любом случае, поражение Франции в войне с Пруссией стало тяжелейшим ударом для всей польской эмиграции. Донесение Балашевича от 17 августа 1870 г. звучало как суровый приговор почти полувековой деятельности польского национального движения: «В мгновение свержения династии Наполеона развеялись последние надежды эмиграции. Несмотря на полумеры и притворную симпатию к России, польская эмиграция верила в возможность возрождения Польши при помощи Франции»⁷¹⁹. Действительно, превосходящая по численности населения, экономике и военному могуществу объединенная Германская империя оказывалась сильнее Франции. Для противостояния такому противнику нужен был мощный континентальный союзник, и в дальнейшем Третья республика во Франции нашла его в лице Российской империи, что явно исключало необходимость в поддержке польской политической эмиграции.

⁷¹⁸ *Borejsza J. Op.cit. S. 132.*

⁷¹⁹ *Ibid. S. 203.*

4. Закат польской политической эмиграции. Переориентация агентурного надзора на международное и российское революционное движение в 1870-х гг.

Падение Второй империи, хотя и значительно сузило круг возможностей польской политической эмиграции, тем не менее, еще не означало конца ее существования. Представители демократических кругов продолжали сотрудничать с европейскими и российскими революционерами. Часть из них активно поддержала Парижскую коммуну. Генералы Ярослав Домбровский и Валерий Врублевский были видными военачальниками в рядах Национальной гвардии коммунаров. Последний пережил события Коммуны, эмигрировал в Лондон и возглавил польскую секцию I Интернационала – Международного товарищества рабочих.

В рассматриваемый период именно Интернационал стал главным объектом надзора Балашевича. В описаниях «Потоцкого» он представал могущественной организацией, пустившей корни в Австрии, Пруссии и России и напоминавшей баварских иллюминатов XVIII в.⁷²⁰. Идеей-фикс отчетов агента за 1871–1875 гг. являлась угроза присоединения лондонской эмиграции к Международному товариществу рабочих. Уже в донесении 3 апреля 1871 г. Балашевич упомянул о приезде из Лиона в Лондон польского эмиссара Интернационала Юлиана Палюшкевича «с целью присоединения к этому обществу [Интернационалу – *И. Б.*] всей польской эмиграции в Англии»⁷²¹. В отчете 8 апреля того же года агент снова подчеркнул, что общество «Интернационал» желало от Польского комитета «полного объединения, обещая со своей стороны помощь»⁷²².

⁷²⁰ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 229.*

⁷²¹ *Ibid.*

⁷²² *Ibid. S. 230.*

29 апреля 1871 г. «Потоцкий» сообщил, что главное внимание этого общества привлекали Россия и Пруссия. С его точки зрения, поляки должны были использоваться Интернационалом для организации волнений в этих государствах. Балашевич отметил, что Лубез, «один из главных деятелей», призывал к «объединению с поляками, чтобы при их посредничестве забрасывать свои сети»⁷²³.

Упомянутый «Потоцкий» Виктор Ле Лубез, французский эмигрант в Лондоне, на момент 1871 г. уже давно не входил в состав верхушки Международного товарищества рабочих. Еще в 1866 г. он был исключен из генерального совета этой организации⁷²⁴. В начале 1870-х гг. Лубез принадлежал к французской секции в Лондоне, отколовшейся от Интернационала, а также к революционно-масонской ложе «Филадельфы» (Philadelphes)⁷²⁵. Из этих сведений следует, что подчинить себе поляков пытались разные ответвления международного рабочего движения, а не только его «классическая» и наиболее известная секция с К. Марксом. Балашевич или не был осведомлен об этих деталях, или же пытался специально представить Интернационал как единую и сплоченную организацию, чтобы повысить степень ее угрозы в глазах начальства и, соответственно, значимость собственных донесений. Возможен и третий вариант – в процитированной выше статье о Лубезе из биографического словаря французского рабочего движения могла переоцениваться степень отдаления этого революционера от основной секции Интернационала. В истории революционного движения и эмиграции нередки случаи, когда непримиримые противники подавали друг другу руку и объединялись, как это было, например, в случае альянса

⁷²³ Ibid. S. 235.

⁷²⁴ Gerber R. Słownik biograficzny // Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 487.

⁷²⁵ Le Lubez Victor // Le Maitron (Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français) [Биографический словарь французского рабочего движения] [электронный ресурс]. URL: <https://maitron.fr/spip.php?article64108>. Дата обращения: 29.09.2024). Словарь назван в честь его основателя и первого составителя Жана Мэтрона (1910–1987), французского историка рабочего движения.

Мерославского и Жабицкого. В этой же словарно-биографической статье из «Мэтрона», впрочем, подчеркивается, что после 1870 г. «мы не имеем больше информации о Лубезе» и что сведения о его членстве в «Филадельфах» отрывочны. В связи с этим вполне можно допустить, что Лубез после 1870 г. помирился с лондонской ячейкой Интернационала и от ее имени отправился на переговоры с поляками.

Однако количественный состав Международного товарищества рабочих «Потоцкий» явно преувеличивал. В отчете от 3 апреля 1871 г. он определил его численность в 180 тыс. человек в одном только Лондоне⁷²⁶. В донесении 23 октября отмечалось, что до 1 сентября 1871 г. это число составляло 180 тыс. 520 человек, но, благодаря соглашениям рабочих во всех промышленных городах Англии, она достигла 260 тыс. человек. Там же Балашевич добавил, что Маркс ожидал увеличение численности организации до 300 тыс. человек до конца года⁷²⁷. В примечании № 49 ко второму тому отчетов Р. Гербер пояснил, что приведенные Балашевичем цифры охватывали, прежде всего, членов профсоюзов⁷²⁸.

В конъюнктуре начала 1870-х гг. Балашевичу удалось в значительной мере упрочить свои агентурные позиции. В 1871 г. многие польские эмигранты Великобритании отправились во Францию для участия в Парижской коммуне, упомянутые в прошлом параграфе Людвик Булевский и Антоний Жабицкий – влиятельные деятели демократического крыла в Лондоне – перебравшись на континент. Ловкий агент-провокатор воспользовался образовавшимся в результате их отъезда политическим вакуумом, чтобы выдвинуться на лидерские позиции в кругах британской эмиграции. Балашевич благодаря образу покровительствующего своим соотечественникам аристократа-благотворителя сумел заручиться поддержкой обнищавших эмигрантов. Для упрочнения своего влияния он вступил в союз с Яном Канты Костецким – видным представителем демократической эмиграции и бывшим сторонником Л. Мерославского, В

⁷²⁶ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 229.*

⁷²⁷ *Ibid. S. 268.*

⁷²⁸ *Gerber R. Komentarz // Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 424.*

результате прошедшего 19 февраля 1871 г. голосования самозванный граф Альберт Потоцкий был выбран председателем Постоянного комитета польской эмиграции в Великобритании и Ирландии⁷²⁹.

К маю 1871 г. британское направление стало приобретать особое значение и для польской эмиграции в связи с падением Парижской Коммуны. Многие эмигранты, воевавшие на стороне коммунаров⁷³⁰, вынуждены были покинуть пределы Франции, чтобы спастись от преследований со стороны французского правительства. Уже в донесении от 10 мая Балашевич зафиксировал эту тенденцию: «Из Парижа постоянно приезжают новые люди – Лондон становится центром эмиграции, поскольку французское правительство после окончания войны приступит к выселению поляков»⁷³¹.

Действительно, 6 июня 1871 г. Жюль Фавр, министр иностранных дел Франции, издал циркуляр с обращением ко всем европейским державам, в котором требовал выдачи всех коммунаров⁷³². Некоторых поляков-коммунаров в итоге расстреляли, некоторых отправили в ссылку в Новую Каледонию⁷³³. Е. Борейша образно охарактеризовал эту ситуацию так: «Самого слова „поляк” было иногда достаточно, чтобы быть расстрелянным»⁷³⁴. Большинство представителей французского политического класса вне зависимости от идеологических взглядов утратили пропольские симпатии в пользу пророссийской ориентации⁷³⁵.

Французские власти и после подавления Парижской Коммуны продолжали осуществлять строгий надзор над польской эмиграцией. В феврале 1873 г. полиция

⁷²⁹ *Gerber R. Op. cit. S. 64–66.*

⁷³⁰ Е. Борейша, опираясь на работу К. Вычаньской, приводит данные о 400 польских участниках Коммуны. Историк также отмечает, что царская дипломатия оценивала их численность в 600 человек, а Владислав Мицкевич в своих мемуарах писал о 700 человеках. См. *Borejsza J. Op. cit. S. 390.*

⁷³¹ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 238.*

⁷³² *Borejsza J. Op. cit. S. 403.*

⁷³³ *Ibid. S. 398.*

⁷³⁴ *Ibid. S. 398–399.*

⁷³⁵ *Ibid. S. 400.*

даже запретила проведение банкета в честь 400-летия Николая Коперника⁷³⁶ – события, казалось бы, связанного с политикой опосредованно. Так или иначе, во Франции перестали существовать благоприятные условия для ведения политической деятельности польской эмиграции.

Обретя пальму первенства в польской колонии Лондона, Балашевич решил реорганизовать сообщество местных польских эмигрантов на основаниях созданного им же в январе 1867 г. «Общества братской взаимопомощи», которое занимало подчеркнуто аполитическую позицию. В донесении 22 июня 1871 г. агент передал содержание своего выступления перед эмигрантским сообществом числом в 300 человек в большом зале отеля «Вильно», расположенного на улице Менсвелл в районе Уайтчепел. «Потоцкий» заявил, что будет держать эмиграцию «на коротком поводке» и потребовал от нее «военного послушания без возражений». Программные предложения Балашевича вызвали «балаган», поэтому предводитель эмиграции приказал удалить всех недовольных. Согласно отчету, таких оказалось меньшинство: послушное самозваному графу большинство вытолкнуло всех оппозиционеров за дверь⁷³⁷.

Далее в донесении Балашевич подчеркнул, что «партия, которая желает заниматься политикой и заговорами, обладает небольшим числом членов», а «партия А. Потоцкого – весьма многочисленная, решила создать исключительно филантропическое сообщество». Чуть ниже агент сообщил, что лагерь его сторонников составлял 400 человек, в то время как ряды противников насчитывали всего 50 человек⁷³⁸. Примечательно, что указанная Балашевичем численность враждебного меньшинства практически полностью совпадала с численностью польской секции I Интернационала, составлявшей по оценкам Е. Борейши 40–50 человек⁷³⁹.

⁷³⁶ Ibid. S. 402.

⁷³⁷ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 245.*

⁷³⁸ Ibid. S. 246.

⁷³⁹ *Borejsza J. Op. cit. S. 405.* Современный польский исследователь К. Мархлевич в своей статье 2018 г. приводит то же число в 40-50 человек, опираясь на упомянутую монографию Е. Борейши, а также на работу Ирены Кобердовой 1964 г. (*Pierwsza*

Кроме того, в том же отчете Балашевич пообещал, что в ближайшие дни приступит к окончательной реорганизации общества и что «все демократы и коммунисты будут из него вышвырнуты». Конечно, в результате применения этой меры следовало бы ожидать «грязных интриг и статей в газетах». Однако, агент полагал, что «именно этот путь позволит нам свободное осуществление власти над большинством эмиграции»⁷⁴⁰.

В донесении от 28 июня 1871 г. самозванный граф наиболее полно изложил цель созданного им общества: «Цель нашего союза «Братской помощи» – принудить эмигрантов к работе и поиску жизненных средств, препятствовать развитию политических интриг и других заговоров, а также высылать всех бродяг и заговорщиков в Южную Америку, чтобы создать необходимые условия для сохранения спокойствия в стране»⁷⁴¹.

В отчете от 30 июля 1871 г., предназначенном непосредственно для его покровителя, вел. кн. Константина Николаевича⁷⁴², указывалась главная миссия агента. «Целью, которую поставил перед собой А. Потоцкий, – писал Балашевич о себе в третьем лице, – является недопущение объединения польского сообщества с Центральным Комитетом „Интернационал“, а также узнавание по мере возможности каналов проникновения агентов этой организации в Россию, а также истощение эмиграции и подрыв ее отношений с английским обществом и другими революционными организациями»⁷⁴³.

Балашевич-Потоцкий всячески подчеркивал важность польского аспекта деятельности Международного товарищества рабочих. Из его донесения от 21 августа 1871 г., правда, следовало, что поляков Интернационал рассматривал не в качестве полноценных партнеров, а лишь инструмента: «Польские выходцы в

Międzynarodówka i lewica wielkiej emigracji). См. *Marchlewicz K. For Independent Poland*. P. 187.

⁷⁴⁰ *Potocki A. Raporty szpiega*. T. 2. S. 246.

⁷⁴¹ *Ibid.* S. 249.

⁷⁴² С 1865 г. занимал пост председателя Государственного совета Российской империи.

⁷⁴³ *Ibid.* S. 257.

настоящее время являются лучшим материалом для „Интернационала”, поскольку это пролетариат, которому нечего терять»⁷⁴⁴. Там же самозванный граф отметил интерес Международного товарищества рабочих и к российскому направлению: «Интернационал сосредотачивает все свое внимание на России и во время нынешней выставки [имеется в виду международная выставка в Лондоне 1871 г. – *И. Б.*] они старались сблизиться с российскими туристами, надеясь найти сторонников»⁷⁴⁵.

Конкретных примеров русских путешественников, которые бы были восприимчивы именно к пропаганде Интернационала, агент так и не привел. Кроме того, не совсем понятна ставка деятелей Международного товарищества рабочих на «пролетарский» характер польских эмигрантов. Если верить приведенной выше самим же Балашевичем информации, среди польского эмиграционного сообщества Великобритании симпатизировали повестке Интернационала только около 50 человек. Польская политическая эмиграция, рассеянная по всему миру, насчитывала тогда около 8 тыс. человек. При том ясно, что приверженцев рабочего движения среди них явно было меньшинство. И даже если бы вся эта масса людей собралась в одном месте и подверглась бы индоктринации социалистическими идеями, ее численность все равно бы не сравнилась с коренным промышленным пролетариатом западных стран. Сам же агент-provokator приводил указанные выше данные о 180–260 тыс. членах Интернационала, большинство которых, судя по замечанию Р. Гербера, на самом деле, являлись членами профсоюзов, а не профессиональными революционерами. Впрочем, употребляя слово «пролетариат», Балашевич мог иметь в виду не принадлежность к рабочему классу, а маргинальный статус польских эмигрантов. Это были преимущественно оторванные от привычной социальной среды молодые мужчины с военным и повстанческим опытом, у которых не было постоянного пристанища, заработка и

⁷⁴⁴ Ibid. S. 261.

⁷⁴⁵ Ibid.

которым действительно «терять было нечего». Подобный контингент идеален для вербовки в наемники и революционные организации.

Впрочем, ближе к концу своей провокаторской деятельности «Потоцкий» поменял свое мнение насчет важности поляков для Интернационала. В донесении от 24 декабря 1874 г. он сообщил: «Врублевский старается сблизиться с Лавровым [Петром Лавровичем – И. Б.], но партия его состоит из нескольких человек, не играющих никакой роли, а интернациональные идеи не имели успеха в эмигрантской среде [курсив мой – И. Б.]»⁷⁴⁶. Примечательно, что таким образом агент охарактеризовал группировку Валерия Врублевского – генерала Парижской коммуны, секретаря польской секции Международного товарищества рабочих и одного из лидеров леворадикального «Союза польского народа» (эмигрантской организации, основанной в 1872 г.).

При этом в отчетах 1871–1875 гг. «Потоцкий» неоднократно подчеркивал значимость Врублевского как видного деятеля этой организации и близкого соратника К. Маркса. Так, в отчете от 12 января 1872 г. самопровозглашенный граф указал, что прикрепил к тексту донесения номер одного эмигрантского издания⁷⁴⁷, в котором содержались его статья против Маркса, а также ответ на нее Врублевского, в котором опровергались обвинения «Потоцкого» против будущего классика политэкономии⁷⁴⁸.

Однако в донесении 7 февраля этого же года обнаружилось, что организация Балашевича и Интернационал вместе с аффилированным с ним «Союзом польского народа» вполне мирно сосуществовали друг с другом и даже участвовали в совместных мероприятиях. Все три организации решили устроить празднование в честь 400-летия со дня рождения Коперника в лондонской таверне «White

⁷⁴⁶ Ibid. S. 356.

⁷⁴⁷ В примечании № 5 к отчетам за этот год Р. Гербер отметил, что это «Nowiny z Emigracji i Kraju». Gerber R. Komentarz // *Potocki A. Raporty szpiega*. T. 2. S. 426.

⁷⁴⁸ *Potocki A. Raporty szpiega*. T. 2. S. 279.

Horse»⁷⁴⁹. Как доложил агент, «...приехать сюда должны делегаты от масонства, прессы и Интернационала – Маркс и Врублевский»⁷⁵⁰.

В отчетах 10 и 17 июля 1872 г. Маркс и Врублевский представлены как почти что конфидененты Балашевича. В донесении 10 числа самозванный граф сообщил, что по предложению Врублевского его выбрали полномочным представителем на съезд, целью которого была бы «организация союза между Лондоном, Парижем и польскими комитетами в Брюсселе»⁷⁵¹. А уже в донесении за 17 июля выяснилось, что Маркс и Врублевский провели с ним двухчасовую беседу, в рамках которой посоветовали ему «направить все усилия на соединение всех эмиграционных организаций с Лондонским Комитетом»⁷⁵². Балашевич утверждал, что оба революционных деятеля надеялись на скорую войну между Пруссией⁷⁵³ и Россией. Кроме того, «они весьма недовольны деятельностью российских либералов и намереваются подыскать способных людей, которых можно было бы отправить в Россию». От Врублевского и Маркса «Потоцкий» получил задание «осмотреться среди эмигрантов и предложить детальный реестр [кандидатов – дописка Р. Гербера]»⁷⁵⁴.

В отчетах 24 июля и 5 августа 1872 г. Балашевич рапортовал об успешном саботировании возложенной на него миссии. В брюссельском донесении от 24 числа он доложил, что двухдневные переговоры с видными парижскими представителями эмиграции – Владиславом Мицкевичем (сыном поэта Адама Мицкевича) и Яном Непомуценом Яновским (одним из старейших деятелей демократического крыла эмиграции) – «кончились ничем». «Потоцкий» поставил им категорическое условие, на которое они не хотели соглашаться: парижская эмиграция должна была подчиниться лондонскому комитету и платить ему

⁷⁴⁹ Ibid. S. 283.

⁷⁵⁰ Ibid.

⁷⁵¹ Ibid. S. 295.

⁷⁵² Ibid.

⁷⁵³ В донесении Балашевич не объяснил, почему речь шла именно о войне с Пруссией.

⁷⁵⁴ Ibid. S. 296.

взносы⁷⁵⁵. В донесении от 5 августа 1872 г. из Страсбурга Балашевич кратко рапортовал о саботировании объединения со швейцарскими эмиграционными группировками: «Поскольку я пользуюсь полным доверием Маркса, приняли меня очень приветливо [члены швейцарских секций – *И. Б.*], в итоге маневрировал я таким образом, чтобы соединение отдельных секций с Лондонским комитетом не осуществилось»⁷⁵⁶.

В приведенных выше фрагментах весьма странно выглядят категорические заявления Балашевича о разрыве отношений между его аполитично-филантропической организацией и революционно-радикальной частью эмиграции. Из всех последующих отчетов ясно следовало, что никакого «сожжения мостов» не произошло. Самозванный граф Потоцкий продолжал поддерживать контакты с польскими и западноевропейскими радикалами, несмотря на декларируемую аполитичность.

По-видимому, целью этих заявлений являлось, как это ни раз уже бывало, повышение собственной значимости в глазах начальства. Балашевич представлял себя как практически единоличного распорядителя судеб лондонской эмиграции, способного одним своим повелением устранять оппозицию. Но если же его могущество было настолько велико, зачем ему выполнять поручения радикалов и поддерживать с ними контакты? Очевидно, что сила власти «Потоцкого», а равным образом и уровень враждебности его организации к представителям революционного движения явно им преувеличивались.

Балашевичу действительно удалось добиться положения влиятельного польского графа-благотворителя, опекавшего своих сородичей. Однако он не был всезнающим демиургом, посвященным во все тайны эмиграции и революционного движения. В этой связи любопытно, что в приведенном выше донесении о поручении Маркса и Врублевского агент также коротко обмолвился, почему революционеры решили выбрать именно его кандидатуру для выполнения этой

⁷⁵⁵ Ibid.

⁷⁵⁶ Ibid. S. 297.

миссии: «Им [Марксу и Врублевскому – *И. Б.*] очень понравилось то, что я не требую денег на покрытие расходов для поездки»⁷⁵⁷.

Писавший с марксистско-ленинских позиций известный советский историк-полонист Владимир Анатольевич Дьяков также обратил внимание на этот момент. Исследователь связал поручение Маркса и Врублевского «графу Потоцкому» с подготовкой к Гаагскому конгрессу I Интернационала, на котором «предстояло дать генеральное сражение мелкобуржуазному сектантству и раскольническим действиям анархистов». Историк полагал, что «стремление установить контакты с максимальным числом организаций на континенте, отсутствие денег на поездку более подходящих лиц могли заставить Генсовет воспользоваться услугами Балашевича, выразившего согласие взять на себя все расходы»⁷⁵⁸.

По-видимому, В.А. Дьяков преуменьшал роль контактов Балашевича с Марксом, поскольку сотрудничество «царского провокатора» с ключевой фигурой советской идеологии выглядело бы явно неуместным с точки зрения официальной марксистско-ленинской историографии. Однако обращение последнего за помощью к самозваному, как оказалось потом, графу не требует специальных оправданий. Возможно, что Маркс видел в Балашевиче доброжелательного и полезного знакомого, обладающего значительными денежными ресурсами и уважаемого в польской эмиграции, к тому же готового протянуть руку помощи за свой счет. Любой революционер в силу своего рода деятельности должен уметь проявлять гибкость и общаться с совершенно разными людьми для поисков финансирования. И это само по себе не предполагает посвящения каждого знакомого во все тайны революционной борьбы, поскольку даже близкие соратники не могут и не всегда должны обладать всей полнотой данных, доступных руководителю.

Балашевич сумел обрести независимое финансовое положение – редкое достижение для рядового эмигранта. Владелец прибыльного антикварного

⁷⁵⁷ Ibid. S. 296.

⁷⁵⁸ Дьяков В.А. Глазами царского агента // Прометей. Т. 7. М., 1969. С. 337.

магазина, находящегося рядом с Британским музеем, явно имел широкий круг контактов. Среди его знакомых был даже второй сын королевы Виктории – принц Альфред, герцог Эдинбургский, женившийся на дочери Александра II Марии Александровне⁷⁵⁹. Марксу и другим революционерам «граф Потоцкий» мог представляться кем-то вроде упоминавшегося ранее Ксаверия Браницкого – щедрого мецената и посредника, имевшего «рукопожатный» статус в организациях самой разной политической ориентации.

На похожих принципах строилось общение Балашевича-Потоцкого и с русским революционером Петром Лавровичем Лавровым (1823–1900). Лавров обращался к «Потоцкому» за получением английского паспорта⁷⁶⁰, но действительно конфиденциальной информации он ему не передал из соображений предосторожности. Балашевич так ничего и не смог сообщить, например, ни о редакции, ни о работе, ни об отношениях и планах издаваемой Лавровым газеты «Вперед!»⁷⁶¹.

Другого известного русского революционера той эпохи, Сергея Геннадиевича Нечаева (1847–1882), Балашевич видел в основном на расстоянии. В донесении 25 февраля 1871 г. он представил подробное описание его внешности⁷⁶². Иногда Балашевич получал сведения о перемещениях и контактах Нечаева через агентов, но эта информация зачастую оказывалась поверхностной и недостоверной. Так, например, в донесении от 6 августа 1873 г. «Потоцкий» сообщил, что Нечаев и Серебрянников⁷⁶³ под вымышленными фамилиями начали издавать журнал «Община»⁷⁶⁴. В действительности Нечаев еще 14 августа 1872 г. был арестован в

⁷⁵⁹ *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 318.* Донесение 7 августа 1873 г.

⁷⁶⁰ *Кантор Р.М.* П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг., 1922. С. 494.

⁷⁶¹ Там же.

⁷⁶² *Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 221.*

⁷⁶³ Владимир Серебрянников – близкий соратник Нечаева по революционной деятельности.

⁷⁶⁴ *Ibid. S. 317.*

Цюрихе швейцарской полицией по наводке другого польского агента-провокатора, Адольфа Стемповского, а затем передан царским властям⁷⁶⁵.

Интернационал и близкие ему по духу организации за все их время взаимодействия с Балашевичем-Потоцким так и не успели приступить к серьезным антироссийским акциям. Суть большинства их приготовлений весьма точно характеризует фрагмент из донесения агента от 1 января 1873 г.: «Следует ожидать в текущем году новых предприятий со стороны Международного товарищества, поскольку на конгрессе решено было приступить к созданию секций во всех европейских государствах»⁷⁶⁶. Судя по рапорту Балашевича, деятельность Интернационала на территории владений Романовых ограничивалась исключительно подготовительными мероприятиями, типичным примером которых являлся сбор статистических данных о Польше и России⁷⁶⁷.

Скромный характер успехов Международного товарищества рабочих на восточном направлении наводит на мысль, что созданный Балашевичем образ Интернационала как могущественной и монолитной организации с сильными польскими связями был несколько преувеличенным. Внутри общества существовали серьезные внутренние разногласия, в том числе и по польскому вопросу. Маркс и некоторые представители британских профсоюзов симпатизировали полякам, полагая, что «угнетаемая нация должна была, прежде всего, направить свою энергию на уничтожение гнета, и только после этого она смогла бы сконцентрироваться на внутреннем преобразовании». Исходя из того, что союз России, Австрии и Пруссии, сцементированный разделами Польши, был краеугольным камнем старого порядка в Европе, Маркс полагал, что поощрение польских стремлений к независимости способствовало бы крушению старого

⁷⁶⁵ Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 30.

⁷⁶⁶ Ibid. S. 308.

⁷⁶⁷ Ibid.

порядка, поддерживаемого этими тремя монархиями, а значит – и европейской революции⁷⁶⁸.

Континентальные секции Международного общества рабочих (Франция, Бельгия, Швейцария), находившиеся под влиянием идей Пьера-Жозефа Прудона, выступали против возрождения польской государственности. Прудонисты дистанцировались от политической борьбы, предпочитая концентрироваться на улучшении социально-экономического положения рабочего класса. Разделы Польши, с их точки зрения, приобретшие легальную силу, были исторической необходимостью, служащей делу европейского прогресса⁷⁶⁹.

В последних отчетах Балашевича всеильный Интернационал представал обычным клубом по интересам. В отчете от 7 декабря 1875 г. сообщалось о собраниях «шайки интернационалистов» в таверне «White Horse», на которых «...обсуждали деятельность социалистов и Интернационала в России, о средствах, способных расширить пропаганду»⁷⁷⁰.

Провокационные мероприятия Балашевича лондонского периода уменьшились в масштабе и в чем-то стали напоминать изящное хулиганство, что, тем не менее, не отменяло их эффектности и эффективности для подрыва морального духа эмиграции. В донесении за тот же день он подробно описал свою операцию по предотвращению празднования годовщины Ноябрьского восстания в 1875 г.: «Чтобы застигнуть Врублевского и Ко врасплох, я распорядился через своего агента, чтобы зал в таверне “White Horse” был занят 29 ноября. Стоило это мне только фунта, зато это уничтожило все планы Врублевского, который разослал приглашения в это заведение, не зная, что зал занят. Поэтому в Лондоне не было празднования по поводу годовщины 29 ноября, в итоге решил он устроить собрание 4 декабря, но если даже до этого дойдет, то будет оно лишено значения, и немногие

⁷⁶⁸ *Marchlewicz K.* For Independent Poland. P. 183.

⁷⁶⁹ *Ibid.* P. 183–184.

⁷⁷⁰ *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 2. S. 373.

на него придут. Я организую это при помощи одного друга, агента, члена масонства, который забронировал зал для масонских собраний»⁷⁷¹.

Этой акцией «Потоцкий» демонстрировал, что даже на символическом уровне польская эмиграция оказывалась не у дел. Если поляки не празднуют годовщины священной даты национального восстания, то значит, что их перестала интересовать романтически-повстанческая традиция, что они спокойно относятся к идее полной интеграции с Российской империей и что их больше привлекает чисто экономическая деятельность.

На первый взгляд, описание Балашевичем деятельности Интернационала и союзных ему польских группировок оставляет впечатление мелочности и незначительности. Раз за разом оказывалось, что на российско-польском направлении радикалы не помышляли ни о чем большем, чем составлении статистических описаний. Все заявления агента о нейтрализации тех или иных проектов революционеров можно было бы свести к вымыслу и шпионской мегаломании.

Но равным же образом можно было бы и утверждать, что кажущаяся несерьезность российско-польских планов Интернационала являлась следствием саботажа со стороны Балашевича-Потоцкого. Каждый срыв соглашений тех или иных эмигрантских группировок мог потенциально означать, что не найдется, например, подходящих кандидатов в эмиссары, денег на их содержание или на печать агитационных материалов – без таких базовых элементов невозможно сколько-нибудь серьезное развитие подрывной деятельности. И даже ведение статистики о той или иной стране уже представляет особую важность для революционного движения – эмиссары должны примерно представлять, куда они едут и зачем, с какими группами населения можно наладить связь, в каких регионах можно рассчитывать на успех и т.п. Операции на тайном фронте, ведение конспирации – как со стороны революционеров-эмигрантов, так и со стороны заграничного сыска – требуют вовлечения как можно меньшего числа людей.

⁷⁷¹ Ibid. S. 373.

Поэтому каждый удар, пусть исключительно и морально-психологический, даже по небольшой группе радикалов может грозить срывом той или иной операции.

Наконец, даже в условиях относительной слабости эмиграционных и революционных кругов наличие в их рядах глубоко законспирированного агента в любом случае представляет огромную пользу для государственной власти. Во-первых, узнать о степени влияния радикалов и о том, следует ли их опасаться, можно только хорошо с ними познакомившись. Во-вторых, как неоднократно показал опыт 1830–1870-х гг., в благоприятных условиях кажущиеся незначительными мелкие кружки революционеров и эмигрантов могут разрастись в солидную конспирацию. Так было, например, с подпольной деятельностью Ш. Конарского в западных губерниях Российской империи во второй половине 1830-х гг. и с заговорщическими планами ПДО в Галиции и Герцогстве Познанском в 1840-х гг. Всплеск польского национального движения на рубеже 1850–1860-х гг. оказался для царской полиции весьма неожиданным. Действующая в тайне заграничная агентура, вооруженная методами политической провокации и ведения психологической войны, позволяет, пусть далеко не всегда успешно, контролировать развитие враждебных государству группировок или хотя бы примерно представлять связанные с их деятельностью риски.

Как и в предыдущих отчетах, консервативному лагерю эмиграции Балашевич посвятил намного меньше внимания, чем демократическому. Политика «Отеля Лямбер», в отличие от более радикальных группировок, продолжала отличаться стабильностью и в неблагоприятных для польской эмиграции условиях. Чарторыйские, как было упомянуто в предыдущем параграфе, стали последовательно придерживаться проавстрийской линии. Тем не менее, они не оставляли попыток использовать в свою пользу политическую борьбу во Франции. В донесении 4 февраля 1872 г. Балашевич сообщил об орлеанистском проекте Владислава Чарторыйского: «Чарторыйский созвал своих сторонников в Париж, где собирается использовать их для пропаганды в пользу орлеанистов. Говорят, что между ним и принцем Омальским [пятым сыном свергнутого в 1848 г. Луи Филиппа – *И. Б.*] был заключен союз, целью которого является освобождение

Польши»⁷⁷². Действительно, «Отель Лямбер» сделал ставку на приход к власти династии Орлеанов в надежде на то, что, в виду близящегося франко-русского сближения, консервативному лагерю удастся добиться определенных уступок в пользу Польши от России. Для закрепления этого альянса Владислав Чарторыйский 15 января 1872 г. женился на внучке Луи Филиппа, принцессе Маргарите Аделаиде⁷⁷³.

Однако, как видно из сообщения Балашевича, эта информация дошла до него с полумесячным опозданием в виде слухов. Вероятно, на тот момент у него практически не было хороших информаторов в стане «Отеля Лямбер», в отличие от демократических группировок. В более поздних донесениях он время от времени будет предоставлять краткие обзоры деятельности Чарторыйских. В отчете 8 июля 1875 г. агент привел характеристику одного из собраний у Чарторыйского, на которое прибыли делегаты из западных губерний и Царства Польского: «План их предполагает отдачу судеб славян в руки Австрии и содействие в восшествии Орлеанов на трон Франции. План их был поддержан клерикальной партией, и благоприятствует ему австрийское правительство. Много эмигрантов, живущих в Австрии, проводит явную пропаганду в Галиции»⁷⁷⁴.

В целом, самозванный граф довольно редко взаимодействовал с польскими консерваторами – лондонская эмиграция в большей степени была подвержена демократическим идеям. В донесении 28 июня 1871 г. Балашевич указал, что сильной стороной лондонской фракции «дипломатов», возглавляемой агентом Чарторыйского, майором К. Шульчевским, были «значительные материальные ресурсы, а слабой – малое число членов и небольшое влияние»⁷⁷⁵. «Отель Лямбер» явно продолжал придерживаться своей классической стратегии, выработанной еще в 1830–1840-х гг. князем Адамом Чарторыйским – искать поддержки у великих

⁷⁷² Ibid. S. 282.

⁷⁷³ Gerber R. Komentarz // Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 427. Прим. 13.

⁷⁷⁴ Potocki A. Raporty szpiega. T. 2. S. 362.

⁷⁷⁵ Ibid. S. 249.

держав и пытаться использовать любые международные конфликты для продвижения польского дела.

По-видимому, контакты Балашевича с консервативным лагерем были более редки также по той причине, что ему мало было что предложить. Сторонников Чарторыйского в Лондоне было немного, при этом они располагали необходимыми финансовыми средствами. В свою очередь, влияние «графа Потоцкого» заключалось в возможности оказывать различные материальные услуги массе финансово необеспеченных эмигрантов и революционеров. Операцию по получению, например, английского паспорта, о котором Лавров просил графа-антиквара, приверженцы Чарторыйских вполне могли осуществить при помощи дипломатических каналов своих покровителей.

Подводя итог главе, отметим, во-первых, что в эпоху Александра II в развитии заграничного надзора значительную роль стали играть вопросы национальной идентичности, мировоззрения и служебной мотивации агентов. В лице Юлиана Балашевича-Потоцкого заграничный сыск впервые получил агента польского происхождения, который хорошо разбирался в деятельности польской эмиграции, но при этом осознавал себя идейным верноподданным Российской империи и пытался формулировать государственную стратегию по борьбе с польским национальным и революционным движением.

Во-вторых, российская система заграничного сыска конца 1850-х– первой половины 1870-х гг., в отличие от николаевской эпохи, активно принимала на вооружение приемы политической провокации и психологической борьбы против польской эмиграции и их союзников в зарождающемся российском революционном движении. Однако новое поколение агентуры по-прежнему представляло собой рекрутируемых случайным образом авантюристов и не имело за собой какой-либо профессиональной подготовки. Появление свежих кадров и новаторских приемов агентурной работы не было подкреплено какими-либо

структурными преобразованиями по профессионализации заграничной службы III отделения.

В-третьих, одним из главных направлений деятельности заграничного сыска периода правления «царя-освободителя», как и в николаевскую эпоху, оставался мониторинг планов покушений на европейских монархов среди польской эмиграции. При этом наиболее рьяным сторонникам цареубийства, сосредоточенным в «Республиканском польском центре» (ОРП), согласно агентурным донесениям, отводилась явно подчиненная роль по отношению к итальянским и французским революционным группировкам. ОРП не смог устроить убийство приоритетной для поляков цели в лице Александра II, но при этом был вовлечен франко-итальянскими союзниками в маловажную для польского национального движения кампанию по ликвидации Наполеона III. В то же время, ОРП управлялся не прямыми директивами «Всемирного республиканского союза», хоть и назывался его «польской секцией», а косвенно, в том числе при помощи денежных субсидий. Дж. Мадзини выступал в качестве высшего арбитра для эмигрантских предводителей, а не единоличного диктатора.

В-четвертых, новым предметом наблюдений тайной полиции царствования Александра II стала вовлеченность польских эмигрантов в подделку российских денежных знаков. Согласно агентурным донесениям, фальшивомонетничество могло использоваться и как инструмент политической борьбы, и как средство преступной наживы. Вместе с тем группировки польской эмиграции являлись лишь одним из звеньев международного нелегального бизнеса по фабрикации фальшивых банкнот. В этой сфере им зачастую приходилось договариваться с интернациональными организациями-посредниками вроде «Лиги мира и свободы».

Наконец, оборонительно-пассивная концепция сдерживания «польских выходцев» времен правления Николая I, которая ограничивалась мерами по недопущению заграничных эмиссаров в пределы России, в эпоху «Великих реформ» Александра II сменилась наступательной стратегией, основанной на деморализации польской эмиграции и ее уничтожении изнутри. Вместе с тем новый импульс развитию системы заграничного сыска дали не реформы

чиновников «сверху», а низовая общественная инициатива в лице выходца с национальных окраин Российской империи Балашевича, который, пожалуй, лучше сановников из Петербурга понимал угрозы со стороны национальных и революционных движений.

Заключение

Подрывная деятельность польской политической эмиграции на протяжении всего периода 1830–1870-х гг. была направлена, главным образом, против Российской империи. Наибольшую опасность, с точки зрения донесений заграничной агентуры, представляли группировки радикально-демократического лагеря, планировавшие незамедлительную организацию вооруженного восстания на территориях бывшей Речи Посполитой и убийства российского и других европейских монархов. Ко второй половине 1860-х гг. заграничные агенты стали фиксировать факты соучастия некоторых радикальных группировок польских эмигрантов в деятельности международных фальшивомонетчиков.

Консервативный лагерь, стремившийся в основном заручиться дипломатической поддержкой западных правительств, представлял меньшую угрозу. Тем не менее, заграничный сыск обращал пристальное внимание на проекты князя А. Чарторьского настроить национальные движения народов Юго-Восточной Европы против Российской империи. Кроме того, на фоне радикально-демократических группировок «Отель Лямбер» выделялся большей организованностью и стабильностью.

И консервативный, и революционно-демократический лагеря польской эмиграции проводили антироссийские пропагандистские кампании в западной прессе, а также отправляли эмиссаров в пределы бывшей Речи Посполитой с целью агитации местного польского населения, транспортировки оружия и организации подполья.

Развитие российской системы агентурного надзора за польской эмиграцией в 1830–1870-х гг. демонстрирует, что в ней так и не появилось централизованных спецслужб, которые бы специализировались на заграничном сыске и проводили соответствующую профессиональную подготовку кадров. Более того, руководство Российской империи изначально явно не планировало создавать полноценной системы зарубежного надзора. Все меры по организации заграничной агентуры на

польском направлении принимались ad hoc, при появлении той или иной сиюминутной угрозы, а не в результате долговременного стратегического планирования. Так, III отделение заинтересовалось зарубежным направлением только благодаря появлению польской эмиграции. «Секретный комитет высшего политического надзора» как попытка создать координационный центр заграничного надзора был организован в конце 1837 г. под влиянием агентурных сообщений об усилении активности польских эмиссаров. Наконец, амбициозного и честолюбивого агента Ю. Балашевича-Потоцкого рекрутировали в III отделения только тогда, когда стало ясно, что ситуация в российской части бывших земель Речи Посполитой выходит из-под контроля властей.

По всей видимости, и само III отделение вместе с Корпусом жандармов изначально не задумывались исключительно как орган политического сыска – тем более, заграничного. Сущность этих структур по задумке А.Х. Бенкендорфа, должна была быть подчеркнута «антишпионской» и заключаться, главным образом, в контроле за госаппаратом в центре и на местах. Основная обязанность жандармов состояла в информировании начальства о всевозможных происшествиях и злоупотреблениях в империи, но делать это нужно было наяву, завоевывая доверие и уважение общества, не прибегая к «подлому» шпионству. Если во внутренних губерниях «голубые мундиры» теоретически могли заменить стандартных платных «соглядатаев» (этого, конечно, в действительности не произошло), то за границей, где надзорная деятельность жандармерии была явно невозможна, приходилось прибегать к обычным информаторам.

Образование польской политической эмиграции после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. представляло собой экстраординарную угрозу транснациональных масштабов – российским органам государственной безопасности еще никогда не приходилось сталкиваться с противником такого рода. Подавленный незадолго до этого мятеж декабристов был событием чисто внутривнутриполитическим и не повлек за собой формирования массового и организованного общественного оппозиционного движения.

Безусловно, что проблему такого калибра Николай I не мог не взять под свой личный контроль – III отделение и было создано для надзора за подобными угрозами в «ручном режиме». Трансграничный характер этой новой опасности предопределил необходимость обзавестись заграничной агентурой, не вписывавшейся в первоначальный проект ведомства Бенкендорфа. При этом царь явно не собирался превращать его в централизованную службу внешней разведки. У него оставался прямой и постоянный канал связи с наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем, у которого была своя тайная полиция с заграничной агентурной сетью. Не стоит забывать и том, что разведанные приходили в том числе по линии МИД от российских дипломатических представителей.

Рекрутирование Я.Н. Толстого, по-видимому, было попыткой максимально «облагородить» недавно оформившийся заграничный сыск, приблизить его к жандармскому идеалу. Яков Николаевич, конечно, не мог носить мундир, но, в то же время, ему возбранялось вмешиваться в дела эмиграции (также и жандармам запрещалось напрямую корректировать работу губернаторов). Как и офицер «голубого ведомства», он должен был сохранять имидж уважаемого человека – его работа в качестве чиновника министерства просвещения, будучи официальным «прикрытием», не была фикцией: Толстой действительно имел реноме журналиста-литератора, при этом патриотически настроенного. Его обязанности культурного атташе были органичным дополнением к его репутации. Предел возможных «диверсий» со стороны Якова Николаевича – осторожная публикация анонимных опровержений «самых возмутительных» обвинений западной прессы при помощи подкупа уже более-менее расположенных к сотрудничеству иностранных журналистов. Поэтому и на польскую эмиграцию он обращал внимание, когда ее деятели затевали что-то действительно опасное для российских интересов (яркий пример – информационная кампания вокруг Макрены Мечиславской).

В то же время, явно децентрализованный характер системы российского заграничного надзора обуславливал то, что стиль работы Я.Н. Толстого не определял сущности всего политического сыска. Тайная полиция Царства Польского развивалась самостоятельно от III отделения и использовала свой

собственный арсенал агентурных методов. Донесения А. Вернера-Куберского 1830-х гг. демонстрируют, что ему было поручено внедриться в революционную польскую организацию и до поры до времени ей содействовать. Вполне вероятно, что такие стандартные для Царства Польского агентурные практики в инструментарии Ю. Балашевича-Потоцкого начала 1860-х гг. вызывали недоумение у Толстого не из-за экзотического характера этих подходов как таковых, а по причине того, что Толстой и его агенты не специализировались на политических провокациях, а занимались полулегальной дипломатической разведкой. Яков Николаевич Толстой при этом довольно быстро признал допустимость подобных практик и уже через полгода знакомства с молодым коллегой давал ему крайне лестную характеристику. Кроме того, у нас нет оснований говорить о том, что для всей системы политического сыска существовали какие-либо единые должностные инструкции, четко определявшие допустимость тех или иных методов. Вся история заграничного надзора 1830–1870-х гг. говорит о том, что эти моменты оставлялись на усмотрение конкретных руководителей тех или иных агентурных сетей.

Стратегия противодействия польской эмиграции на всем протяжении этого временного отрезка также не имела какого-либо единого долговременного плана и выработывалась исходя из конкретной ситуации. Оборонительная концепция заграничного сыска николаевской эпохи, не ставившая задачи нейтрализации эмиграции силами самой заграничной агентуры, вполне отвечала текущим запросам руководства Российской империи – нужно было не допустить враждебно настроенных эмиссаров в пределы страны. И с этой задачей система более-менее справлялась – относительная стабильность внутривнутриполитического положения в царствование Николая I позволяла по большей части игнорировать «интриги» польской эмиграции, представляющие опасность лишь в неопределенной перспективе.

Однако после Крымской войны и к моменту подъема национальных и революционных движений в Европе от николаевской стабильности не осталось и следа, что предоставило благодатную почву для агитационной и конспиративной

деятельности польской эмиграции в бывших землях Речи Посполитой. Но и тогда руководство политического сыска продолжало верить в незыблемость спокойствия в польских землях. И только кризисная ситуация начала 1860-х гг. заставила политическую полицию повернуть оборонительную концепцию николаевской эпохи в более наступательное русло и пойти на локальные эксперименты – от рекрутирования Балашевича-Потоцкого с его оригинальным подходом к ведению морально-психологической войны до агентурных операций под началом Ф.Ф. Трепова по захвату лидеров польской эмиграции.

Оценивая эффективность политического сыска следует признать, что архив III отделения аккумулировал большое количество ценных разведанных, позволяющих составить весьма нюансированное представление о международном положении польской эмиграции. При этом агентурные донесения с самого начала 1830-х гг. демонстрируют, что в польском вопросе Россия не имела преданных союзников в лице соучастников по разделам Речи Посполитой, но при этом и не находилась в полной изоляции. Монархии Габсбургов и Гогенцоллернов могли как попустительствовать активности польских эмигрантов, так и помогать российским властям в их поимке⁷⁷⁶. Репутацией главной покровительницы эмиграции пользовалась Франция, но и она временами вступала в ситуативное сотрудничество с самодержавием с целью нейтрализации наиболее опасных радикалов. Великобритания в таком сотрудничестве замечена не была, но никогда и не предоставляла польскому национальному движению каких-либо официальных гарантий поддержки.

Польская эмиграция в целом (если не говорить о конкретных группировках) была не послушной марионеткой тех или иных политических сил, а непредсказуемой стихией, которую лишь иногда удавалось временно «приручить».

⁷⁷⁶ Весьма точную характеристику отношений между Россией и Габсбургской монархией в своей недавней монографии привела российский историк-богемист О.В. Павленко: «Для политики Вены и Петербурга было характерно чередование циклов притяжения и отторжения, соперничества и сотрудничества». См.: Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М.: 2023. С. 334.

Для российского правительства, чаще всего становившегося мишенью эмиграции, задача «приручения» этой стихии оказалась непосильной и зачастую неактуальной. В николаевскую эпоху высшая полиция весьма скептически относилась к немногим эмигрантским «панславистам» вроде мистика Анджея Товяньского и графа Вацлава Яблоновского, призывавшим в той или иной форме к компромиссу с самодержавием. Царское правительство не только не считало нужным их поддерживать, но и, судя по всему, даже не пыталось воспользоваться ими с целью раскола польского национального движения.

В царствование Александра II политический сыск стал более активно работать с умонастроениями зарубежного польского сообщества, но основной упор делался на дискредитации эмигрантов и их нейтрализации, а не перековке в идейных русофилов. Главный редактор «Варшавского дневника» Н.И. Павлицев при помощи своих зарубежных агентов добывал порочащие «польских выходцев» сведения, а Ю. Балашевич-Потоцкий стравливал их между собой или – на рубеже 1860–1870-х гг. – старался отвлечь их от активной политической деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что получение III отделением большого количества данных о польской эмиграции далеко не всегда означало, что им было можно и (даже нужно) найти реальное практическое применение. Ограниченной по штату и стесненной в финансовых ресурсах политической полиции XIX в. были недоступны более продвинутые опции спецслужб XX–начала XXI вв.

В конечном итоге по формальным критериям заграничный политический сыск вышел победителем из данного противостояния – к концу 1870-х гг. классическая «Великая эмиграция» окончательно рассеялась и сошла с исторической сцены. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и вплоть до Первой мировой войны Европа не знала ни крупных войн с вовлечением нескольких великих держав, ни значительных революций – то есть событий, которые потенциально могли бы сулить Польше обретение независимости. Заграничный сыск сумел отчасти ослабить воздействие подрывных акций «польских выходцев», но не смог предотвратить появления позитивного мифа о «Великой эмиграции» в польском обществе и негативного – о III отделении и его

провокаторах. И эти провокаторы, несмотря на все усилия Ю. Балашевича-Потоцкого по «облагораживанию» профессии секретных агентов, в польской и российской исторической традиции получили клеймо «предателей», пусть и не во всех случаях заслуженно.

Завершая подведение итогов нашего диссертационного исследования, стоит отметить, что польская эмиграция, действительно, выражаясь словами Я. Кухажевского, стала своего рода «обучающим семинаром» для российского политического сыска. Исходившие от нее опасности отчасти предвосхитили угрозы со стороны российского революционного движения, набравшего силу к 1860–1870-м гг. Польским конспираторам не удалось убить монарха, но это получилось у народовольцев. Появление донесений во второй половине 1860-х гг. о вовлечении части политических эмигрантов в фальшивомонетничество предугадало появление связей между преступным миром и революционным движением. Наконец, выдающийся агент-провокатор Ю. Балашевич-Потоцкий в некотором смысле стал предтечей известных деятелей на службе Охранного отделения.

В ходе анализа результатов данного исследования мы выявили некоторые перспективные пути развития рассматриваемой в диссертации темы, а именно: более подробно рассмотреть взаимодействие органов правопорядка других европейских держав (Австрии, Пруссии, Франции и др.) и польской эмиграции, провести комплексный анализ пропагандистских акций польской эмиграции в западном общественном мнении, а также обобщить данные о сотрудничестве польской эмиграции с другими европейскими революционными движениями и политическими эмигрантами.

Список литературы и источников

Источники

Неопубликованные архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 165, 166, 170, 171, 173, 176, 178, 185, 186, 191, 230, 395, 448, 499, 504, 519, 541.
2. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 188, 191, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 203, 204, 205.
3. ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7.
4. ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1848 г. Ед. хр. 815.
5. ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861 г. Д. 154.

Опубликованные источники

6. Дневники Великого князя Константина Николаевича / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2019.
7. Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Сост. Е.И. Щербакова. М., 2014. [электронный ресурс] – URL: <https://history.wikireading.ru/388436> (дата обновления: 29.09. 2024).
8. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827-1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М., 2006.
9. Революция 1848 г. во Франции. Донесения Я. Толстого. / Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. Л., 1926.
10. *Tarle E.* Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Литературное наследство. Т. 31/32. М., 1937.
11. *Bałaszewicz J.* Niezabudki z brzegów Newy. Moskwa, 1860.
12. *Dziennik Warszawski.* 1867. № 69.
13. *Potocki A.* (Julian Aleksander Bałaszewicz). Raporty szpiega. Т. 1-2 / Wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerber. Warszawa, 1973.

14. *Potocki A.* Nosce te ipsum. Études d'après nature. Paris, 1877.
15. *Rybiński M.* List polityczny. Londyn, 1861.
16. Stowarzyszenie ludu Polskiego na Litwie i Białorusi. Szymon Konarski / Содружество польского народа в губерниях Виленской и Минской. Шимон Конарский. Warszawa, 2009.
17. Stowarzyszenie ludu Polskiego na Litwie i Białorusi. Szymon Konarski / Содружество польского народа в губерниях Виленской и Минской. Шимон Конарский. Warszawa, 2015.

Историография

18. *Абакумов О.Ю.* «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019.
19. *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.
20. *Абакумов О.Ю.* III отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826-1866 гг. М., 2017.
21. *Абакумов О.Ю.* У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. М., 2002. № 5. С. 127–138.
22. *Аржакова Л. М.* Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 369–388.
23. *Аржакова Л.М.* Российская историческая полонистика XIX века как часть отечественной славистики // Roczniki humanistyczne. 2021. Т. LXIX. Zesz. 7. S. 21–33.
24. *Аржакова Л.М.* Царство Польское или Привислинский край? Рецензия на книгу: Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 1. С. 241–273.
25. *Аржакова Л.М.* Русский патриот в Варшаве: об одной рукописи Николая Ивановича Павлицева // Textus et studia. Kraków, 2021. № 2 (26). S. 7–51.

26. *Бабоша И.А.* Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // *Родина*. 2022. № 10. С. 106–109.
27. *Бабоша И.А.* Политика Франции и Великобритании в отношении польской эмиграции накануне и во время Крымской войны (по донесениям агента III отделения Я.Н. Толстого) // *Историки-слависты МГУ: Кн. 16: Полвека служения кафедре славян. К 80-летию профессора Г. Ф. Матвеева. Научный сборник / Отв. ред. Ю.А. Борисёнок, З.С. Ненашева, А.Н. Литвинова. М: Издатель Степаненко, 2023. С. 88–98.*
28. *Бабоша И. А.* Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в III отделение) // *Славянский альманах*. 2023. № 3–4. С. 34–52.
29. *Бабоша И. А.* Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 5–17.
30. *Белявская И.М.* Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860-е гг.) // *Литературное наследство*. М., 1958. Т. 64. С. 751–778.
31. *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях 1831-1862 годов. М., 1873.
32. *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.
33. *Бибиков Г.Н.* Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М., 2023.
34. *Богучарский В.Я.* Третье отделение о самом себе // *Вестник Европы*. 1917. № 3. С. 85–126.
35. *Бодров А.В., Власов Н.А.* Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019.
36. *Борисёнок Ю.А., Бабоша И.А.* Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемповского (1867–1870 гг.) // *Вестник Московского Университета. Серия 8. История*. 2023. № 5. С. 35–48.

37. *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001.
38. *Борисёнок Ю.А.* Переулочек Калиновского, или станция Полоцк вместо Полоцкого университета // Русский сборник. Т. XV. М., 2013. С. 401–419.
39. *Борисов А.Н.* Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. СПб.; М., 2001.
40. *Воронков И.А.* Позиция польских повстанческих властей по вопросу их отношений к царскому правительству, русскому, украинскому, белорусскому, литовскому народам в период восстания 1830–1831 гг.» // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1978. С. 228–238.
41. *Деревнина Т.Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России: Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Т.Г. Деревнина. М., 1973.
42. *Деревнина Т.Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
43. *Дьяков В.А.* Глазами царского агента // Прометей. Т. 7. М., 1969. С. 327–340.
44. *Дьяков В.А.* Освободительная борьба польского народа против социального и национального гнета в 1794–1864 гг. // Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней / РАН Институт славяноведения и балканистики. Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1993. С. 123–140.
45. *Дьяков В.А.* Первые шаги под лозунгом «За нашу и вашу свободу» 1830–1856 // Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / Отв. ред. И.С. Миллер. М., 1976. С. 72–129.
46. *Дюков А. Р.* Бессилие Муравьева: «князя» Огинские и восстание 1863 года в Литве // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 85–95.
47. *Дюков А.Р.* К вопросу об идентичности Константина Калиновского: иконографические коды натального медальона и их интерпретация // Журнал

российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. № 1. С. 44–64.

48. *Дюков А.Р.* «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи // *Белорусский исторический обзор*. 2021. № 2. С. 19–44.

49. *Дюков А.Р.* «Который сегодня день?» Константин Калиновский и пароли виленского повстанческого подполья // *Историческая экспертиза*. 2023. № 2. С. 164–174.

50. *Дюков А.Р.* Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М., 2021.

51. *Заиченко О.В.* «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // *Новая и новейшая история*. 2023. № 1. С. 33–45.

52. *Иванов О.К.* «Корреспонденты» А.И. Чернышева // *История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / под ред. Е.М. Примакова*. М., 2014. С. 144–151.

53. *Измозик В.С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015.

54. *Кантор Р.М.* П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // *П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы*. Пг., 1922. С. 486–511.

55. *Каушанова О.С.* Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 383–461.

56. *Кеневич С.* Лелевель. М., 1970.

57. *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019.

58. *Колобова И.Н.* Зарубежные центры по подделке российских кредитных билетов (вторая половина XIX в.) // *Pieniądz – kapital – praca – wspólne dziedzictwo*

Europy – Białorus – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Słowacja – Ukraina / Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 2008. S.193–197.

59. *Комзолова А.А.* Власть, Православная церковь и реформы народной школы в Северо-Западном крае в 1860-х годах» // Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2022. С. 188–258.

60. *Комзолова А.А.* Европейские революции на пороге Российской империи: борьба III отделения против польской конспирации в 1830–1840-х г. // Русский сборник. Т. XXXII. М., 2022. С. 117–131.

61. *Комзолова А.А.* Граф Е.Ф. Канкрин и Николай I во время русско-польской войны 1830–1831 гг. // Российская история. 2024. № 2. С. 78–89.

62. *Комзолова А. А.* Особые полномочия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: кадровый аспект / А. Комзолова // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 44–52.

63. *Комзолова А.А.* Западный комитет и народная школа в Северо-Западном крае (1862–1864) // Российская история. 2021. № 6. С. 61–77.

64. *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

65. *Комзолова А.А.* Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2023. № 1. С. 68–74.

66. *Комзолова А.А.* Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // Российская история. 2021. № 6. С. 127–137.

67. *Комзолова А.А.* Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // Российская история. 2020. № 2. С. 159–173.

68. *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962.

69. *Ксенофонтов И.А.* Польский фактор в деятельности Франтишека Ладислава Ригера (1849–1871 гг.) // Человеческий капитал. 2021. № 11. С. 21–32.

70. *Кудрявцева Е.П.* Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019.
71. *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018.
72. *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1825–1855 гг. По подлинным делам III отделения Собственной Е.И. Величества канцелярии. СПб., 1909.
73. *Макарова Г.В.* Из истории российско-польского научного сотрудничества: публикация источников по истории общественного движения в Королевстве Польском в 30–50-е годы XIX в. // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация источников в России и Польше. М., 2011. С. 108–118.
74. *Макарова Г.В., Фалькович С.М.* Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. Г.В. Макарова, С.М. Фалькович. М., 2001. С. 190–304.
75. *Макарова Н.В.* Архивные дела III Отделения о полицейском надзоре при Николае I // Вопросы истории. 2010. № 10.
76. *Миллер И.С., Федосова Т.Ф.* В совместной борьбе против феодализма и самодержавного гнета // Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / отв. ред. И.С. Миллер. М., 1976. С. 130–187.
77. *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004.
78. *Мильчина В.А.* Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России // Лотмановский сборник. М., 1997. №2. С. 303–327.
79. *Мильчина В.А.* «Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017.
80. *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.

81. *Мулина С.А., Цабан В.* Неудачные агенты: практика доносительства среди ссыльных участников Январского восстания // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 2. С. 31–38.
82. *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.
83. *Носов Б.В.* Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016. С. 89–199.
84. *Олейников Д.И.* Бенкендорф. М., 2014.
85. *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982.
86. *Оржиховский И.В.* III отделение // Вопросы истории. 1972. № 2.
87. *Осват А.Л.* Тютчев и заграничная служба III Отделения // Тыняновский сборник: Пятые тыняновские чтения / отв. ред. М.О. Чудакова. Рига; Москва, 1994. С. 110–138.
88. *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.
89. *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М.: 2023.
90. *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.
91. *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. М., 1970.
92. *Порох В.И., Рослякова О.Б.* III отделение при Николае I. Саратов, 2010.
93. *Пухова Л.А.* Визит Александра II в Париж в 1867 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 6. С. 63–69.
94. *Ратч В.Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 г. Вильна, 1866.
95. *Рахимир П.Ю.* Князь Меттерних. Пермь, 2005.
96. *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826– 1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007.

97. *Рыжова Ю.В.* Деятельность политической полиции Российской империи в отечественной историографии // Вопросы истории. 2021. № 10/1. С. 246–252.
98. *Севастьянов Ф.А.* Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016.
99. *Сидорова М.В.* Штаты III отделения с.е.и.в. канцелярии // Из глубины веков. Вып. 4. СПб., 1995. С. 3–11.
100. *Смирнов А.Ф.* Революционные связи народов России и Польши 30–60 годов XIX в. М., 1962.
101. *Таньшина Н.П.* К.В. Нессельроде и Ш.А. Поццо ди Борго: дипломатический тандем // Новая и новейшая история. № 5. 2021. С. 71–82.
102. *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб., 2021.
103. *Таньшина Н.П.* На идеологическом фронте Крымской войны: образ России во французской литературе и публицистике. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 248–274.
104. *Таньшина Н.П.* Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб., 2021.
105. *Таньшина Н.П.* Образ России как следствие политической конъюнктуры, или метаморфозы аббата Прадта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 33–45.
106. *Таньшина Н.П.* Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 4. С. 25–25.
107. *Таньшина Н.П.* Польский вопрос по запискам императора Николая I и графа Ш.А. Поццо ди Борго // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 15–26.
108. *Таньшина Н.П.* Русофобия: История изобретения страха. М., 2023.
109. *Таньшина Н. П.* Славянофильство и парадоксы восприятия России на Западе // Наука. Общество. Оборона. 2024. № 1. С. 1–1.

110. *Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.
111. *Троцкий И.М.* III отделение при Николае I. М., 1930.
112. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.
113. *Фалькович С.М.* Польская «Великая эмиграция» 1831-начала 1860-х гг. // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016. С. 461–603.
114. *Фалькович С.М.* Польская эмиграция в период упадка восстания 1863–1864 гг. // Революционная Россия и революционная Польша: сб. статей / Под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, Н.П. Митиной. М., 1967. С. 148–208.
115. *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III: несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015.
116. *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.
117. *Черкасов П.П.* Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112.
118. *Черкасов П.П.* Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.
119. *Черкасов П.П.* Резидент III отделения в Париже Яков Николаевич Толстой (По материалам российских и французских архивов) // *Черкасов П.П.* Persona non grata. Архивы раскрывают свои тайны. М., 2024. С. 52–79.
120. *Чукарев А.Г.* Тайная полиция России: 1825—1855 гг. М; Жуковский, 2005.
121. *Щербакова Е.И.* «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе [электронный ресурс]. URL: <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2018/07/14.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).
122. *Щербакова Е.И.* Неблагонадежные иностранцы, «польские выходцы» и другие... [электронный ресурс]. URL: <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2018/07/14.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

123. *Щербакова Е.И.* Управа высшего благочиния [электронный ресурс]. URL: <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2018/07/14.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

На иностранных языках

124. *Бойка-Гагарин А.* Нові дані про ввезення до Російської імперії фальшивих грошей із Англії протягом ХІХ ст. // Наукові записки з української історіїю. Переяслав-Хмельницький, 2019. Вип. 45. С. 207–218.

125. *Aliprantis C.* The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach // Central Europe. London, 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 20–35.

126. *Borejsza J.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. 488 s.

127. *Borkowski J.* Andriej Storożenko – "Wrażenia" : (fragmenty dziennika z lat 1844–1845) // Niepodległość i Pamięć. Warszawa, 2003. №1. S. 217–242.

128. *Djakow W., Nagajew A.* Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832-1835) / przeł. M. Kotowska. Warszawa, 1979.

129. *Caban W.* Zesłańcy syberyjscy wobec powstania styczniowego. Sylwetki – poglądy – idee. Warszawa, 2024.

130. *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). Paris, 1967.

131. *Cosma E.* Diplomatic and military agents of the Polish Emigration in the Romanian principalities (1833–1849) // Istrazivanja. Journal of Historical Researches. № 30. Novi Sad, 2019. P. 111–140.

132. *Cygler B.* Pułkownik Ludwik Oborski. Szermierz wolności (1787–1873). Gdańsk, 1976.

133. *Cygler B.* Zjednoczenie emigracji polskiej 1837–1846. Gdańsk, 1963.

134. *Florkowska-Frančić H.* Emigracyjna działalność Agatona Gillera po powstaniu styczniowym. Wrocław, 1985.

135. *Gadon L.* Emigracja polska: Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. T. 1–3. Kraków, 1901.

136. *Gerber R.* Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 5–78.
137. *Głębocki H.* „Diabeł Asmodeusz” i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012.
138. *Goddeeris I.* La Grande Emigration polonaise en Belgique (1831–1870). Elites en masses en exil à l'époque romantique. Frankfurt am Main, 2013.
139. *Goddeeris I.* Spór o emigrację polską w XIX w. – odpowiedź autora // Kwartalnik Historyczny. 2016. № 2. S. 321–326.
140. *Grabski A.* Joachim Lelewel i demokracja niemiecka. Z dziejów międzynarodowych kontaktów polskiej lewicy w dobie Wielkiej Emigracji. Łódź, 1987.
141. *Hahn H.* Außenpolitik in der Emigration. Die Exildiplomatie Adam Jerzy Czartoryskis 1830–1840. München; Wien, 1978.
142. *Hahn H.* Dyplomacja bez listów uwierzytelniających: Polityka zagraniczna Adama Jerzego Czartoryskiego 1830–1840. Warszawa, 1987.
143. *Hahn H.* Possibilities and limitations of Foreign Policy, in exile: Adam Jerzy Czartoryski's Hotel Lambert in Western Europe, 1831–40 // Eastern Europe and the West: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies / Ed. by J. Morison. New York, 1992. P. 3–25.
144. *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 1–3. Warszawa, 1948–1950.
145. *Iwaszkiewicz J.* Niebezpieczny prowokator. Mniemany hrabia Albert Potocki // Kurier Literacko-Naukowy. Nr 356. Warszawa, 1928. S. 14–15.
146. *Iwaszkiewicz J.* Wielka prowokacja: rzekomy rząd narodowy 1865 r. Warszawa, 1928.
147. *Kaczyńska E., Drewniak D.* Ochrona: carska policja polityczna. Warszawa, 1993.
148. *Kalembka S.* Ponownie o stosunku prasy polskiej do kwestii zjednoczenia Italii // „O naszą i waszą wolność”: Studia z dziejów polskiej myśli politycznej doby romantyzmu. Olsztyn, 1997. S. 181–196.
149. *Kalembka S.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie w latach 1832-1846. Poznań, 1966.

150. *Kalembka S.* Wielka Emigracja, Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831–1862. Toruń, 1971.
151. *Karbownik K.* Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853–1856 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. Warszawa, 2012. T. 13. № 4. S. 215–233.
152. *Karpińska M.* Policje tajne w Królestwie Kongresowym // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1985. T. 76. № 4. S. 679–709.
153. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.
154. *Kiper D.* Ewolucja roli polskich organizacji emigracyjnych po powstaniu styczniowym (do roku 1880) // *Studia polonijne*. Lublin, 2020. T. 41. S. 95–107.
155. *Kozłowski E.* Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871. Warszawa, 1973.
156. *Kuk L.* Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej): geneza, uwarunkowania, podstawowe koncepcje. Toruń, 1996.
157. *Kulik M.* Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa, 2019.
158. *Łopuszański B., Smirnow A.* Wstęp // *Konarski S.* Dziennik z lat 1831–1834. Wrocław, 1973.
159. *Łukasiewicz W.* Szymon Konarski. Warszawa, 1948.
160. *Małochleb P.* Sztyletnicy powstania styczniowego – historiografia i literatura. *Rekonesans* // *Teksty Drugie*. Teoria literatury, krytyka, interpretacja. Warszawa, 2008. № 3. S. 184–193.
161. *Marchlewicz K.* For Independent Poland and the Emancipation of the Working Class: The Poles in the IWMA, 1864–1876 // "Arise Ye Wretched of the Earth": The First International in a Global Perspective / *Bensimon F., Deluermoz Q., Moisand J.* (Eds.). Leiden; Boston, 2018. P. 181–192.
162. *Marchlewicz K.* Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r. // *Przegląd Historyczny*. 2020. T. CXI. Z. 2. S. 243–255.
163. *Marchlewicz K.* Wielka Emigracja na Wyspach Brytyjskich (1831–1863). Poznań, 2008.

164. *Monas S.* The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961.
165. *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849. Warszawa, 1994.
166. *Nowak A.* Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733–1921). Warszawa, 1995.
167. *Pac L.* Konfederacja Narodu Polskiego: z dziejów Wielkiej Emigracji: część II // *Przegląd Historyczny*. 1936. T. 33. № 1.
168. *Squire P.S.* The Metternich-Benckendorff Letters, 1835–1842 // *The Slavonic and East European Review*. London, 1967. Vol. 45. № 105. P. 368–390.
169. *Squire P.S.* The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968.
170. *Pezda J.* Emigracyjne gry dyplomatyczne // *Polacy i świat, kultura i zmiana: studia historyczne i antropologiczne ofiarowane profesor Halinie Florkowskiej-Frančić*. Kraków, 2016. S. 65–74.
171. *Próchnik A.* Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // *Studia i szkice (1864–1918)*. Warszawa, 1962.
172. *Ramotowska F.* "Wielka Prowokacja" 1864 r. w świetle nowych źródeł archiwalnych // *Przegląd Historyczny*. Warszawa. 1973. T. 64. Zesz. 1. S. 85–116.
173. *Rzadkowska H.* Marian Langiewicz. Warszawa, 1967.
174. *Skaluba P.* Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysockiego w latach 1853–1855 // *Bezpieczeństwo. Teoria i praktyka*. Kraków, 2010. № 3–4. S. 211–218.
175. *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski 1770–1861. Warszawa, 1994.
176. *Skowronek J.* "Aussenpolitik in der Emigration. Die Exidiplomatie Adam Jerzy Czartoryski 1830-1840", Hans Henning Hahn, München-Wien 1978 : [recenzja] // *Przegląd Historyczny*. 1981. № 1. S. 145–150.
177. *Skowronek J.* Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969.
178. *Skowronek J.* Sprzymierzeńcy narodów bałkańskich. Warszawa, 1983.

179. *Szostakowski S.* Emisariusze polscy w Prusach Wschodnich (1833–1841) // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. Olsztyn, 1981. № 2–4. S. 245–258.
180. *Śliwowska W.* Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. Wrocław, 1997. S. 11–31.
181. *Uljasz A.* Notatki Juliana Aleksandra Bałaszewicza o repertuarze teatralnym w Warszawie w latach 1862–1864 jako źródło do badań nad dziejami teatru polskiego // *Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie*. Rok LX. Kraków, 2015. S. 127–143.
182. *Wereszycki H.* Hotel Lambert i obóz Białych przed wybuchem powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny*. 1959. № 3. S. 514–544.
183. *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny*. 1957. № 2. S. 234–269.
184. *Wincenciuk P.* Policje tajne w Królestwie Polskim (1815-1830) i dzieje ich spuścizny aktowej // *Miscellanea Historico–Archivistica*. Warszawa, 2012. T. 19. S. 203–222.
185. *Zdrada J.* Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. Warszawa, 1987.
186. *Zdrada J.* Zmierzch Czartoryskich. Warszawa, 1969.
187. *Ziółek J.* Emigracja polska po 1848 roku. Działalność polityczna // *Roczniki humanistyczne*. Lublin, 1996. T. XLIV. Z. 2. S. 175–197.
188. *Złotorzycka M.* Antoni Berezowski i jego zamach na Aleksandra II-go // *Niepodległość*. 1934. T. VIII. S. 321–350.
189. *Złotorzycka M.* Ideologia „Ogniska Republikańskiego Polskiego” (1867-70) // *Niepodległość*. 1935. T. XII. Z. 3. S. 1–21.
190. *Żmigrodzki J.* Józef Bosak-Hauke // *Niepodległość*. Warszawa, 1933. T. VIII. S. 173–205.
191. *Żurawski vel Grajewski* Jeszcze raz o Wielkiej Emigracji w Belgii – polemika na marginesie książki Idesbalda Goddeerisa // *Kwartalnik Historyczny*. 2016. № 3. S. 515–521.

192. *Żurawski vel Grajewski R.* Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w „dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź, 2018.

193. *Żurawski vel Grajewski R.* Wielka Emigracja w Belgii (1831–1870). Wizerunek bez heroizmu // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 2016. Rocznik CXXIII. № 1. S. 103–124.

194. *Żychowski M.* Generał klęski: Ludwik Mierosławski. Warszawa, 1965.

Справочные издания

195. Le Maitron (Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français) [электронный ресурс]. URL: <https://maitron.fr/spip.php?article64108>. Дата обращения: 29.09.2024). – «Мэтрон» (Биографический словарь о французском рабочем движении).

Литература по методологии исследования

196. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.

197. *Кром М.М.* Историческая антропология. Учебное пособие. СПб., 2010.

198. *Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // THESIS. М., 1994. Вып. 4. С. 177–192.

199. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

200. *Савельева И.М.* Новая «социальность» социальной истории // Высшая школа экономики. Серия WP6 "Гуманитарные исследования". М., 2015. № 3.